

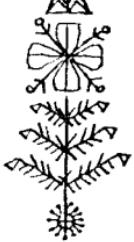

ПОМОРСКИЕ СКАЗКИ

ХУДОЖНИК
Т. ЮФА

1457768

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

С незапамятных времен большой любовью в народе пользуется сказка. Ее необъятный чудесный мир, в котором всегда торжествует справедливость и добро побеждает зло, привлекает к себе взрослых и детей. Истоки народной сказки связаны с мифологическими представлениями наших предков, их верованиями и обрядами. В сказке причудливо переплетаются фантастические и реальные события, и в этом двуединстве, пожалуй, заключена основная ее прелесть.

Настоящий сборник познакомит читателя со сказками поморов — русского населения карельского побережья Белого моря. Сказки эти отражают в основном общерусскую сказочную традицию, но в то же время они имеют ряд отличительных особенностей, обусловленных спецификой исторического развития края, труда и быта его жителей.

Наиболее любимы в Поморье длинные волшебные сказки приключенческого характера, где действие непременно связано с морем. Герой таких сказок — бедняк. Но не менее популярны и сказки, героиней которых является женщина, она делит наравне с мужчиной все испытания, оказывается чудесной его помощницей. В ряде сказок она — невинная жертва коварного врага.

Внимательный читатель заметит, что порой сказочник, используя почти одни и те же эпизоды, создает совершенно новую сказку, не похожую на другие.

Хороший сказочник пользовался в Поморье большой популярностью. До недавнего времени он скрашивал вынужденный досуг поморов во время длительных морских и рыболовных промыслов.

В исполнительской манере поморских сказочников сохранились некоторые следы древней обрядовой функции сказки. В то далекое время, когда люди верили в существование сверхъестественной силы и надеялись на ее помощь, рыбаки, уходя на промысел, обязательно брали с собой сказочника. Они полагали, что хорошая сказка может усыпить бдительность морского хозяина: заслушавшись, он может уснуть, и оказавшаяся без присмотра рыба попадет в сети. Этим объ-

ясняется спокойная, словно убаюкивающая, манера рассказывания. Сказочник не разыгрывал сказку, не жестикулировал, а неторопливо вел повествование. Такой характер исполнения сохранился вплоть до последнего времени.

На сказочную традицию Карельского Поморья большое влияние оказала богатая и древняя культура соседнего карельского народа. Повлияла на поморскую сказку и книга. Известно, что по уровню грамотности поморы в дореволюционной России были на одном из первых мест.

В поморских сказках нашли отражение и приметы нашего времени, черты поморского быта. Герои сказок живут на берегу Белого моря, отправляются путешествовать на корабле в дальние страны. Частым местом действия является тоня — место сезонного лова рыбы. В сказках много местных слов, архаизмы соседствуют с новыми словами, совсем недавно вошедшими в обиход. Все это свидетельствует о жизненности сказки, ее современности и вечно меняющемся характере.

Читатели уже знакомы с поморскими сказками. В 1939 году в Петрозаводске вышло двухтомное собрание сказок талантливого поморского сказочника Матвея Михайловича Коргуева. В 1974 году в издательстве «Карелия» появился подготовленный нами (А. П. Розумовой и Т. И. Сенькиной) академический сборник «Русские народные сказки Карельского Поморья». Однако, несмотря на солидность изданий, они не смогли вместить всего богатства и разнообразия поморских сказок, которых сейчас записано более тысячи.

Предлагаемый читателю сборник несколько отличается от предыдущих. Составители стремились сделать его доступным более широкому кругу читателей, поэтому сказки даны в литературной обработке, с сохранением лишь некоторых особенностей местной речи.

КАК ЗВЕРИ ВОЙНЫ ИСПУГАЛИСЬ

Жили-были стариk да старуха, была у них курочка. Сидела курочка на крыше сарайки, кто-то ее испугал, она и побежала. Бежит по улице, а навстречу ей петух.

— Беги, бедный петух, война заводится! — кричит курица.

— Кто тебе сказал?

— Сама я видела, сама я слышала, самой мне пулька в лоб прилетела.

И побежали. Бежали, бежали, встретился им заяц. Петух и говорит:

— Беги, бедный заяц, война заводится!

— Кто тебе сказал?

— Курочка сказала.

— Курочка, кто тебе сказал?

— Сама я видела, сама я слышала, самой мне пулька в лоб прилетела.

И побежали. Бежали, бежали, а навстречу им волк.
Заяц и говорит:

— Беги, бедный волк, война заводится!

— Кто тебе сказал?

— Петух.

— Петух, кто тебе сказал?

— Курочка.

— Курочка, кто тебе сказал?

— Сама я видела, сама я слышала, самой мне пулька в лоб прилетела.

И побежали. Бежали, бежали, по дороге лиса встретилась. Волк говорит:

— Беги, бедная лиса, война заводится!

— Кто тебе сказал?

— Заяц сказал.

— Заяц, кто тебе сказал?

— Петух.

— Петух, кто тебе сказал?

— Курочка.

— Курочка, кто тебе сказал?

— Сама я видела, сама я слышала, самой мне пулька в лоб прилетела.

И побежали. Бежали, бежали, встретился им медведь. Лиса и говорит:

— Беги, бедный медведь, война заводится!

— Кто тебе сказал?

— Волк!

— Волк, кто тебе сказал?

— Заяц.

— Заяц, кто тебе сказал?

— Петух.

— Петух, кто тебе сказал?

— Курочка.

— Курочка, кто тебе сказал?

— Сама я видела, сама я слышала, самой мне пулька в лоб прилетела.

И побежали. Бежали, бежали — да все в яму и упали. (Раз война, так испугались.) Сидели в яме день, сидели другой — есть захотели. Лисица и говорит:

— Давайте имена считать! Мишенька-медведь — хорошо имечко, лисонька-лисавушка — хорошо имечко, волк-волкочок — хорошо имечко, зайнька-белянинька — хорошо имечко, пetenька-петушок — хорошо имечко, а курица-пакурица — худое имя.

Взяли да и съели курицу. Ну что им досталось?

По косточке по одной только. Опять сидели, сидели — есть захотели. А лисица-то хитрая-прехитрая. Опять предлагает:

— А давайте имена считать, чье лучше? Мишенька-медведь — хорошо имечко, лисонька-лисавушка — хорошо имечко, волк-волкочок — хорошо имечко, заинька-беляинька — хорошо имечко, а петька-петушок — худое имя.

Да и съели петуха. Ну что от этого петуха? Опять сидели, сидели — есть захотели. Лиса и говорит:

— Давайте опять имена считать, чье лучше? Мишенька-медведь — хорошо имечко, лисонька-лисавушка — хорошо имечко, волк-волкочок — хорошо имечко, заинька-беляинька — худое имя.

Съели зайца. С зайца побольше досталось. Сидели, сидели, кого теперь-то есть? Лиса стала опять считать:

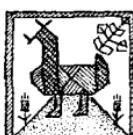
— Мишенька-медведь — хорошо имечко, лисонька-лисавушка — хорошо имечко, а волк-волкочок — худое имя.

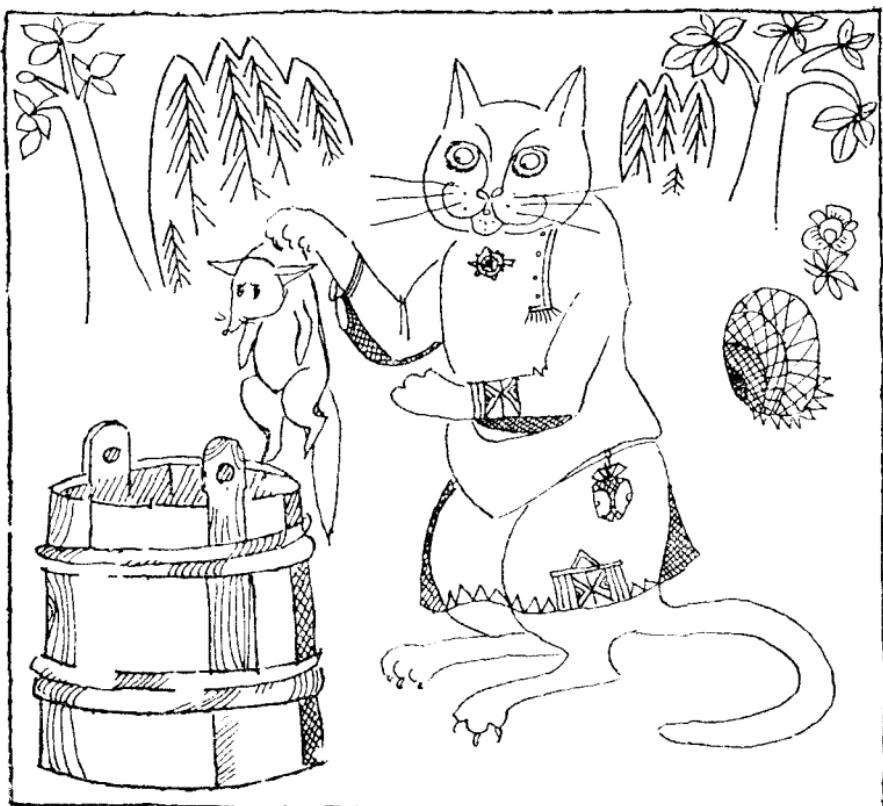
Да и волка съели. Остались лиса да медведь. А лисица под себя мясо закопала, сидит да понемножку ест. Медведь есть захотел и спрашивает:

— Кумушка, что ты там жуешь, откуда чего берешь?

— А это я кишки свои вытаскиваю, что же больше делать?

Ну, медведь запихал свою лапу, вытащил все у себя — да и пропал, помер. А лисонька-лисавушка ела этого медведя сколько хотела — и жива осталась. Вот какая хитрая лисица.

ЧУЧЕЛКА ДА ПАРАЧУЛКА

Пришел кот к лисьей норе и поет:

— У креста, креста, креста,
Да у каменного моста,
Жила-была лиса-красна,
У лисы было три дочери:
Одну звали Чучелка,
Другую Парачулка,
Третью — Подай членок.
Сын Дорофей, да другой — Малафей.

— А поди-ко, Чучелка, сходи,— говорит лиса,—
кто там поет?

Чучелка и пошла. Пришла, а там кот смолит бочку,
он и посадил Чучелку в эту бочку. Посадил и запел:

— У креста, креста, креста,
Да у каменного моста,

Жила-была лиса-красна,
У лисы было три дочери:
Одну звали Чучелка,
Другую Парачулка,
Третью — Подай членок.
Сын Дорофей, да другой — Малафей.

Поди-ко, Парачулка,— говорит лиса,— посмотри,
кто там так хорошо поет?

Та пошла, да обратно и не возвратилась. Кот в
смоленскую бочку ее посадил и запел:

— У креста, креста, креста,
Да у каменного моста,
Жила-была лиса-красна,
У лисы было три дочери:
Одну звали Чучелка,
Другую Парачулка,
Третью — Подай членок.
Сын Дорофей, да другой — Малафей.

— Поди-ко, дочка, сходи — говорит лиса третьей
дочери,— посмотри, кто там поет?

Та пошла да и ёльнула — не возвратилась. Кот снова
поет:

— У креста, креста, креста,
Да у каменного моста,
Жила-была лиса-красна,
У лисы было три дочери:
Одну звали Чучелка,
Другую Парачулка,
Третью — Подай членок.
Сын Дорофей, да другой — Малафей.

— Дорофейко,— говорит лиса,— поди сходи, кто там
поет?

Тот ушел и не вернулся. Кот снова и запел:

— У креста, креста, креста,
Да у каменного моста,
Жила-была лиса-красна,
У лисы было три дочери:
Одну звали Чучелка,
Другую Парачулка,
Третью — Подай членок.
Сын Дорофей, да другой — Малафей.

— Сбегай-ко, Малафейка, посмотри, кто там поет?
Все ушли, никого не видать. Кто же там поет?

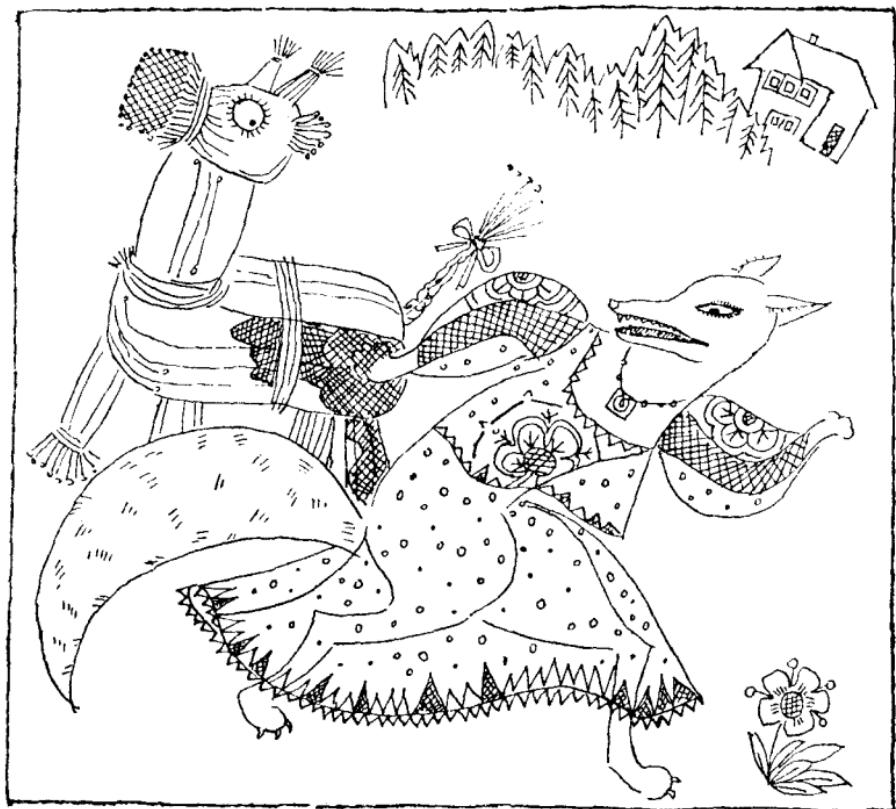
Тот побежал, да тоже и не возвратился. Опять кот запел:

— У креста, креста, креста,
Да у каменного моста,
Жила-была лиса-красна,
У лисы было три дочери:
Одну звали Чучелка,
Другую Парачулка,
Третью — Подай членок.
Сын Дорофей, да другой — Малафей.

Некого больше посыпать. Пошла лиса сама. А кот ее цап-царап, в бочку посадил, засмолил да и поджег лису, чтобы больше не пакостила.

Вот и все.

СОЛОМЕННЫЙ БЫЧОК

Жили-были старик со старухой, и не было у них никакой животинки — ни коровы, ни овечки. Сделал однажды старик бычка: соломкой набил, смолой намазал, бычок и заговорил:

— Дедушка, бабушка, пустите меня в лес погулять, зеленой травки пощипать.

Не хочется старику отпускать бычка. А бычок снова просится:

— Пустите, дед да баба, меня в лес погулять, зеленой травки пощипать.

Что старикам делать? Пришлось пустить. Идет бычок, а навстречу ему лиса. Смотрит лиса — что за чудо идет? Как лапками потрогала — так и прилипла. Идет бычок домой, тащит лисицу и кричит:

— Дедка, бабка, берите ружье, убивайте лисицу! Схватили они ружье, выбежали, а лисица взмолилась:

— Дедушка, бабушка, не убивайте меня, я вам стадо гусей, стадо курей приведу.

— Ладно, но если обманешь — шкуру сдерем.

Отпустили лисицу. Немного времени прошло, ведет лисица стадо гусей и стадо курей.

На второй день бычок снова говорит:

— Дед да баба, пустите меня в лес погулять, зеленой травки пощипать.

Не хочется старику отпускать бычка, а он просится:

— Дедушка, бабушка, пустите меня.

Ну и пустили. Идет бычок, а навстречу ему волк. Прильнул к бычку лапами — да и прилип. Идет бычок домой и кричит:

— Дедка, бабка, берите ружье, убивайте волка!

Взмолился волк:

— Дедушка, бабушка, не убивайте меня, я вам стадо баранов да стадо овец приведу.

— Ладно, но если обманешь — шкуру сдерем.

Отпустили. Прошло немного времени, и ведет волк стадо баранов и стадо овец. Привел и убежал. А бычок снова просится:

— Пустите меня, дед да баба, в лес погулять, зеленой травки пощипать.

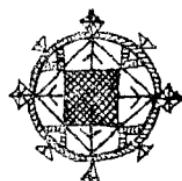
Долго старики не пускали бычка, а потом отпустили. Пошел бычок. Стал травку щипать, вдруг медведь из чаши выходит. Посмотрел — что за чудо? Как вцепится лапами в бычка — да и прилип. Идет бычок и кричит:

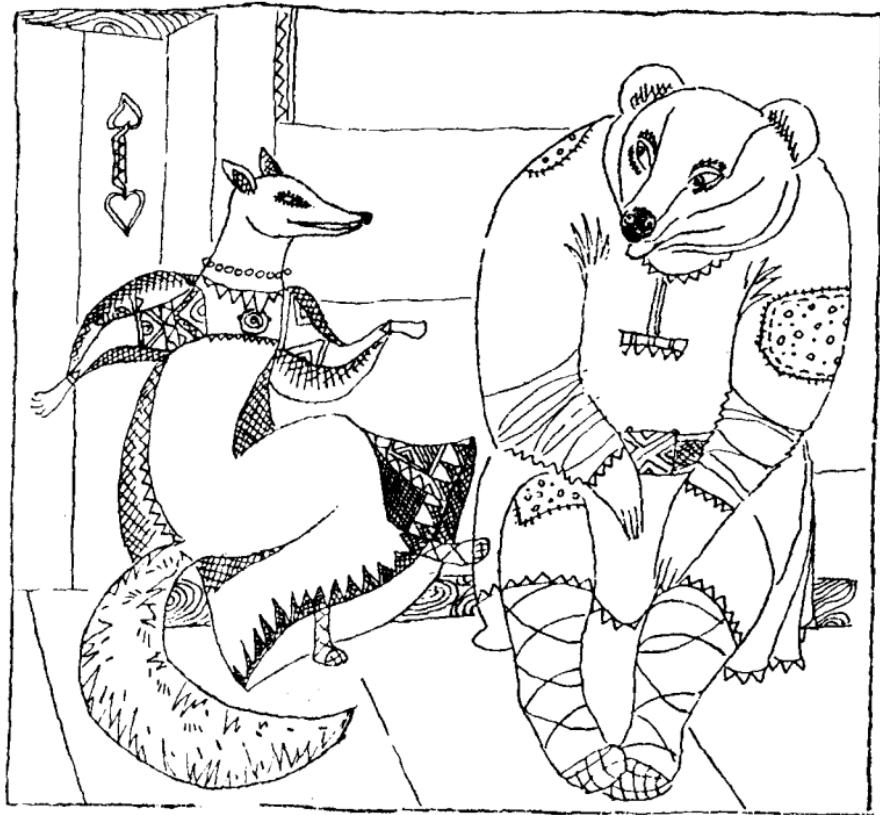
— Дедка, бабка, берите ружье, убивайте медведя!

Медведь и взмолился:

— Дедушка, бабушка, не убивайте меня, я вам стадо коров и стадо бычков пригоню.

Отпустили они медведя, поверили. Прошло немного времени, гонит медведь стадо бычков и стадо коров. Много стало скотины у старииков. Стали они жить-поживать. Ели просто, а жили лет до ста.

ЛИСА-ПОВИТУХА

Жили в лесу медведь и лиса. У медведя была хата, а у лисицы нет. Вот и пришла лисица к медведю.

— Кум, возьми меня на квартиру.

— Иди, кума, вдвоем веселее.

Вот и стали жить.

А у медведя на вышке была целая бадья масла накоплена. Лиса узнала, что у медведя масло есть, как-то вечером незаметно от медведя постучала в дверь и говорит:

— Кум, к нам кто-то стучится.— И спрашивает: — Кто там?

А сама медведю говорит:

— Кум, меня бабить зовут.

— Иди, бедна кума, хоть хорошего поешь.

Ну, кума и пошла. Была-побыла на вышке, полизала масла и приходит домой. Медведь спрашивает:

— Ну, кого бог дал?

— Зачиньша,— отвечает лиса.

Прошло сколько-то времени, лисе опять захотелось масла полизать. Она опять — стук, стук, стук в дверь.

— Кум, меня бабить зовут.

— Так иди, бедна кума, хоть хорошего поешь.

Она опять и пошла. Приходит домой, медведь спрашивает:

— Ну, кого бог дал?

— Середыша.

Жили они пожили, лисе опять захотелось масла полизать. Она постучала в дверь — стук, стук, стук.

— Кум, меня бабить зовут.

— Иди, иди, кума, хоть хорошего поешь.

Сходила лиса на вышку, долизала все масло и приходит домой.

— Так кого бог дал? — спрашивает медведь.

— Поскребыша.

Вот еще жили-пожили, медведю захотелось постриять.

— Пойти разве масла взять.

Приходит, а на чердаке бадья пустая, нет масла.

— Ты, кума, масло съела?

— Нет, нет, я не ела, не ела!

— Ну уж кто, как не ты.

— Ты, наверно, сам съел, а на меня говоришь.

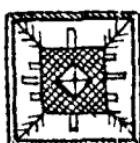
— Не ел я,— оправдывается медведь.

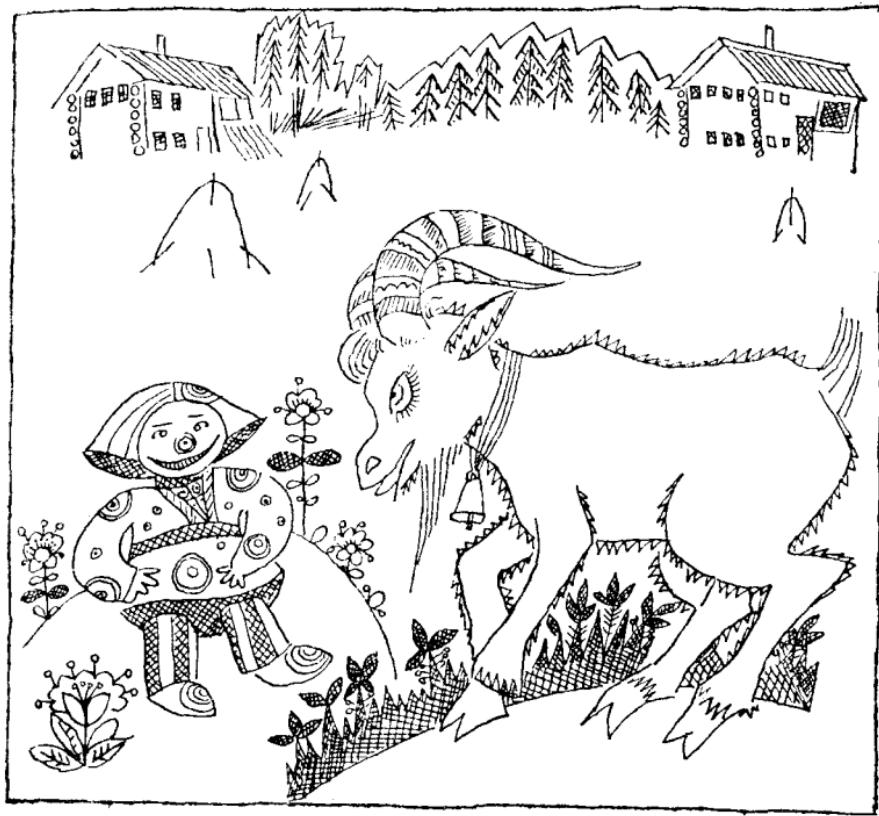
— Давай-ко повалимся на печь,— говорит лиса,— посмотрим, из кого больше масла вытечет.

Затопили печку и повалились. А лиса хитрая. Медведь-то разогрелся и заснул, ни о чем и не думает. Лиса взяла масло да и намазала его. Проснулся медведь, лиса ему говорит:

— Кто сказал, что я масло съела? Посмотри-ко, ты весь в масле, ты его и съел!

На том и помирились: медведь съел масло.

ГЛИНЯНЫЙ ИВАНУШКА

Жили-были старик со старухой, не было у них детей. Вот старуха и говорит:

— Пойдем, дед, слепим из глины мальчика.

Слепили и положили на печку сушиться. Высох под утро глиняный мальчик и говорит:

— Бабушка, дай хлеба мякушку и молока кадушку.

Бабушка дала. Съел он хлеба мякушку, выпил молока кадушку, еще просит:

— Бабушка, дай еще хлеба мякушку и молока кадушку.

А бабушке и дать больше нечего. Слез глиняный мальчик с печи, съел бабку с прялкой, дедку с палкой — и дальше пошел. Навстречу ему бык. Глиняный мальчик и говорит:

— Съел я хлеба мякушку, выпил молока кадушку, съел бабку с прялкой, дедку с палкой — и тебя съем!

Съел быка с рогами. Идет дальше, навстречу ему лесорубы с топорами. Он говорит:

— Съел я хлеба мякушку, выпил молока кадушку, съел бабку с прялкой, дедку с палкой, быка с рогами — и вас съем!

Съел лесорубов с топорами. Идет дальше, навстречу ему бабы с граблями и мужики с косами. Он говорит:

— Съел я хлеба мякушку, выпил молока кадушку, съел бабку с прялкой, дедку с палкой, быка с рогами, лесорубов с топорами — и вас съем.

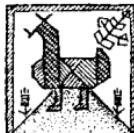
И съел баб с граблями и мужиков с косами. Идет дальше, а навстречу ему козел. Он говорит:

— Съел я хлеба мякушку, выпил молока кадушку, съел бабку с прялкой, дедку с палкой, быка с рогами, лесорубов с топорами, баб с граблями, мужиков с косами — и тебя съем!

Козел говорит:

— Не торопись, встань под горку, а я на горку. Я сам тебе в рот и прыгну.

Разбежался козел — и рогами прямо в пузо глиняному мальчику. Он и разлетелся. И вышли: бабка с прялкой, дедка с палкой, бык с рогами, лесорубы с топорами, бабы с граблями, мужики с косами. Всех освободил козел.

КАК СТАРИК ГОРОХ СЕЯЛ

Набрала старуха гороху и принесла домой. Горох раскатился по полу, и одна горошина упала в подполье. Проросла горошина и дотянулась до мостины¹. Старуха и говорит старику:

— Старик, что делать? Горошина уже в мостину уперлась. Давай проруби мостину.

Старик прорубил мостину, а горошина все растет, до потолка уже поднялась. Старик прорубил потолчину, горошина — на крышу. Крышу прорубил, горошина все растет и растет. Стариk говорит:

— Старуха, полезем-ко на небеса. Я по горошине буду подниматься.

— А я-то как? — спрашивает старуха.

— Тебя я в мешок посажу.

Посадил стариk старуху в мешок, взял мешок в зубы, сам за стебель гороха держится, вверх поднимается.

¹ Половица.

Надоело старухе сидеть в мешке, душно стало, она и спрашивает:

— Скоро ли небеса, стариk?

Стариk ничего не отвечает.

— Стариk, скоро ли?

Он молчит.

— Стариk, а стариk!

— Скоро! — крикнул стариk.

Мешок из зубов выпал, о землю ударился, старуха и убилась. Что старику делать? Надо старуху хоронить, надо вопленицу наживать¹. Пошел он к вопленице, а навстречу ему кот.

— Куда, стариk, идешь?

— Иду, — говорит, — вопленицу наживать.

— Возьми меня.

— А ты как вóпишь?

— Мяу, мяу.

— Нет, тебя не возьму.

Идет стариk дальше, а навстречу ему собака бежит.

— Дедушка, куда идешь?

— Старуха померла, иду вопленицу наживать.

— Так возьми меня.

— А как ты вóпишь?

— Ау, ау, ау.

— Нет, такую мне не надо.

И пошел стариk дальше. Идет, а навстречу ему лиса.

— Куда, дедушка, идешь?

— Пошел вопленицу наживать, старуха померла.

— А возьми-ко меня.

— Как ты вóпишь?

— А вот как:

Улы, поулы да по стариkовой старухе,
Добра была старушка до доброго дела,
Больши кросны² пряла, тути клубки вила.
И той не стало.

Стариk и взял лису вопленицей.

¹ Нанимать.

² Полотно, крестьянский холст.

КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА

Жили кот да петух в лесу, была у них избушка. Пшел кот в лес дрова рубить и говорит петушку:

— Не выглядывай из окошечка, я далеко уйду, лиса может прийти, утащит тебя. Будешь кричать — не услышу.

Сидит петушок в подпечье, вдруг идет лиса, подошла к окошку и запела:

— Петушок, петушок, золотой гребешок,
Масляна головушка, шелкова бородушка,
Выглянь-ко из окошечка:
Там девки да женки катаются,
Там золото полозье ломается,
Там красно яичко на горку катится,
Там бело яичко под горку катится,
Там щучки вчерашни трепещутся,

Там гости наехали, пшеницы навезли,
Там курушки клюют, петушку не дают.

— Как не дают? Я пойду, так мне дадут.

Высунул головушку, лиса цап-царап — и утащила петушка. Тащит его лиса, а петушок кричит:

— Котя, котя, котя,
Несет меня лиса
За темные леса,
За высокие горы.
Кот не слышит,
Слепой не видит,
Глухой не догадался.

Кот прибежал, отнял у лисички петушка, принес домой.

— Не выглядывай больше, я завтра дальше пойду, станешь кричать — не увижу, не услышу.

Петушок сел в подпечье и не выглядывает. А лисичка опять и подходит к окошку:

— Петушок, петушок, золотой гребешок,
Масляна головушка, шелкова бородушка,
Выглянь-ко из окошечка:
Там девки да женки катаются,
Там золото полозье ломается,
Там красно яичко на горку катится,
Там бело яичко под горку катится,
Там щучки вчерашни трепещутся,
Там гости наехали, пшеницы навезли,
Там курушки клюют, петушку не дают.
— Как не дают? Я пойду, так мне дадут.

Высунул петушок головушку, лиса схватила его да и потащила.

Петушок и кричит:

— Котя, котя, котя,
Несет меня лиса
За темные леса,
За высокие горы.
Кот не слышит,
Слепой не видит,
Глухой не догадался.

Кот топорёнко бросил, прибежал да и отнял петушка.

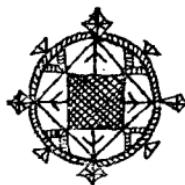
— Зачем ты высунул головушку? Смотри у меня, я завтра пойду еще дальше, станешь кричать — не услышу, не увижу. Не высовывай головушки.

Петушок и сидит в подпечье. Лисичка пришла опять и запела:

— Петушок, петушок, золотой гребешок,
Масляна головушка, шелкова бородушка,
Выглянь-ко из окошечка:
Там девки да женки катаются,
Там золото полозье ломается,
Там красно яичко на горку катится,
Там бело яичко под горку катится,
Там щучки вчерашни трепещутся,
Там гости наехали, пшеницы навезли,
Там курушки клюют, петушку не дают.

— Как не дают? Я пойду, так мне дадут.

Как высунул головушку, а лисичка цап-царап, схватила и потащила петушка. Утащила — да и все. Съела петушка.

ЗОЛОТАЯ ТАРЕЛОСКА

Жили-были старик со старухой. Узнал старик, что у царя заводится пир, и говорит старухе:

— Старуха, пойду-ка я к царю на пир.

— Так поди,— старуха ему отвечает.

— А что же снести в подарок?

— А вот я киселя наварю — и снеси.

Наварила старуха киселя, и понес он кисель царю. Пришел, отдал кисель, царь его угостил и говорит:

— Что же подарить твоей старухе? Дам-ка я ей золотую тарелоску.

И дал золотую тарелоску. Идет старик по дороге, а навстречу ему мужичок.

— Куда, старик, ходил?

— Ходил к царю на пир, киселя снес.

— Что тебе царь подарил?

— Золотую тарелоску.

— Где у тебя тарелочка?

— А вот тут.

— Променяй на конечка.

— Ну давай, променяю.

Идет, коня ведет. Встречается женщина, ведет корову.

— Куда, стариk, ходил?

— Да ходил к царю на пир, киселя снес.

— Что тебе царь подарил?

— Золотую тарелочку.

— Где тарелочка?

— Променял на конечка.

— Променяй конечка на коровушку.

Он и выменял корову. Идет, корову ведет. Попадает навстречу мужик, ведет собаку.

— Куда, стариk, ходил?

— Да ходил на пир к царю, киселя снес.

— Что тебе царь подарил?

— Золотую тарелочку.

— А где тарелочка?

— Променял на конечка.

— Где конечек?

— Променял на коровушку.

— Променяй коровушку на собачку.

— Ну давай, собака тоже нужна, дом стеречь.

Выменял стариk собаку и дальше идет. А навстречу ему мужик, овцу ведет.

— Куда ходил, стариk?

— А ходил к царю на пир, киселя снес.

— Что тебе царь подарил?

— Золотую тарелочку.

— Где тарелочка?

— Променял на конечка.

— Где конечек?

— Променял на коровушку.

— Где коровушка?

— Променял на собачку.

— Где собачка?

— Вот она.

— Променяй собачку на овечку.

— Ну что же, овца тоже хороша в хозяйстве.

Идет стариk, ведет овцу. Попадает ему навстречу женщина, ведет кошку.

— Куда ходил, старишок?

— Да ходил на пир к царю, киселя снес.

— Что тебе царь подарил?

- Золотую тарелочку.
- Где тарелочка?
- Променял на конечка.
- Где конечек?
- Променял на коровушку.
- Где коровушка?
- Променял на собачку?
- Где собачка?
- Променял на овечку.
- Где овечка?
- Да вот она.
- Променяй мне овечку на кошечку.
- Давай, кошка будет мышей ловить.

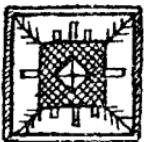
Идет старик с кошечкой, а навстречу ему старая-престарая старуха, несет лопату и спрашивает:

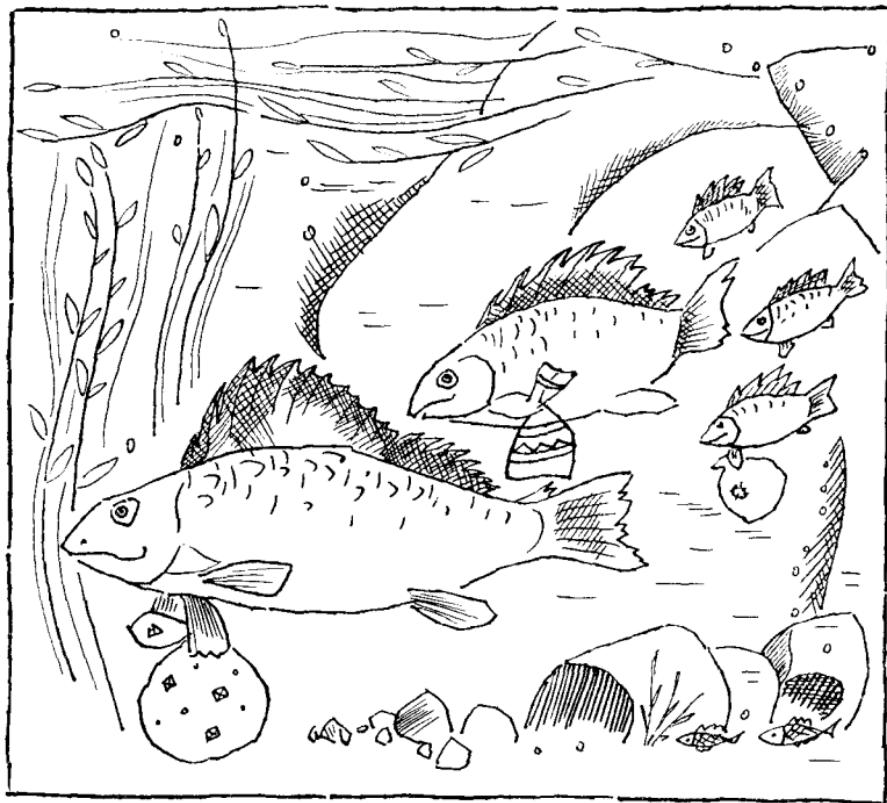
- Куда, старичик, ходил?
- Ходил на пир к царю, киселя снес.
- Что тебе царь подарил?
- Подарил золотую тарелочку.
- А где тарелочка?
- Променял на конечка.
- А где конечек?
- Променял на коровушку.
- Где коровушка?
- Променял на собачку.
- Где собачка?
- Променял на овечку.
- Где овечка?
- Променял на кошечку.
- Где кошечка?
- А вот она.
- Променяй кошечку на лопату.

Старик и выменял лопату. Идет домой и думает: «Ладно, лопата тоже в хозяйстве нужна». Дома его старуха и спрашивает:

- Чем тебя царь пожаловал?
- Дал золотую тарелочку.
- А где тарелочка?
- Променял на конечка.
- А где конечек?
- Променял на коровушку.
- А где коровушка?
- Променял на собачку.
- Где собачка?
- Променял на овечку.

— Где же овечка?
— Променял на кошечку.
— А где кошечка?
— Променял на лопату.
— А где лопата?
— Вот тут.
— Ах ты, такой-сякой!
И отлупила старика лопатой.

ЕРШИШКА-ПЛУТИШКА

Жил-был ершишка-плутишка в Кутейжском озере. Собрался он со своей семеюшкой, со всеми детишками, со всем барахлишком в озеро Ростовское. В озере Ростовском пожил, из Ростовского в Ярославское перебрался, из Ярославского — в Переяславское. И попросил ершишка-плутишка, чтобы взяли его переяславские жильцы хоть час часовать. А где час часовал — там и ночь ночевал, а где ночь ночевал — там неделю танцевал.

Задумали переяславские жильцы на вора-ерша щуке ростовской, белуге ярославской челобитную подать.

— Судьи вы, судьи, рассудите пришельца ерша, нездешнего озера жильца.

А судьи говорят:

— Пришельца ерша, нездешнего озера жильца, надо гнать.

Вот и стали все его гнать: кто палкой, кто погонялкой. С той поры ерш добрых дней не видал, теплых щей не хлебал да мягкого хлеба не едал; до брюха бока подопредели, вся кожа почернела.

А на вечерней заре ерш задремал — и в сеть попал.
Пришел Богдан, и ерша бог дал.

Пришел Мина и ерша вынул.

Пришел Обонос, ерша на рынок унес.

Пришла вдова, принесла дрова.

Пришла Марина, ерша сварила.

Пришел Новожил, на двенадцать блюд разложил.

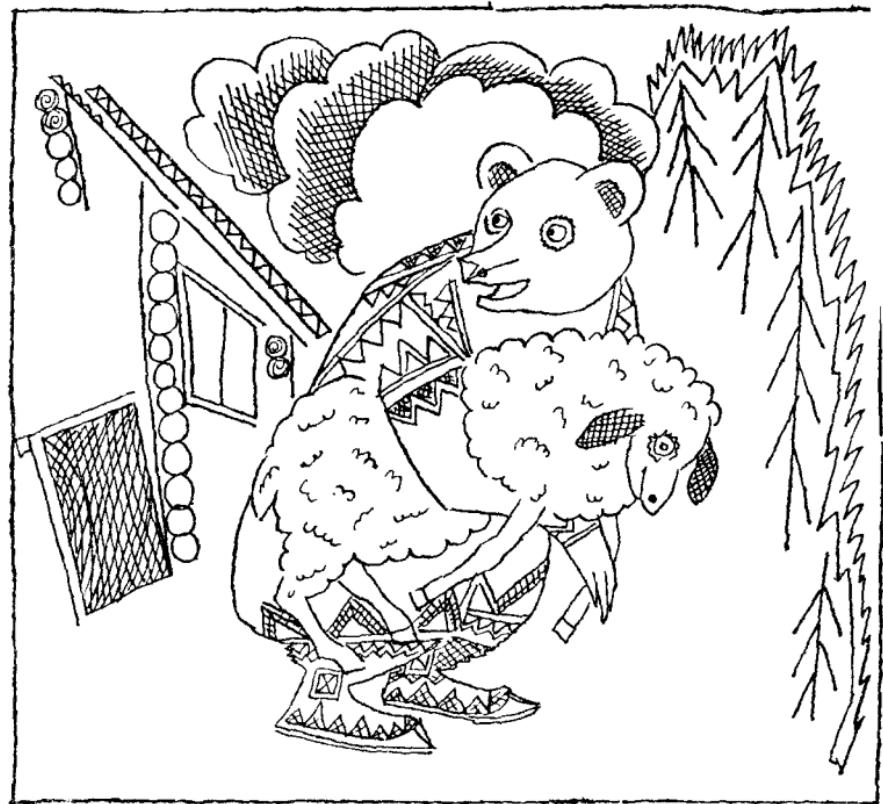
Пришел Стефан, ерша растрепал.

Пришел Елизар, порожних блюд полизал.

Раскатились красные ложки к пресному молоку,
К овсяному пирогу.

Тю-рю-рю — и ерш весь.

СЕМЕРО ОВЕЧЕК, СОЛОМЕННЫЙ ХЛЕВЕЧЕК

Жили-были старичок да старушка, паренек да девушка, у них было семеро овечек да соломенный хлевечек. Узнал медведь, что у них есть овечки, и стал к нимходить. Пришел под окно и кричит:

— Старичок да старушка, паренек да девушка, у вас семеро овечек, соломенный хлевечек, дайте-ко овечку съесть.

Старичок говорит:

— Бабушка, иди отдай овечку.

Старушка сходила, одну овечку отдала — шесть осталось. Медведь съел овечку, пришел под окно и опять кричит:

— Старичок да старушка, паренек да девушка, у вас семеро овечек, соломенный хлевечек, дайте-ко овечку съесть.

Старушка отдала овечку — пять осталось. Медведь ел, ел, не доел, пришел под окно и ревет:

— Старичок да старушка, паренек да девушка, у вас семеро овечек, соломенный хлевечек, дайте-ко овечку съесть.

Старушке жалко отдавать овечку, а старичок говорит:

— Отдай, у нас шерсти много, пусть себе медведь на зиму запасает.

Отдала старушка овечку — четыре осталось. Медведь утащил овечку, опять пришел под окно и ревет:

— Старичок да старушка, паренек да девушка, у вас семеро овечек, соломенный хлевечек, дайте-ко овечку съесть.

Старушка пошла, отдала овечку.

— Что делать? Овечек мало осталось, никак не отбиться от медведя, — говорит старуха.

А медведь снова приходит, ему хочется всех овечек вытаскать.

Пришел и ревет:

— Старичок да старушка, паренек да девушка, у вас семеро овечек, соломенный хлевечек, дайте-ко овечку съесть.

Старуха не пошла.

— Иди, стариk, сам, не пойду больше, жалко мне овцу отдавать.

Старик пошел, овечку отдал — две осталось. Никак не могут медведя накормить. Медведь ушел с этой овечкой и опять приходит:

— Старичок да старушка, паренек да девушка, у вас семеро овечек, соломенный хлевечек, дайте-ко овечку съесть.

Отдали еще овечку — одна осталась. Стариk и говорит:

— Старуха, одна овечка осталась, как мы будем теперь жить? Было бы ружье, подстрелил бы я его.

А медведь снова приходит и пуще прежнего ревет:

— Старичок да старушка, паренек да девушка, у вас семеро овечек, соломенный хлевечек, дайте-ко овечку съесть.

Отдали последнюю овечку. Медведь утащил ее и снова прибегает, под окном ревет:

— Старичок да старушка, паренек да девушка, у вас семеро овечек, соломенный хлевечек, дайте-ко овечку съесть.

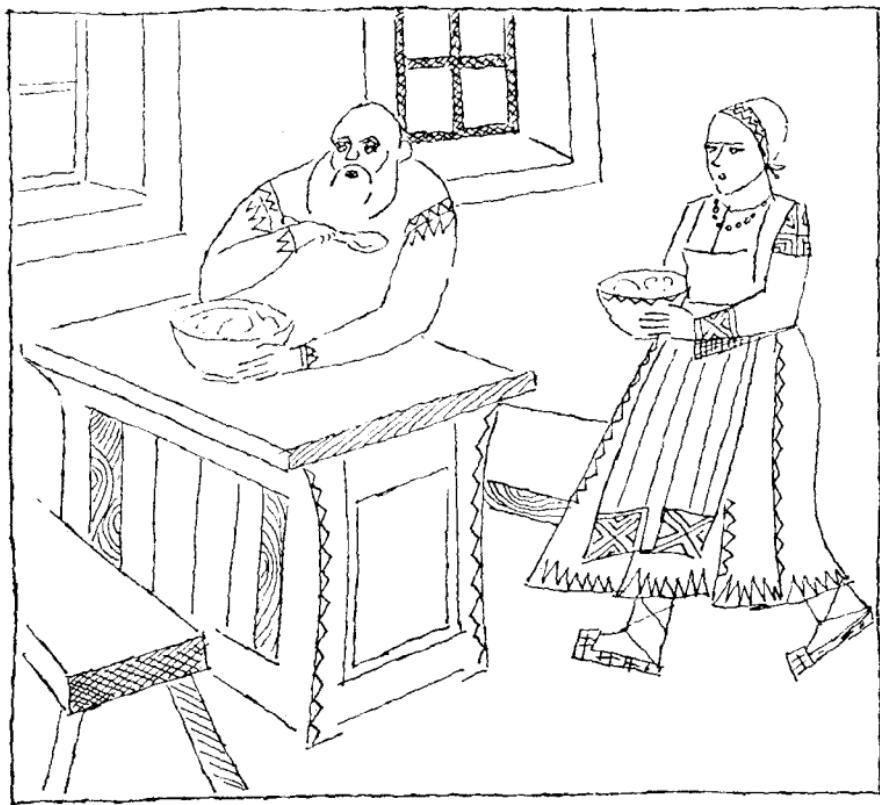
Старики стали прятаться, а ребята под печь залезли. Покричал, покричал — никто не отвечает. Что делать? Избушка у стариков была немудреная, стал медведь ее ломать. На счастье стариков, шел мимо обоз, мужики рыбу везли на лошадях. Увидали они медведя, побежали за ним с погонялками и отогнали прочь. Подходят мужики к избе, стучатся. Старик услыхал, глянул в окно:

— Старуха, ребята, выходите, смотрите, сколько людей наехало, спасли нас от медведя.

Старик двери открыл, старуха — самовар наливать, гостей принимать. Накормили, напоили гостей, поблагодарили, что от медведя избавили.

Не стал больше медведь ходить к старицам, и живут они, поживают да добра наживают.

ДВЕНАДЦАТЬ ХВОРОСТЕЙ¹

Ехал мужик вдоль берега на лошади, а в лодке по реке плыли двенадцать женок — двенадцать хворостей. Одна и говорит:

— Я в этого мужика зайду и высушу его в осиновый лист.

Другие женки спрашивают:

— А как же ты его высушишь?

— Вот когда станет он обедать, я обернусь мухой, сяду на ложку со щами, он съест — и заболеет. Только и всего.

А мужик-то все это слыхал. Приехал он домой, распряг лошадь и пошел обедать. Пришел и говорит жене:

— Свари щей да мешочек сшей.

Сварила жена щи, сшила мешочек, и сели они обедать.

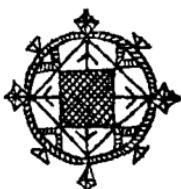
¹ Болезней.

А муха кругом летает. Летала, летала — да на ложку и села. Мужик ложку со щами сунул в мешочек, мешочек затянул, муха там и осталась. Повесил он мешочек с мухой в дымоволок.

Прошел год, вынес мужик весной мешочек на улицу, развязал, тряхнул. Выпала оттуда муха, сухая-пресухая, чахлая-пречахлая, и потянулась-поползла на берег. Откуда пришла, туда и пошла. Собрались ее товаркихвости — весна пришла, опять они в дорогу засобирались,— и спрашивают:

— Что ты, сестрица, так высохла?

— Вот ведь на какого хитреца я попала, целый год держал меня в дымоволоке. Хотела я его высушить, а он, хитрец, меня всю высушил.

МАЛЕНЬКИЙ ЛИПУНЮШКА

Жили муж да жена, не было у них детей. Вот уехал муж утром в поле пахать, а жена вяжет ковер и поет:

— Был бы у нас сынок, хоть с ноготок, сшила бы я ему теплую рубашечку.

Вдруг откуда ни возьмись кто-то говорит:

— Мама, я здесь.

Она оглянулась — и видит маленького мальчика, совсем крохотного. Назвала его Липунюшкой. На следующий день Липунюшка и говорит:

— Мама, дай мне лепешек, я их отцу отнесу.

— Да ты же такой маленький, не сможешь отнести.

— Хоть я и маленький, да удаленький.

Взял мальчик лепешки, завязал все в узелок и понес. Принес на поле и отдал отцу. Отец лепешки съел и говорит:

— Спасибо, сынок.
— Отец, дай я попашу, а ты отдохни,— просит мальчик.

— Да ты еще маленький, сынок, тебе тяжело.

— Мать мне тоже сказала, что я маленький, а я маленький, да удаленький.

— Ну, ежели сумеешь, так иди попаши.

Сел маленький Липунюшка на вола и поехал. Едет, песенки попевает и пашет. Хорошо так пашет. Отец радуется. Проезжал мимо барин, удивляется: «Как это волы одни землю пашут?» Подъехал к крестьянину и говорит:

— Мужик, как это у тебя волы одни землю пашут?

— Волы не одни, на волах мой сынок сидит.

Барин и говорит:

— Продай мне волов и сынка твоего.

— Нет, не продам.

А Липунюшка перескочил на плечо к отцу и шепчет:

— Продай, отец, продай, скажи ему, пусть он меня золотом засыплет, тогда ты и продаешь.

Мужик говорит:

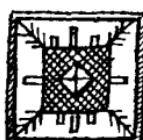
— Засыпь мальца золотом, тогда можешь брать себе.

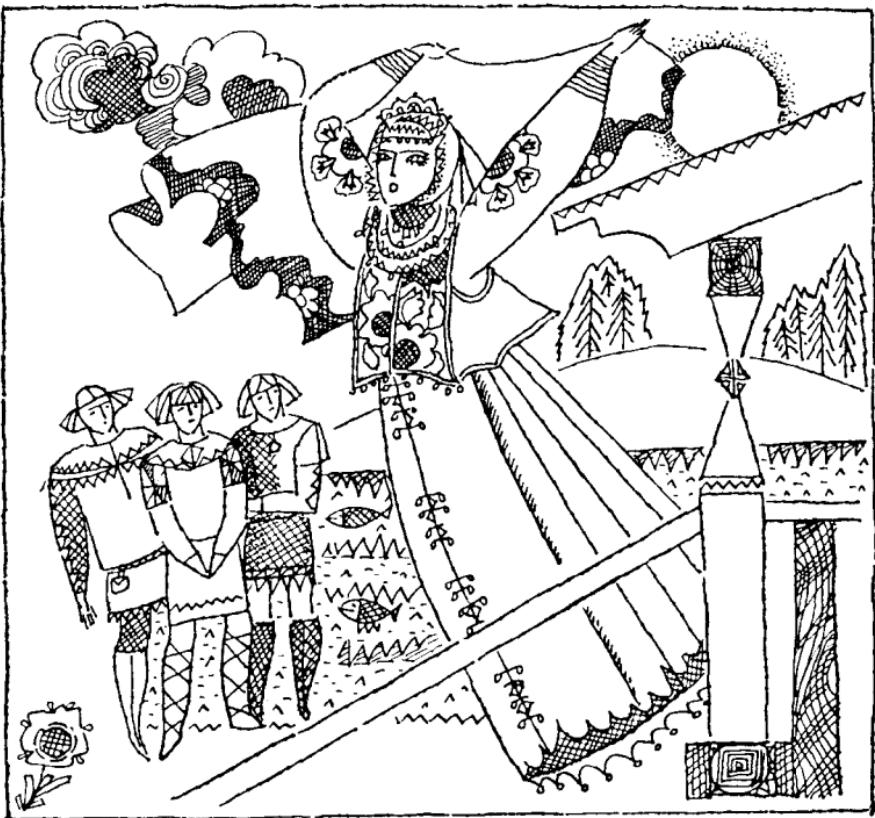
— О-о-о, его-то я засыплю, много ли тут надо золота!

Насыпал горсть золота — не засыпал: Липунюшка наверх выбрался. Тогда барин насыпал еще больше золота и взял Липунюшку. Завернул он мальчика в носовой платок и поехал довольный домой. Крикнул своим слугам:

— Можете уходить с работы, у меня теперь волы одни пахать будут!

А Липунюшка выскочил из кармана да и убежал. Вернулся он к отцу и матери. Те очень удивились, обрадовались. И стали они жить-поживать, лихо сбывать.

ЕЛЕНА-КРАСА, ЗОЛОТАЯ КОСА

Жил-был царь, у него было много охотников. Шесть дней они носили добычу государю, а то, что настреляют в седьмой день, брали себе. Был среди них главный стрелец — Андрей. Пошел однажды Андрей на охоту и не подстрелил ни одной птицы. Идет из лесу печальный и видит: сидит на дереве соколица. Вот он и думает: «Дай-ка я ее застрелю». Подстрелил, соколица и упала. Понес он ее домой, а соколица вдруг и заговорила человеческим голосом:

— Андрей-стrelец, придешь домой, брось меня за окошко и увидишь, что из этого выйдет.

Пришел он домой, бросил соколицу за окошко — и оказалась вместо соколицы красная девица. Можно бы лучше — да некуда. Выходит Андрей на улицу, берет ее за руку. Она и говорит ему:

— Ну, Андрей-стrelец, коль сумел меня взять, так умей и держать.

Андрей на ней и женился. Живут они в ладу да согласии, но бедно. Жена как-то и говорит мужу:

— Андрей, как бедно мы живем. Нет ли у тебя братьев-товарищай, чтобы занять у них сто рублей и купить мне шелковых ниток.

Пошел Андрей к своим товарищам, занял денег и купил жене шелковых ниток. Соткала Елена-краса, золотая коса, из шелковых ниток ковер и посыпает мужа на рынок:

— Иди, Андрей, на рынок и продай этот ковер. Цену не запрашивай, что дадут — то и бери.

Приходит Андрей на рынок, развернул ковер. Народу собралось смотреть ковер видимо-невидимо. Вдруг едет мимо царский министр и спрашивает:

— Почему здесь так много народа?

А ему отвечают:

— Да вот, продается ковер невиданной красоты.

Министр подошел поближе, смотрит на ковер, а на нем весь город как есть, птицы, рыба в озере плавает. Он и спрашивает:

— Сколько возьмешь за ковер, Андрей-стрелец?

— Сколько дашь — столько и возьму.

— Даю тебе тысячу рублей.

Получил Андрей деньги и отправился домой. А министр пришел во дворец и хвастает, какую покупку совершил.

— Сколько ты заплатил? — спрашивает царь.

— Тысячу рублей.

— Я, — говорит, — дам тебе две тысячи, продай мне.

Взял министр деньги и пошел заказывать второй ковер. Пришел к Андрею домой, увидал его жену. «Ну и красавица Елена-краса, золотая коса, — думает, — можно бы лучше — да некуда». Забыл, зачем и пришел.

Царь на другой день спрашивает:

— Ну что, заказал ковер?

— Ваше императорское величество, не заказал, так поразился красоте жены Андрея-стрельца.

Царь думает: «Посмотреть бы, какая у Андрея-стрельца жена». И говорит министру:

— Ладно, сам поутру закажу.

Пришел он к Андрею, а как увидал его жену, то так прельстился ее красотой, что тоже забыл, зачем пришел. Вернулся домой и задумался, как бы у Андрея-стрельца жену отнять.

Собрал он всех министров на совет, как отнять Елену-

красу, золотую косу. Один министр и взялся за это дело. Дал ему царь три дня срока. В первый день министр ничего не смог придумать и на второй день тоже. На третий пошел он в лес. «Если ничего не придумаю,— рассуждает сам с собой министр,— не жить мне на этом свете».

Идет он по лесу, попадается ему навстречу старушка и спрашивает:

— Куда пошел, мил человек?

— А тебе какое дело, старая,— отвечает ей министр.

Отошел немного и задумался: «Почему же я старуху не спросил, вдруг она поможет?»

— Эй,— кричит,— старая, воротись, прости, что обидел тебя, помоги ты мне в беде, если можешь.

— А что за беда у тебя?

— Есть у Андрея-стрельца жена-красавица, и полюбил ее царь-государь. Но никто не знает, как отнять у стрельца Елену-красу, золотую косу.

Старуха ему и говорит:

— Зачем же ты сгрубил мне, лучше бы сразу ласковым словом обошел. Знаю я средство, как Андрея погубить: отправьте его за тридевять морей, в тридевятое царство, в тридесятное государство, пусть достанет овечку золотую головку. Дайте сроку три месяца, команду пьющую, а корабль текущий.

Доложил министр об этом царю. Призывает тот к себе Андрея-стрельца.

— Отдай,— говорит,— мне жену. Не отдашь — службу дам: за три месяца из тридевятого царства, тридесятого государства привезти овечку золотую головку.

— Нет, жену я не отдам, а лучше службу сослужу.

Приходит он домой печальный. Елена-краса, золотая коса, и спрашивает:

— Отчего ты такой печальный?

— Да вот, дал царь мне службу — из тридевятого царства, тридесятого государства привезти овечку золотую головку.

Жена и говорит:

— Не печалься, это еще не служба, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей поужинал и лег спать. Жена встала в двенадцать ночи, вышла на крылечко, белым платочком махнула, и появились три молодца, спрашивают:

— Что угодно, Елена-краса, золотая коса?

— Сходите за тридевять земель, за тридевять морей, в тридевятое царство, в тридесятое государство, принесите овечку золотую головку. Времени на это даю три часа.

Молодцы все исполнили, как она просила. Достали овечку золотую головку. Наступило утро, в шесть часов она будит Андрея. Согрела чай, Андрей поел, стал с женой прощаться. А корабль уже готов, и команда готова. Елена-краса, золотая коса, подходит к мужу и говорит:

— Вот тебе ящик, в нем овечка золотая головка. Плыви два месяца в одну сторону, потом будет тихая погода — штиль, ты команду напои, а сам поверни корабль обратно.

Он так и сделал. Как только все напились и накрепко заснули, он корабль повернул обратно. Долго ли, коротко ли они плыли, приплывают к своей пристани, а царь уже встречает — и с шашкой, чтобы отрубить голову Андрею-стрельцу, если он не выполнит приказ.

— Ну что, достал овечку золотую головку?

Андрей-стрелец открывает ящик и подает ему овечку золотую головку. Рассердился царь, снова созвал министров и приказывает им любыми путями добыть Елену-красу, золотую косу. Этот же министр приходит к старухе и говорит:

— У нас ведь ничего не вышло.

— Да, — отвечает она, — Андрея-стрельца обмануть не хитро, а вот жену его... Пусть теперь Андрей привезет свинку золотую щетинку. Дайте ему сроку четыре месяца, команду пьющую, а корабль текущий.

Дал царь Андрею-стрельцу вторую службу. Приходит тот домой печальный. Жена и говорит:

— Не печалься, Андрей, это еще не служба, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Повалился Андрей спать. Жена в двенадцать часов вышла на крылечко, платочком махнула — появились три молодца.

— Что нужно, Елена-краса, золотая коса?

— Сходите принесите свинку золотую щетинку. Сроку даю четыре часа.

Молодцы побежали. Через четыре часа принесли свинку золотую щетинку. Поутру разбудила жена Андрея. Приходит он на пристань, а корабль уже готов. Проплыли они два месяца, а как штиль настал, он команду напоил и повернул корабль обратно. Подхो-

дит корабль к пристани — уж четыре месяца минуло,— а царь Андрея встречает и шашку с собой несет.

— Ну, государь,— говорит Андрей,— сослужил я службу, получай свинку золотую щетинку.

Царь еще больше рассердился. Опять ничего не вышло, не смог жену отнять.

Третий раз приказывает он министру погубить Андрея-стрельца. Пошел опять министр к этой старухе.

Она и говорит:

— Пусть Андрей сходит туда — не знаю куда, принесет то — не знаю что. Дайте ему сроку семь лет, за это время государь и возьмет себе Елену-красу, золотую косу.

Опять царь зовет Андрея к себе.

— Отдай, Андрей, мне свою жену, а то службу тебе дам невыполнимую.

Андрей отвечает:

— Нет, жену не отдам. Какая служба, ваше царское величество?

— Сходи туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. И сроку даю семь лет.

Пришел Андрей домой совсем печальный.

А Елена уже все знает.

— Не печалься, Андрей, как-нибудь справимся. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Выходит она на крыльцо в двенадцать ночи, махнула платочком — появились три молодца и спрашивают:

— Что тебе угодно, Елена-краса, золотая коса?

— Не знаете ли вы, молодцы, как сходить туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Молодцы не знают.

Свила Елена-краса, золотая коса, клубок, и такой большой, что он едва поместился на крыльце. Поутру будет мужа:

— Вставай, Андрей.

Андрей проснулся, она его накормила, напоила, вышли на крыльцо. Жена ему и говорит:

— Вот тебе клубок, куда он покатится — туда и ты иди. Когда клубок кончится, увидишь большой двор. Зайдешь, там тебя встретят, напоят, накормят и спать уложат. Утром станешь умываться — дадут тебе утиральник¹, а ты достань свой, им и утрись.

¹ Полотенце.

Елена-краса дала мужу свой утиральник. Вот и покатился клубок, а Андрей вслед пошел. Идет он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, а по успехам дело делается. Пришел он на большой двор, его встретили две девушки и их мать: напоили, накормили и спать уложили. Утром встает Андрей, со сна умылся, дают ему утиральник, а он и говорит:

— Не надо, у меня есть свой, дорожный.

Как увидали сестры его утиральник, из рук выхватали и побежали.

— Маменька, у нас в гостях наш зять — Андрей-стрелец.

Обрадовалась мать. Взяла в руки утиральник и говорит Андрею:

— Здравствуй, зятюшка! Знаю, зачем пришел: по вышитым дочкой узорам прочитала. Постараюсь тебе помочь.

Взяла она голик из-под порога и полетела. Спрашивает у птиц:

— Не знаете ли, где достать то — не знаю что?

Птицы не знают.

Созвала всех зверей — и те не знают.

Тогда полетела она на болото к старой-престарой лягушке.

— Не знаешь ли ты, лягушка, где достать то — не знаю что?

— Знаю, знаю, только напои меня сначала пареным молоком, потом зови своего зятя.

Напоила она лягушку пареным молоком и позвала Андрея.

Приходит он к болоту, лягушка и говорит:

— Пошли, Андрей, к огненной реке, нам ее перейти надо.

Пришли они к реке, Андрей и спрашивает:

— Как же мы огненную реку перейдем?

— Дай мне пареного молока.

Выпила лягушка молока и стала расти, расти — выросла очень большая.

— Ну, теперь садись на меня, Андрей, да крепче держись, будем перескакивать через огненную реку.

Лягушка перепрыгнула через огненную реку и Андрея-стрельца перенесла.

— Ну, — говорит лягушка, — теперь можешь дальше идти, а я ворочусь обратно. Встретится тебе баня —

не баня, дом — не дом. Зайдешь туда, спрячься за печку — а там увидишь, что будет.

Вот он шел, шел, долго ли, коротко ли, скоро сказка оказывается, да не скоро дело делается — семь годов срока дано. Видит, стоит дом — не дом, баня — не баня, а внутри чисто, прибрано. Встал он за печку, смотрит. Вот приходят в эту избу два человека, один из них и говорит:

— Брат Разум, накорми-ко нас.

Сразу на столе появилось все, что душе угодно. Поели они — и ушли.

Андрей из-за печки вышел:

— Брат Разум, накорми меня.

Тут же на столе очутилась разная еда.

— Брат Разум, садись со мной.

А никого не видно. Вдруг голос отвечает:

— Этих дурней уже тридцать лет кормлю, а от них никогда даже сухой корки не видывал. А ты первый раз ко мне обедать зашел — и уже зовешь меня за стол. Я теперь от тебя никуда не уйду. Куда ты — туда и я.

Вот и пошли Андрей-стрелец с братом Разумом в обратный путь, в Андреево царство. Приходят они к морю, видят — идут к берегу три корабля и выходят на берег со всех трех кораблей три капитана.

— Брат Разум, надо бы их угостить.

Тут же появились стол, скатерть — кушанье готово. Капитаны поели и спрашивают Андрея-стрельца:

— Что у тебя за товарищ такой: самого не видно, а все подает?

— Да, хороший у меня товарищ.

А брат Разум все это слышит. Один капитан и говорит:

— У меня тоже хорошая вещь есть — топор. Стукнешь им: «Тяп-ляп, сделай корабль!» — и сразу будет.

— А у меня, — второй капитан говорит, — есть трубочка. Если в нее раз прокрутить, появится войско, и все с ружьями.

И третий капитан хвастает:

— У меня сабля есть. Если я этой саблей махну — сделается мост серебряный. Махну обратно — и моста не будет.

Брат Разум советует Андрею:

— Меняй все это на меня, все равно твой буду, верного друга не брошу.

Андрей-стрелец и говорит:

— Давайте меняться.

И поменялись. Направился Андрей дальше. Идет, идет — и спросит:

— Брат Разум, ты где?

— Здесь я, здесь,— тот отвечает.

Вот пришел Андрей-стрелец в свое царство. Смотрит — и дома его нет: царь сжечь приказал. Закручинился Андрей, запечалился. Брат Разум и говорит ему:

— У тебя топор есть, стукни им — и дворец будет.

Андрей стукнул: «Тяп-ляп, сделай дворец!» И тут же появился дворец, а в нем Елена-краса, золотая коса,— ждет его. Обрадовались они такой встрече.

— А теперь,— говорит Андрей,— пойдемте на поле.

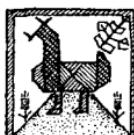
Приходят они на поле, Андрей в трубочку пропустил — появилось войско, видимо-невидимо, и каждый воин с ружьем.

Царь увидел, испугался. Послал узнать, кто войну начинает. Андрей велел солдатам привести царя. Царь задрожал от страха и упал в ноги Андрею-стрельцу:

— Прости, что я так мучил тебя.

— Ладно,— говорит Андрей,— покорной головы меч не сечет. Но за все твои проделки я даю тебе службу — тридцать лет пасти коров.

И до сих пор тот царь коров пасет. А Андрей-стрелец построил брату Разуму такой же дворец, как себе, и хрустальный мост между ними. Стали они жить-поживать, добра наживать, до сих пор друг к другу в гости ходят.

МОРСКОЙ ЦАРЬ

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, на ровном месте, как на бороне, верст за тридцать в стороне жил-был купец. Поехал он торговать за море. В один прекрасный день плывет его корабль по морю, попутный ветер хорошо несет. Вдруг посреди моря корабль остановился, никто не знает, почему. Трое суток стоит корабль на месте, а на четвертые выходит из моря царь морской и говорит купцу:

— Отдай, купец, то — чего дома не знаешь, тогда корабль пойдет.

Подумал, подумал купец, вроде все он дома знает.

— Ладно, царь морской, бери. Чего не знаю — то и отдать не жалко.

И не знал он, что родился у него сын. Только пообещал — и корабль как стрела полетел. Возвращается

купец домой, на пристани его встречает жена с мальчиком. Он и спрашивает:

— Чей это мальчик?

— Это сын наш, Иван,— отвечает жена.

Опечалился купец, но жене ничего не сказал. А сам места себе не может пайти. Жена это заметила.

— Почему ты такой невеселый? Скажи, о чем печалишься?

И рассказал купец жене, что обещал сына царю морскому. А сын тем временем растет, стал уже по улице бегать. Как-то раз бегал Иванушка по улице, пускал стрелу и попал бабушке-задворенке в окно. Стекло и разбилось.

Бабушка стала его ругать:

— Ох ты, посуленыш!

Пришел сын домой и говорит матери:

— Маменька, меня бабушка-задворенка ругает посуленышем. Если вы с папенькой кому меня посулили, то я пойду.

Жалко было родителям расставаться с сыном, но пришлось, делать нечего. Напекла мать подорожников, и отправился Иван к синему морю.

Вот сидит он на берегу, ждет своей участи и вдруг видит — плывут по морю двенадцать лебедей. Вышли лебеди на берег, взмахнули крыльями — и превратились в двенадцать красных девиц. Сняли девицы платья и стали купаться. Он подкрался из-за куста и спрятал у одной из них платье. Накупались-наплавались девицы, надели свои платья, обернулись опять лебедями и улетели. А двенадцатая все ищет свое платье, нигде найти не может. Говорит она тогда:

— Если старый старичок взял мое платье — будь мне батюшкой, если старая старушка — будь мне матушкой, если добрый молодец — будь мне суженым.

Тут Иван из-за куста вышел, отдал платье. А это была младшая дочь морского царя — Василиса Премудрая.

— Иван купеческий сын,— говорит она ему,— наш батюшка давно тебя дожидается.

Щелкнула она по морю железной тросточкой — сделалась железная дорога, и они спустились по ней в глубину моря. Василиса Премудрая привела Ивана купеческого сына в свои покои, напоила, накормила и спать уложила.

— Утро мудро, день добычен, богу молись да спать ложись. А завтра пойдешь к моему отцу на доклад.

Встал Иван утром, попил чайку. Василиса Премудрая показала ему, где стоит дворец морского царя. Он и пошел туда.

Приходит. Сидит морской царь на троне и говорит:

— Долго я тебя, Иван купеческий сын, ждал, наконец дождался. Даю я тебе службу: сделать воздушный хрустальный дворец, чтобы лучше его на свете не было.

Пришел Иван к Василисе Премудрой невесел, буйну голову повесил.

Спрашивает его Василиса Премудрая:

— Что запечалился, Иван купеческий сын?

— Дал мне твой папенька задание — сделать воздушный хрустальный дворец, чтобы лучше его на свете не было.

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Только он уснул, она вышла на крыльцо, крикнула по-звериному, свистнула по-змеиному. Сразу набежали слуги.

— Что угодно, Василиса Премудрая?

— Нужно сделать к утру воздушный хрустальный дворец, чтобы лучше его на свете не было.

Утром будет Ивана:

— Вставай, Иван купеческий сын, ходи вокруг дворца, постукивай-побрякивай, только ничего не сломай.

Приходит морской царь, посмотрел — и тут же дает другую службу: сделать воздушный хрустальный корабль, чтобы лучше его на свете не было.

Опять пришел Иван к Василисе Премудрой невесел, буйну голову повесил.

— Что запечалился, Иван купеческий сын?

— Дал мне твой папенька второе задание — сделать к утру воздушный хрустальный корабль, чтобы лучше его на свете не было.

— Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Только Иван уснул, она вышла на крыльцо, крикнула по-звериному, свистнула по-змеиному, сразу набежали слуги:

— Что угодно, Василиса Премудрая?

— Сделайте к утру воздушный хрустальный корабль, чтобы лучше его на свете не было.

Утром будет Ивана:

— Вставай, Иван купеческий сын, ходи вокруг корабля, постукивай-побрякивай, только ничего не сломай.

Приходит морской царь, посмотрел — и тут же дает третью службу: стоит за двенадцатью дверьми на двенадцати цепях жеребец, приведут его двенадцать богатырей, нужно этого жеребца объездить.

Приходит Иван к Василисе Премудрой веселехонек.

— Отчего ты, Иван купеческий сын,— спрашивает она,— такой веселый сегодня?

— Дал мне твой папенька задание,— отвечает Иван,— объездить жеребца. Эта работа мне знакомая, я еще не таких коней облезживал.

— Вот это служба так служба,— говорит Василиса Премудрая.— Справиться с ней будет нелегко. Превратится мой батюшка в жеребца и понесет тебя выше леса стоячего, выше облака ходячего. Приготовь, Иван купеческий сын, три мешка золы, закажи в кузнице три железных молота и три стальных прута, все это возьми с собой. Когда жеребец понесет тебя выше леса стоячего, выше облака ходячего, ты высыпь ему в глаза мешок золы, бей железным молотом между ушей, а стальным прутом по холке. И сделай так трижды. После третьего раза жеребец насилиу дойдет до земли.

Сделал Иван все так, как велела ему Василиса Премудрая, объездил жеребца.

Приходит к морскому царю, тот спрашивает:

— Ну что, объездил жеребца?

— Объездил,— отвечает Иван,— я еще не таких облезживал.

— Не твоих это рук дело, а Василисы Премудрой, обхитрила она меня. А теперь я хочу тебя женить. Есть у меня двенадцать дочерей, выбирай из них любую.

Обрадовался Иван, что возьмет в жены Василису Премудрую. Пришел к ней, рассказывает.

— Как же ты узнаешь меня, Иван купеческий сын? Оденет нас батюшка рост в рост, холст в холст, всех в одноцветное платье. Но я тебе помогу, только смотри вострее: у меня на правой щеке будет сидеть мошка. Если проглядишь — пропали мы оба.

В назначенный срок приходит Иван выбирать себе невесту. Обошел дёвиц — все как одна. Смотрит, к одной на щеку мошка села.

— Вот моя суженая,— говорит.

— Не твоего ума отгадки, а Василисы Премудрой.
Ладно, приходи завтра снова выбирать,— говорит морской царь.

Василиса Премудрая предупреждает Ивана:

— На этот раз над моей головой будет летать муха.
Смотри, не прогляди, иначе оба погибнем.

И второй раз Иван узнал Василису Премудрую.

Морской царь третий раз велит ему прийти выбирать невесту.

— На этот раз гляди всем нам, сестрам, в ноги,— говорит Василиса Премудрая,— возле моих ног пробежит мышька.

Третий раз привел морской царь своих дочерей. Все рост в рост, холст в холст, все в одноцветных платьях. Иван смотрел, смотрел, вдруг видит — возле ног одной девицы бежит мышька.

— Вот,— говорит,— моя суженая.

— Не своею силою живешь, а Василисы Премудрой.
Но так и быть, утром буду вас венчать.

Приходит Иван к Василисе Премудрой:

— Завтра твой папенька будет нас венчать.

— Не будет нас папенька завтра венчать,— говорит она,— а будет он всю ночь зубы свои точить, чтобы нас съесть. Иди на конюшню, выбирай самолучшего коня, надо нам скорее бежать, покуда он не спохваталися.

Привел Иван коня, сели они и поехали. Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — едут. Скоро сказка оказывается, а по успехам дело делается. Вот Василиса Премудрая говорит:

— Припади-ко, Иван купеческий сын, к земле ухом, не едет ли за нами погоня?

— Едут,— отвечает он.

Она обернула его церковью, сама села сторожем, а коня припрятала. Приезжают к церкви слуги морского царя, видят — ходит сторож. Спрашивают они его:

— Дедушка, не проезжали ли здесь на одном коне два наездника?

— Нет, дитятки, здесь ни птица не пролетывала, ни зверь не прорыскивал, не то что человек проезживал.

Вернулись слуги обратно. Приезжают к царю, докладывают:

— Никого мы не нашли. Только видели церковь и сторожа.

— Это они и были! Поезжайте живо, захватите, привезите ко мне.

А Иван с Василисой Премудрой дальше едут.

— Припади-ко, Иван купеческий сын, к земле ухом,— просит Василиса,— не едет ли за нами погоня?

— Едут, и близко.

Она обернула коня озером, Ивана окунем, а себя — плотвой. Подъезжают слуги к озеру, видят — плотичка да окунек плавают. Постояли, посмотрели и вернулись обратно.

Не стерпел морской царь, сел на коня, сам поехал.

— Припади-ко, Иван купеческий сын, к земле ухом, не едет ли за нами погоня?

— Едут, и очень близко. Сам морской царь догоняет.

Вынимает тогда Василиса Премудрая железную тросточку, махнула ею.

— Сделайся огненная река от земли до неба!

И остались они по одну сторону реки, а морской царь — по другую.

Заскрежетал морской царь зубами от злости:

— Василиса, пропусти меня через реку. Я знаю, у тебя есть шелковое несгораемое полотенце. Ничего худого не сделаю, только благословлю вас.

Она вынимает из кармана шелковое несгораемое полотенце и бросает его через реку. Пшел морской царь по этому полотенцу, не дошел сажени до берега, заскрежетал зубами:

— Сейчас-то я и съем вас!

Василиса Премудрая полотенце скрежонько перерезала, царь морской и сгорел в огненной реке.

Поехали Иван купеческий сын с Василисой Премудрой к себе домой. За три километра от своего города остановились они у бабушки-задворенки.

— Ты останься ненадолго здесь,— говорит Иван Василисе Премудрой,— а я пойду к своим родителям, предупрежу, что невесту везу.

— Забудешь ты меня, Иван купеческий сын!

— Нет, не забуду.

Пришел он домой, увидал отца и мать. Те ему сразу же невесту подыскали, стали к свадьбе готовиться. Иван и забыл о Василисе Премудрой. Узнала она об этом и говорит бабушке-задворенке:

— Я испеку пирог, а ты, бабушка, отнеси его на свадебный пир к Ивану купеческому сыну.

Бабушка-задворенка принесла пирог во дворец и подает его Ивану. Он пирог разрезал, а из него вылетели два голубя, заговорили:

— Иван купеческий сын Василису Премудрую забыл!

Вспомнил тут Иван про свою суженую, извинился перед отцом, матерью, перед гостями честными. Сел на коня и поехал за Василисой Премудрой. Сыграли они свадьбу и стали жить-поживать и добра наживать.

ДЕД-ВСЕВЕД

Жили-были старики со старухой, не было у них детей. Жили они в лесу, у речки. Старик ловил рыбу, а старуха пряла куделью, ткала холсты. Сидит как-то старики у речки, видят — плывет ящик. Сел он в лодку, поймал этот ящик, приплывил к берегу — и раскрыл. А в ящике оказался мальчик. Идет старики к старухе и говорит:

- Старуха, к нам счастье приплыло.
- Какое такое счастье? — спрашивает она.
- Поймал я ящик — а в нём мальчик.
- Ладно, старики, станем мы его растить, на старости лет кормильцем будет.
- Как же назовем мальчика?
- А хоть Водоплавничком.

Напоили они мальчика, накормили, и стал он у них жить.

Вот как-то раз едет царь на охоту. И просится он к этому старику на ночлег.

— Ваше царское величество, помещение-то у нас маленькое.

— Да я ненадолго, всего на одну ночку,— говорит царь.

Ну и пустили его да накормили. Пovalились все спать, а ночью к старику пришли на ночлег еще две женщины: одна называлась бабушкой, другая — крестной матушкой. Вот крестная матушка и говорит мальчику:

— Будет тебе, Водоплавничек, счастье, богатство: женишься ты на царской дочери и сядешь на царский престол.

А царь все это слышит и думает: «Как же это, Водоплавнику — да на царский престол? Утром встану и куплю его у старухи со стариком».

Крестная матушка да бабушка, пообещав мальчику счастье, рано поутру ушли. Вот встал царь.

— Продайте, дедушка да бабушка, мне вашего Водоплавника.

— Нет,— говорят,— он нам самим нужен, хлеб на старости добывать.

— Что вам надо, то и дам,— не отступается царь.

Старик и думает: «Коли продадим — хлеба царь на весь наш век даст». Взяли да и продали Водоплавничка.

Растет Водоплавничек не по дням, а по часам. Сперва был у царя в мальчиках, а потом и выше поднялся — в большом услужении стал.

Вот прошло время, задумал он жениться. Решил к царской дочери свататься. А царь и говорит:

— Если сослужишь мне службу, тогда и женишься на моей дочери. Сходи к Деду-всеведу за тремя златыми волосами.

Наутро собрался Водоплавничек и пошел. Шел близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, дошел до речки — видит перевозчика.

— Куда, Водоплавничек, идешь?

— Иду к Деду-всеведу за тремя златыми волосами.

— Спроси у Деда-всеведа, как мне выйти из лодки, а то весь век тут сижу.

— Ладно, спрошу.

Перевез он Водоплавничка, тот и пошел дальше. Шел,

шел, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, пришел в сад — видит садовника.

— Куда, Водоплавничек, идешь? Куда путь держишь?

— Иду я к Деду-всеведу за тремя златыми волосами.

— Спроси у Деда-всеведа, почему у меня все деревья высохли? Что делать с садом?

— Спрошу, спрошу.

Опять пошел вперед. Шел, шел, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, встречается ему колодец, у колодца человек сидит, сторожит.

— Водоплавничек, куда идешь? Куда путь держишь?

— Иду к Деду-всеведу за тремя златыми волосами.

— Спроси у Деда-всеведа, почему раньше в колодце текла живая и мертвая вода, а теперь все пересохло?

— Ладно, спрошу.

Пошел Водоплавничек дальше. Шел, шел, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, видит — стоит большой терем. Зашел он в терем, а там две женщины — крестная матушка да бабушка.

— Ну, здравствуй, Водоплавничек,— говорит крестная матушка.

— Здравствуйте,— отвечает Водоплавничек,— но я вас не знаю.

— Ты не помнишь, но это я тебе счастье пообещала. Накормила она его, напоила и спрашивает:

— Куда путь держишь?

— Иду к Деду-всеведу за тремя златыми волосами, царь послал.

— Тогда ложись, крестничек, спать, ты с дороги устал.

Вот он спать повалился, долго спал, солнышко уж закатилось.

А Дед-всевед — солнышко — пришел к крестной матушке да и пал на колени. Как он заснул, она у него одну волосинку и выдернула.

Дед-всевед и говорит:

— Что ты, маменька, мне спать не даешь, я день по небу ходил, устал.

Она тут и спрашивает:

— Перевозчик век людей перевозит, из лодки выйти не может. Что ему делать?

Дед-всевед отвечает:

— Кто к нему в лодку сядет — пусть того и оставит, а сам выскочит.

Она и вторую волосинку выдернула.

— Что ж ты, маменька, ведь я устал, отдохнуть надо.

А она ему:

— Вот был сад, да высох весь. Что надо делать?

— Нужно,— говорит,— вычистить сад, там под корнями лягушка сидит.

Она и третью волосинку выдернула.

— Маменька, все ты мне спать не даешь.

А она:

— Была в колодце вода живая и мертвая, да вся пересохла. Что делать?

— Нужно глубже колодец вырыть, тогда и вода будет — живая и мертвая.

Как третью-то волосинку выдернула, так пришло солнышко время выкатываться. Выкатилось оно и ушло: Дед-всевед отправился на свое дело.

Вот крестная матушка и будит Водоплавничка:

— Вставай, крестничек, поешь, попей да иди к царю.

Вот тебе три золотых волоса. А как придешь к колодцу, скажи человеку, что возле него сидит: пусть глубже копает — и потечет вода живая и мертвая. Потом скажи садовнику: пусть сад вычистит да вынет лягушку из-под корней, сад и зацветет снова. А до перевозчика дойдешь, сперва сам выйди из лодки, а потом ему скажи: кто к нему в лодку сядет — пусть того и оставит, а сам выскочит.

Вот и пошел Водоплавничек. Пришел к колодцу и говорит человеку, что его сторожит:

— Вырой глубже колодец — будет вода живая и мертвая.

Тот дал ему денег, сколько унести можно. Поблагодарил Водоплавничек и дальше отправился. Дошел до садовника и говорит:

— Вычисти хорошенъко сад да вынь лягушку из-под корней — вот он и зацветет.

Садовник поблагодарил, дал денег, сколько унести можно. Водоплавничек поблагодарил и пошел. Приходит к речке, к перевозу. Перевозчик и спрашивает: узнал ли он, сколько ему в лодке сидеть.

— А вот перевезешь, я тебе и скажу.

Перевез он Водоплавничка, тот и говорит:

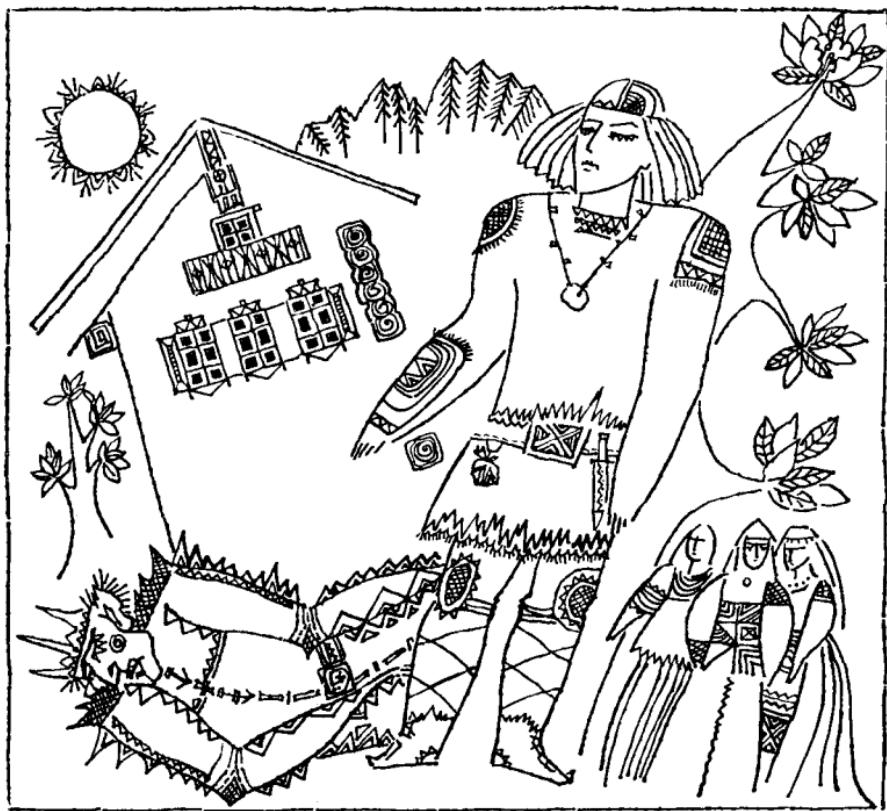
— Кто к тебе в лодку сядет — того и оставь, а сам выскочи на берег. Он навек в лодке останется.

Перевозчик поблагодарил его, дал много денег. При-

шел Водоплавничек с этим богатством к царю. Позавидовал царь. «Пойду,— думает,— сам».

Пришел царь к перевозу — после Водоплавничка сюда еще никто не приходил,— сел в лодку. Перевозчик-то выскочил — да царя в лодке и оставил. Так царь до сей поры и перевозит. А Водоплавничек женился на царской дочери и сел на престол.

ИВАН СОСНОВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве стояла деревня. Жили здесь старишок со старушкой, детей у них не было. Старик ходил в лес, рубил дрова. Однажды сидят старики со старухой, обедают. Старуха и говорит:

— Сходи, старишок, в лес, сруби сосну, сделай из сосны парня и принеси мне. Стану я его качать, три года прокачаю — будет у нас сын. Так я от старых людей слыхала.

Дед сходил в лес, срубил сосну, из сосны парня вытесал — и принес.

— На, бабка, не лень — так качай.

Положила она соснового парня в зыбку и качает. Качала, качала — год прошел. Старик все в лесу работает, а старуха дома по хозяйству.

Вот и второй год качает. Качала, качала — еще год прошел. Дело уже шло к весне, старику надо пахать,

хлеб сеять. Уехал он в поле, а старуха все качает. Вот и третий год кончился. Вдруг встает парень на ноги, вышел из зыбки и говорит:

- Здравствуй, маменька, я твой сын!
- Здравствуй, сынок! Не знаю, как тебя и звать.
- Зови меня Иваном Сосновичем.
- Сынок, сейчас мне нужно идти к деду, обед нести.
- Дай, маменька, я снесу.
- Что ты, Иван Соснович, ты еще маленький, не сумеешь его найти.

— Собери все в корзинку, я найду, только покажи мне полосу, по которой идти.

Вот она собрала еду в корзинку, показала полосу, он и пошел. Идет и видит — старишок пашет.

- Здравствуй, отец, я тебе обед принес.
- Вот спасибо! Чей же ты будешь?
- Я Иван Соснович, твой сын. Маменька меня качала, качала — вот я и встал.

Старик распрыг лошадь и пустил ее травку пощипать, а сыну сказал:

- Ну, сынок, принес мне обед, так садись со мной.
- Нет, папенька, есть я не хочу, дай мне попробовать пахать.
- Что ты, дитятко, ты ведь еще малый!
- Ничего, я попробую.

Старик дал ему лошадь. Иван Соснович запряг ее и начал пахать. Погоняет, погоняет, а лошадь ни с места, так сильно он соху в землю упирает.

— Нет, сынок, тебе не пахать, лучше пусти кобылку на волю, пусть траву пощиплет.

Иван Соснович отпустил ее, а сам сел с отцом обедать. Поели, старик и говорит:

- Ну, сынок, теперь я повалюсь спать, отдохну немного.

Повалился он спать, а когда встал, говорит:

- Сынок, сходи приведи кобылу.

Приходит Иван Соснович на поле, а кобылу волк медный лоб съел. Он взял и убил волка.

- Отец, волк нашу кобылу съел.

Делать нечего, пошли они домой. Приходят, а старуха спрашивает:

- Что так рано пришли?
- Волк медный лоб нашу кобылу съел.

И стал старик рассказывать, как пришел сын, принес обед и попросил пахать. Как запустил он соху так

глубоко, что кобыла тянуть не смогла. Отпустили они ее траву пощипать, а волк медный лоб и съел. А потом старик и говорит тихонько старухе:

— Старуха, это нам не сын, не кормилец.

Иван Соснович стоит в стороне и слушает, о чем говорят мать с отцом.

— Ну-ка, отец, сходи в кузницу, закажи мне топор в пятьдесят пудов.

Старик пошел в кузницу.

— Мы скуем топор,— сказали кузнецы,— только отнести не сможем. Пусть сам Иван придет и возьмет.

Сковали топор кузнецы.

На другой день Иван Соснович встал, поел, приходит в кузницу, берет топор и отправляется в лес. Целый день рубил он дрова, вечером приходит домой:

— Ну, отец, я сегодня рубил в лесу дрова и нарубил пятьдесят сажен. Только топор очень легкий. Иди закажи мне топор в сто пудов.

Старик снова пошел к кузнецам.

— Мы скуем топор,— сказали они,— только пусть сам Иван придет и возьмет.

Сковали топор кузнецы.

На другой день Иван Соснович встал, поел, взял в кузнице топор и опять отправился в лес. Рубил весь день, приходит вечером домой:

— Ну, отец, сегодня я нарубил сто сажен. Только топор очень легкий. Иди закажи топор в полтораста пудов.

Старик пошел в кузницу.

— Мы сковать скуем,— говорят кузнецы,— только пусть сам Иван придет и возьмет. Мы поднять не сможем.

Сковали топор кузнецы.

На другой день Иван Соснович встал, поел, приходит в кузницу, берет топор и отправляется в лес. Рубил весь день и нарубил полтораста сажен дров. Приходит вечером домой:

— Ну, отец, теперь пойду, понесу топоры в кузницу. Вам я дров нарубил, хватит теперь на весь ваш век избу топить.

Приходит в кузницу, приносит топоры кузнецам:

— Вот что, кузнецы, возьмите эти топоры и делайте из них, что хотите, а мне нужна палица в триста пудов. Такая, чтобы не гнулась и о камень не ломалась.

Сковали кузнецы ему палицу в триста пудов.
Иван Соснович приходит в кузницу, взял палицу, попробовал — она согнулась.

— Негодна эта палица, скуйте другую.

Сковали кузнецы другую палицу.

Он приходит, попробовал:

— Ну, хотя немножко и сгибается, да ладно.

Взял палицу и пошел. Приходит домой и говорит отцу-матери:

— Слушайте, маменька и папенька, пеките мне подорожнички, пойду куда глаза глядят, на белый свет посмотреть.

Простился Иван Соснович с родителями и отправился в путь-дорогу. Идет он путем-дорогою, видит две горы. Меж горами человек стоит, одну гору в одной руке держит, другую — в другой, и покачивает ими.

Иван Соснович и говорит:

— Здравствуй, богатырь Горыня!

— Здравствуй, добрый человек! Но не я богатырь, а есть богатырь Иван Соснович, он убил волка медного лба. Вот это богатырь!

— Я и есть Иван Соснович,— говорит Иван.

— Так возьми меня с собой, Иван Соснович!

— Пойдем.

Вот идут они дальше вдвоем. Идут, идут, смотрят — стоит человек на дороге. В одной руке держит один дуб, в другой — второй. И размахивает ими.

— Здравствуй, богатырь Дубыня! — говорит Иван Соснович.

— Не я богатырь, а есть богатырь Иван Соснович. Вот это богатырь! Убил волка медного лба.

— Да я и есть Иван Соснович.

— Так возьми меня с собой!

— Пойдем.

Пошли втроем. Идут разговаривают. Подходят к речке, на берегу лежит человек. На усах людей перевозит через речку. Вот Иван Соснович и говорит:

— Здравствуй, богатырь Усыня!

— Здравствуй, здравствуй, добрый молодец! Только не богатырь я, а вот есть богатырь Иван Соснович, волка медного лба убил.

— Это я и есть.

— Возьми, Иван Соснович, меня с собой!

— Пойдем.

Вот Усыня и предлагает:

— Садитесь на мой ус, я вас перевезу, а потом вы меня вытянете.

Сели они ему на ус, перевез он их через речку, потом вытянули его и пошли. Вот шли они близко ли, далеко, низко ли, высоко, приходят и видят — стоит дом красивый. Зашли в дом, в доме кухня, столовая и спальная комната — а никого нет. Иван Соснович и говорит:

— Вот что, ребята, на дворе волы есть. Зарежем пять волов и станем суп варить.

Зарезали они пять волов, мясо в котел положили.

— Ты, Горыня,— говорит Иван Соснович,— оставайся сегодня суп варить, а мы пойдем в лес охотиться.

Горыня остался варить, а они ушли в лес. Варит он суп, пробует, готов ли, и думает: «Придут мои товарищи, накормлю».

Вдруг видит в окошко: бежит старичик — сам с ноготь, борода с локоть, сорок возов сена за собой тащит. Притащил на двор, стал воду качать, волов считать да поить. Считал, считал — пяти волов не хватает. Прибежал в избу и спрашивает:

— Кто в моей избушке поселился? Не поит, не кормит — а чужим добром распоряжается.

Смотрит — Горыня суп варит. Схватил он его и давай волтузить. Вертел его, вертел, мял, мял — и бросил. Потом вынес на улицу, приподнял угол своей избы и сунул его туда. Вертелся, вертелся Горыня и вылез из-под угла. Пришел в кухню, видит — огонь под котлом погас. Развел он снова огонь, подогрел суп немножко, глядит — товарищи идут. Повалился на кровать и лежит. Вот все садятся за стол суп есть.

— Ну, Горыня,— спрашивает Иван Соснович,— а ты чего не встаешь?

— Не хочу я обедать, угорел.

Выхлебали они весь суп, съели все мясо и спать легли. Утром встают, Иван Соснович говорит:

— Ну, Дубыня, сегодня ты останься, твоя очередь. А мы пойдем в лес.

Дубыня зарезал десять волов, положил мясо в котел и варит. Стал суп поспевать, Дубыня и думает: «Придут товарищи, накормлю». Смотрит в окошко: бежит старичик — сам с ноготь, борода с локоть, сорок возов сена за собой тащит. Притащил на двор, стал воду качать, волов считать да поить. Считал, считал — десяти не хватает.

— Кто у меня хозяйствует? Не поит, не кормит — а чужим пользуется.

Прибежал в дом, схватил Дубыню и давай его волтузить. Катал его, катал, мял, мял — вынес на улицу, сунул под угол. А под тот угол не смотрит, куда раньше Горыню положил. Дубыня вертелся, вертелся — и вывернулся из-под угла. Пришел в кухню и видит — огонь погас. Развел он снова огонь, согрел суп и повалился на кровать. Приходят товарищи, а Дубыня лежит. Сели они за стол:

— Что же ты не встаешь обедать с нами?

— Не могу, — отвечает Дубыня, — угорел.

— Теперь, Усыня, твоя очередь, — говорит на следующее утро Иван Соснович, — оставайся, зарежь пятнадцать волов и свари суп.

Усыня волов зарезал, положил мясо в котел, варит. Стал суп пробовать и думает: «Скоро придут товарищи, накормлю». Взглянул в окно и видит: бежит старичок — сам с ноготь, борода с локоть, сорок возов сена за собой тащит. Притащил на двор, стал воду качать, волов считать да поить. Считал, считал — пятнадцати не хватает.

— Кто же это ко мне забрался? Не поит, не кормит — а чужим добром пользуется.

Прибежал в избу — там Усыня суп варит. Давай Усынию таскать. Таскал его, таскал, мял, мял — вынес на улицу, положил под угол. Усыня вертелся, вертелся — и вывернулся. Пришел в кухню — огня нет. Снова развел, суп подогрел немного, а тут и товарищи его идут. Вот вошли они, садятся за стол:

— Вставай, Усыня, будем обедать!

— Угорел я, не могу, голова болит.

Выхлебали они весь суп, съели все мясо, спать легли.

Наутро Иван Соснович говорит:

— Ну, ребята, теперь идите вы в лес, а я останусь варить и посмотрю, что здесь за угар такой?

Пошел на двор, зарезал двадцать волов, поставил вариться. А сам думает: «Вот придут мои товарищи, накормлю их». Варил, варил, смотрит в окно: бежит старичок — сам с ноготь, борода с локоть, за собой сорок возов сена тащит. Притащил на двор, стал воду качать, волов считать да поить. Считал, считал — двадцати не хватает. Прибежал в избу, глядит — Иван Соснович суп варит. Старичок начал бороться с ним. Боролся, боролся — никак Ивана Сосновича одолеть не может. Иван

Соснович его наволтузил хорошенъко, а потом взял да в другой комнате на стене на гвоздь и повесил. А двери оставил открытыми. Вот пришли его товарищи, он и говорит:

— Ну, братцы, садитесь обедать!

Сели они за стол, глядят — Иван Соснович тоже садится. Товарищи удивляются: «Как это так, и обед Иван Соснович приготовил, и садится с ними есть?» Тут Дубыня глянул в открытую дверь:

— Глядите-ко, ребята, угар-то наш висит на гвозде.

— О чём вы, ребята, говорите? — Иван Соснович спрашивает.

— Угар наш висит.

— А что же вы раньше мне не сказали?

— Мы потому не сказали, что хотелось узнать, кто же из нас четырех сильнее. Вот теперь мы видим, что действительно ты сильнее нас.

А старик тем временем крутился, крутился на гвозде да и упал. Покатился по полу, а там была щель, он свалился в эту щель и полетел вниз.

— Вот, товарищи, — Иван Соснович говорит, — этот старик соберет там свое войско и пойдет на насвойной. Надо нам его убить, иначе потом с ним не справиться.

Пошли они на двор, зарезали всех волов, шкуры сняли, наделали из них ремней. Иван Соснович спрашивает:

— Кто, ребята, спустится вниз, к этому старику?
Горыня говорит:

— Я не пойду!

Дубыня подумал и говорит:

— Я тоже не пойду!

— И я не пойду, — отвечает Усыня, — я «угар» получил от него!

Настала очередь Ивана Сосновича.

— Давайте, ребята, я пойду! Но только с условием, что меня обратно подымете. Дожидайтесь до той поры, покуда я не приду.

Пришли они к яме. Иван Соснович спустился на ремнях вниз и пошел путем-дорогою. Приходит к домику. Зашел, там сидит девушка, перед ней стол стоит. Как стукнет она по столу — так солдат выскочит, как еще раз стукнет — так другой выскочит.

— Здравствуй, девица! — говорит Иван Соснович. — Какого ты рода, какого племени и что здесь делаешь?

— Я — купеческая дочь, сюда меня волшебник привнес.

— А что ты делаешь?

— Силу сгоняю.

— На кого же ты ее сгоняешь?

— На Ивана Сосновича.

— Красная девица, брось-ка ты это дело, а я назад пойду — тебя с собой возьму.

Пошел Иван Соснович дальше. Встречается на пути домик лучше прежнего. Зашел, там сидит девушка и шьет на машинке. Как стег стегнет — так два солдата высокочат. Как другой стегнет — еще два высокочат. Он и говорит:

— Здравствуй, девица! Какого ты роду, какого племени?

— Я — княжеская дочь.

— А что ты делаешь?

— Шью-кропаю, силу сгоняю.

— На кого же ты ее сгоняешь?

— На Ивана Сосновича.

— Брось-ка ты, красавица, это шитье в печку. Я обратно пойду — тебя с собой возьму.

Бросила она шитье в печку, а Иван Соснович дальше пошел. Идет и видит — стоит домик еще красивее. Зашел, там сидит девушка прекраснее прежних и шьет на машинке. Как стег стегнет — так три солдата высокочат. Другой стегнет — еще три высокочат.

— Здравствуй, девица! — говорит он ей. — Какого ты роду, какого племени?

— Я — царская дочь.

— А здесь что делаешь?

— Шью-кропаю, силу сгоняю.

— На кого же ты ее сгоняешь?

— На Ивана Сосновича.

— Брось-ка ты, красавица, это шитье в печку. Я обратно пойду — тебя с собой возьму.

Бросила она шитье в печку и стала его спрашивать:

— А куда ты идешь?

— Я ищу старичка. Сам — с ноготь, борода — с локоть.

— Слушай, Иван Соснович, я тебя научу, как с ним справиться. Иди сейчас на берег озера, там есть баня. Посмотри в предбаннике направо, увидишь шкафчик, в нем две бутылочки. В одной — живая вода, в другой — мертвая. Ты живой воды выпей немного и переставь

эти бутылочки: где стояла живая вода — там поставь мертвую, а где мертвая была — туда живую. А в бане на полке старик лежит. Это он и есть.

Сделал Иван Соснович все, как советовала царевна. Зашел в баню, лежит на полке старик. Он взял палицу и ударил старика слегка — тот только с боку на бок перевернулся. Ударил второй раз, покрепче, старик вскочил и говорит ему:

— О, Иван Соснович! Ну, коли ко мне пришел, отсюда живой не уйдешь!

И начал кликать свое войско. Кликал, кликал — нет войска.

— Ну, девки,— обманули меня!

Стал кликать змея. Змей прилетел, взял из шкафчика мертвый воды, выпил — и околел. Старик видит, что и змея нет, совсем озлился.

Тут Иван Соснович подошел к старику и ударил его палицей так сильно, что в бане потолок вылетел. Убил старика.

Приходит к девушке:

— Прекрасная царевна, собирайся, пойдем со мной!

Пошли ко второй. Приходят, Иван Соснович и говорит:

— Княжеская дочь, собирайся, пойдем с нами!

Пришли к третьей.

— Купеческая дочь, собирайся, пойдем с нами!

Вот шли они, шли и подошли к месту, где был спущен ремень. Начали товарищи Ивана Сосновича этих девушек подымать. Подняли купеческую дочь и спрашивают:

— Много ли вас там, девушек?

Она отвечает:

— Троє.

Привязывает Иван Соснович вторую, княжескую дочь.

Подняли. Эта еще красивее была. Вот он хочет привязать и прекрасную царевну.

А она ему и говорит:

— Слушай, Иван Соснович, подымись сперва ты, потом и меня подымешь.

— Подымайся, а я за тобой,— отвечает он.

— Смотри, тебя товарищи здесь оставят.

— Что ты, прекрасная царевна. Неужели товарищи мои так сделают?

— Смотри, Иван Соснович, не обижайся, если что.

Подняли и эту.

— Теперь очередь Ивана Сосновича,— говорит Горыня.

Спустили ремень, тянули, тянули, а Дубыня и заявляет:

— Я не стану тянуть. Невесты всего три, тогда один из нас останется неженатый.

Взял и срезал ремень. Иван Соснович упал вниз. Упал вниз и лежал так долгое время, потом очнулся и пошел куда глаза глядят. Шел, шел, вдруг встречается ему сад, в саду фрукты разные. Набрал их, поел. Смотрит, стоит дерево большое, высокое. Подошел к дереву, а на дереве гнездо, и в нем дети орлиные плачут:

— Ой, мы холодные, ой, мы голодные!

Прикрыл Иван Соснович их своим кафтаном, а они все кричат:

— Мы голодные, есть хотим!

Увидал он, что в саду волы ходят, взял вола, разорвал на мелкие куски, принес и бросил птенцам в гнездо. Поели они мяса и утихли. Вдруг прилетает мать-орлица, раскричалась:

— Ах ты, такой-сякой! Моих детей мучить? Съем тебя, расклюю!

А дети ей:

— Мама, мама! Кабы он нас не прикрыл да не накормил, мы бы совсем замерзли!

— Ну, молодец,— говорит орлица,— коли ты сделал доброе дело, так и я тебе добром отплачу. Чего ты желаешь?

— Вот что, орлица, я желаю на Русь попасть. Вынеси меня!

— Нужно зарезать сорок волов и сорок ведер воды приготовить. Когда все это соберешь, я тебя понесу.

Зарезал он сорок волов, принес сорок ведер воды.

— Ну, садись, Иван Соснович,— говорит орлица.— Как обернусь я к тебе, ты брось мне вола и вылей в клюв ведро воды.

Сел он на орлицу, и она полетела.

Вот орлица обернулась, Иван бросил ей вола и вылил ведро воды. Она и полетела дальше. Летела, летела — опять обернулась. Он бросил ей еще вола и вылил ведро воды. Летели очень долго, стали у них запасы истощаться. Наконец она говорит:

- Иван Соснович, брось мне еще полвола.
- Нет больше ничего, орлица.
- Отрежь у себя икры с ног и дай мне, только тогда я донесу тебя.

Отрезал Иван Соснович икры и бросил ей.

Прилетели они на край земли, на кромочку, а Иван Соснович и на ноги встать не может.

Тогда орлица кашлянула — икры и выпали из клюва. Взял он эти икры, приложил к ногам и смазал живой водой, которую взял с собой. И снова стал цел и невредим.

Пошел Иван Соснович путем-дорогою. Вот идет, смотрит — лежит рать-сила великая. Он и спрашивает:

— Чья рать-сила убитая лежит?

Ему отвечают:

— Это рать-сила Горыни-богатыря.

Пошел Иван Соснович дальше. Лежит на большом поле вторая рать-сила великая.

— Чья рать-сила убитая лежит?

Один человек встает с поля битвы:

— Лежит рать-сила Дубыни-богатыря.

Пошел опять Иван Соснович вперед. Сколько-то прошел, глядит, еще лежит рать-сила великая. Он и спрашивает:

— Чья рать-сила убитая лежит?

— Это рать-сила Усыни-богатыря.

— Кто же эту силу победил?

— Победил ее Кощей Бессмертный.

Иван Соснович подошел к своим товарищам:

— Зачем же вы меня оставили?

— Иван Соснович, — говорит Усыня, — мы хотели тебя вытянуть, да Дубыня срезал ремень.

— А где же девицы-красавицы?

— Наших красавиц унес Кощей Бессмертный. Теперь тебе надо идти к нему, выручать их.

Вот и пошел Иван Соснович снова путем-дорогою. Встречаются ему два бурильщика, а третий человек несет сумку со взрывчатым веществом.

— Ребятушки, куда идете? — спрашивает он.

— Идем мы к высокой горе, надо ту гору взорвать, достать ящик — в нем Кощеева смерть.

— Возьмите меня с собой.

Вот пошли они вместе. Пришли к горе, разрушили ее и дошли до того места, где был ящик с Кощеевой смертью. Ящик так и вертится, не стоит на одном месте.

Берет Иван Соснович свою палицу, ударяет по ящику — он и разлетелся. Взяли они яйцо, приходят к Кощееву жилищу. А тот ходит по двору, разгуливает.

— Ну, Кощей Бессмертный,— подходит к нему Иван Соснович,— кончается твоя жизнь!

Бросил ему под ноги яйцо — и Кощей тут же упал без дыхания.

Пошли они в палаты Кощеевы, слышат, играют гусли-самогуды. Подходят ближе — сидят три девицы.

— Здравствуйте, красавицы! — говорит Иван Соснович.— Я пришел второй раз избавить вас!

Очень девицы ему обрадовались. Взяли они гусли-самогуды и отправились домой.

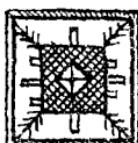
Пришел Иван Соснович с девушками в то царство, из которого царевна была унесена, к ее батюшке. Царевна и говорит отцу:

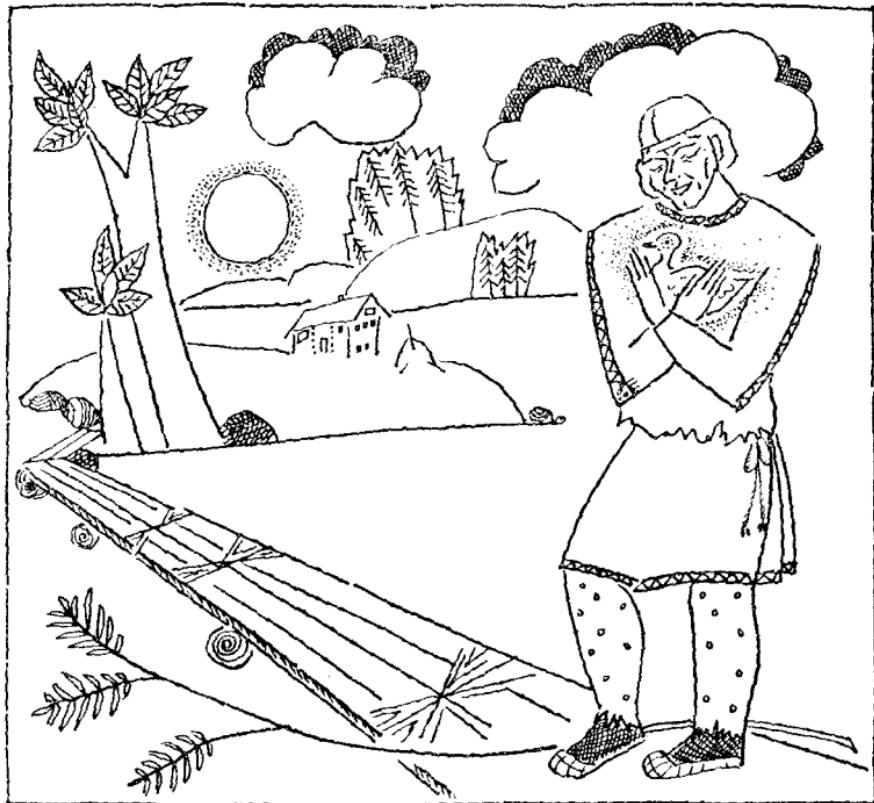
— Батюшка! Вот мой избавитель, он в первый раз спас меня от волшебника, а во второй — избавил от Кощея Бессмертного. Он мой богосуженый, батюшка, теперь я пойду за него замуж.

Купеческую дочь и княжескую Иван Соснович отправил к своим родителям, а с прекрасной царевной — веселым пирком да за свадебку!

Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попадало.

Дали мне синь кафтан, я иду весел и песни пою. А птичка на дереве сидит и щебечет: «Синь кафтан! Синь кафтан!» А мне послышалось: «Скинь кафтан, скинь кафтан!» Я и скинул его, в рубашке домой пришел.

УТУШКА ЗОЛОТЫЕ ПЕРЫШКИ

Жили в деревне два брата — один богатый, другой бедный. У богатого детей не было, а у бедного два сына росло. Богатый брат занимался торговлей, а бедный работал у него, нанимался. Был богатый брат очень скучной и грубой, бедный его боялся и старался приходить на работу пораньше и делать все получше да побыстрее.

Однажды утром встал он рано-рано — еще и петухи первые не пропели, и пошел на оvin рожь молотить. Приходит к овину, а там уже кто-то молотит. Опечалился он и думает: «Проспал я, видать, долго, брат кого-то другого вместо меня послал».

Подошел к овину поближе и спрашивает:

— Кто там молотит?

Ему отвечает голос из овина:

— Богатого счастье.

Загрустил бедный брат и говорит:

— Счастье, счастье, а где же мое-то счастье?

— А твое счастье спрятано под мостом, тебя дожидается. Сломи рябиновый прутышек, иди прямо по тропинке к мосту. Ударь прутышком по мосту три раза крест-накрест и скажи: «Полно, счастье, тебе спать, а мне, бедному, горе горевать». Выплывет оттуда утушка золотые перышки, возьми ее и неси домой, а там увидишь, что будет.

Вот по-сказанному, как по-писаному, сломил он рябиновый прутышек, пошел по тропинке к мосту, ударили по мосту крест-накрест три раза и сказал:

— Полно, счастье, тебе спать, а мне, бедному, горе горевать.

Выплывает из-под моста утушка золотые перышки, он ее поймал и принес домой. Начала утушка нести золотые яйца, стал их бедный брат продавать и поправлять свое хозяйство. Построил хороший дом, купил судно парусное и занялся торговлей — за границу даже ходил на своем судне торговать. Дети учились в школе, жена занималась домашним хозяйством.

Однажды, когда муж был за границей, к ней зашел сосед и спрашивает:

— Открой мне тайну, соседка, скажи, как вы разбогатели? Ведь раньше вы жили очень бедно.

Вначале она не хотела выдавать тайну мужа, но сосед не отступал, стал носить ей дорогие подарки, говорить ласковые речи, ухаживать за ней. Ей это понравилось — она и рассказала ему все.

— У нас,— говорит,— есть утушка золотые перышки, она несет золотые яйца. От этих яиц мы и разбогатели.

— А покажи-ка мне эту утушку,— попросил сосед.

Вот она и показала ему утушку. Стал сосед ее разглядывать, вертел, вертел в руках — и вдруг увидел надпись под крыльями: «Кто правое крыльишко съест — будет царем, а кто левое съест — будет князем». Он ничего не сказал хозяйке дома, но с этого дня стал просить:

— Изжарь мне эту утушку!

— Как же,— отвечает она,— я изжарю тебе утушку, что мне муж скажет, когда вернется?

— Ну, как хочешь, но если не изжаришь, я не буду больше к тебе приходить.

Хозяйка с хозяином об этой надписи ничего не знали.

Думала-подумала хозяйка — богатства у них достаточ-

но, не захотела лишаться дружбы с соседом и согласилась. Приказала она кухарке изжарить утушку золотые перышки. Кухарка утушку изжарила, правое крыльшко отдала старшему мальчику, левое — младшему, а мясо подала к столу.

Увидал сосед, что нет у утушки крыльшек, разгневался.

— Где,— кричит,— крыльшки?

— Детям скормила,— отвёчет кухарка.

— Не нужна мне ваша утшка, завтра же изжарьте мне этих мальчишек!

А хозяйку прилугнул, что, если она не выполнит его приказа, он расскажет обо всем мужу.

— Что же я скажу отцу о его сыновьях, куда они делились?

— А ты подожги дом и скажи, что дети сгорели. Он у тебя богатый, построит новый дом.

Приказала глупая баба кухарке изжарить своих собственных детей. А кухарка пожалела мальчиков и решила обмануть хозяйку. Собрала она детям еды на дорогу и ночью велела идти из дома подальше. Сама зарезала двух молоденьких барашков, изжарила их и подала к столу. Попробовал сосед мяса, засомневался — не баранина ли, но все равно съел все до последнего кусочка — и успокоился. Ждет, когда станет царем.

Подходит время к осени, муж вот-вот должен возвратиться из плавания. Жене что делать? Подожгла она свой дом, ничего из него не вынесла, чтобы на нее подозрение не пало. А на пути домой мужа застиг в море шторм, судно его разбило в щепки, чудом сам уцелел. «Ну ничего,— думает он,— дома у меня есть утшка золотые перышки, наживем все снова, а жена и дети простят меня, что гостинцев им не привез».

Пришел он к дому и видит — одно пепелище. Уцелела лишь баня на берегу моря. Разыскал он жену, та рассказала ему о беде — он ей поверил. Погоревал, погоревал, но делать нечего: слезами горю не поможешь. И поселились они с женой в бане.

А их сыновья, что ушли ночью из деревни, нанялись зуйками¹ на рыболовное судно и уплыли за границу. Прибыло их судно в одно государство. Вышли они на берег и попросились жить к бедной старушке. В это время в государстве выбирали царя. Народ решил: у кого

¹ Мальчик на промысловом судне, кашевар.

в церкви сама собой зажжется в руке свеча — тому и быть царем. В назначенное время все люди собрались в церкви и каждый взял в руки по свече. Старушка тоже отправила мальчиков в церковь испытать свое счастье, дала им денег на свечи. Во время службы все прихожане следили, у кого сама собой загорится свеча. Вдруг свечи загорелись у этих мальчиков. Одного из них назначили царем, а другого князем. Долго ли, коротко ли пожили они в этом царстве, начали скучать по дому. Старший брат и говорит:

— Как бы нам узнать об отце, жив ли он?

Оставили они на некоторое время царство и поехали наведаться на родину. Добрались до своей деревни, где жили раньше. Пришли на то место, где стоял их дом, а на месте дома трава выше пояса растет. Узнали они от людей, какая беда постигла их отца. Дождались вечера, переоделись в простое платье и пришли к отцу проситься на ночлег.

— Пусти нас, хозяин, переночевать.

— Куда же я вас пущу, когда сам живу в бане.

— Нам много места не надо, только обогреться и переночевать.

— Ну ладно, не оставаться же вам на ветру под дождем, заходите.

Хозяйке это не понравилось, заворчала она на мужа:

— Зачем пустил, самим тесно.

Приютились братья в уголочке.

Легли все спать, а хозяину не спится. Стал он спрашивать у ночлежников, кто они и откуда. Братья сказали, что бурлачат по разным городам.

— Если вы много ходите, то много знаете, разные бывальщины да сказки. Не расскажете ли что-нибудь?

Хозяйка опять ворчит:

— Придумали ночью сказки рассказывать. Спать спокойно не даете.

А братья отвечают:

— Почему не рассказать, это можно. Мы много городов обошли, много интересных историй знаем.

И начали рассказывать про свою жизнь. Как жили сначала с отцом и матерью в бедности, как с помощью утушки золотые перышки разбогатели и как потом родная мать хотела их убить.

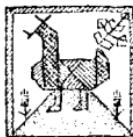
Пока рассказывали, в бане было темно, и они потихоньку оделись в свои царские одежды. Хозяин понял, что мальчики рассказали всю правду о его семье,

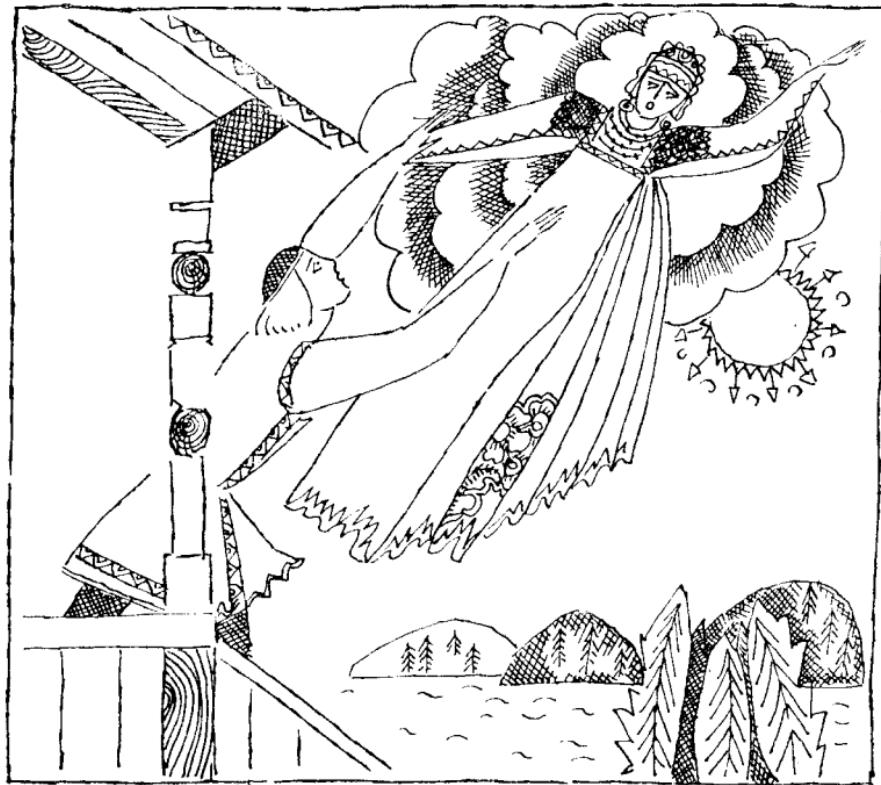
зажег он лучину — и слова не может вымолвить от удивления: перед ним стоят два красавца в царских одеждах.

— Отец, разве ты нас не узнаешь? Мы — твои сыновья.

Взяли они отца с собой на корабль, а мать оставили в старой бане. Поделом ей, по заслугам и наказание.

Приехали братья с отцом в свое государство, стали жить-поживать, добра наживать, до сей поры живут и нас переживут.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, было у него три сына: старший был Василий, средний — Федор, а младший — Иван. Как-то говорит отец своим сыновьям:

— Милые мои дети, чувствую я, что недолго мне жить осталось, и хочу вас поженить, чтобы успеть увидать ваших деточек, моих внучат.

Сыновья и отвечают:

— Государь наш батюшка! Разреши спросить, на ком жениться?

— Милые дети, не мне жить с вашими женами, а вам, сами и выбирайте. Но я даю вам такой совет: сделайте по самострельчику и по стрелочке, пустите стрелочки, и у которого куда стрела падет — там и судьба будет.

Сделали они всё, как отец посоветовал. У старшего стрела упала на королевский двор, у среднего — на княжеский, а у самого младшего — Ивана-царевича —

улетела невесть куда. Пошел он искать свою стрелочку и зашел в болото. На болоте стоит кривая избушка, выходит из избушки старая-престарая старушка и говорит:

— Иван-царевич, коли судьба тебя сюда привела, то должен ты взять меня за себя замуж.

— Как же я тебя возьму, такую престарую старуху?

— Воля твоя. Но от меня все равно не уйдешь.

Пошел он прочь и сразу начал в болоте тонуть, насилиu выбрался.

Старуха и говорит:

— Ну что, Иван-царевич, не хочешь меня в жены взять? Ведь не уйти тебе от меня.

И пришлось Ивану-царевичу взять ее с собой.

Привел он старуху к своему батюшке во дворец, запер в своей комнате, а сам пошел к отцу. Отец у него и спрашивает:

— Милый сын, где ты так долго плутал? Нашел ли себе невесту? Твои братья уже давно женились, живут со своими женами.

— Ой, батюшка, лучше не спрашивай. Привел я старуху, не знаю, как и людям показать.

Собрал царь всех сыновей и говорит:

— Милые дети, пусть ваши жены сошьют мне по рубашке. Я узнаю, как они будут вам платья шить. Завтра приходите и принесите по рубашке.

Василий и Федор пошли и сказали своим женам:

— Отец велел сшить ему рубашку.

— Несите шелку, мы сошьем,— жены говорят.

Мужья сходили на рынок, купили шелку и принесли женам. Иван-царевич тоже пришел к своей старушке, сел на лавку и голову повесил. Она подходит к нему и спрашивает:

— Что, Иван-царевич, невесел, буйну голову повесил?

— Батюшка дал службу — сшить ему рубашку. А где тебе ее сшить, у тебя руки-то трясутся.

— Ну, Иван-царевич, не пожалей, принеси семь аршин шелку.

Иванушка сходил, принес шелку. Она взяла, положила все на стол. Вдруг приходят невестки, смотрят, как будет Иванова старушка шить. Разрезала она шелк на мелкие кусочки и выкинула на улицу:

— Няньки, мамки, верные служанки, как служили моему батюшке, как служили моей матушке, так и мне послужите!

Через несколько минут рубашка была сшита, накрахмалена, скатана и принесена ей. Невестки посмотрели — хороша рубашка. Вот пришли они домой, разрезали шелк на кусочки, выкинули на улицу и сказали те же слова, что старушка говорила. Постояли, подождали, прошло два часа — никто ничего не принес.

— Мужья! Идите на рынок, купите там самолучшие рубашки, у нас ничего не вышло.

Мужья пошли, купили самолучшие рубашки в одной и той же лавке, понесли царю.

Иван приходит к своей старушке и спрашивает:

— Сшила ли ты чего?

— Вот, Иван-царевич, — подает она ему рубашку, —неси ее своему батюшке, да скажи, чтобы не обессудил.

Приходят братья во дворец.

Старший, Василий, подает рубашку отцу. Царь развернул, посмотрел и говорит:

— Этакие рубашки у нас носят одни лакеи да кучера в праздники. Ну-ка, Федор, покажи, что у тебя за рукodelница жена?

Федор подает рубашку.

Царь развернул, смотрит:

— О, да у вас, дети, рубашки с одной фабрики! На одной фабрике сшиты, в одной лавке куплены. Ну-ка, Иван, а твоя старушка что сшила?

— Смотри, батюшка. Я и сам не знаю, что там есть.

Царь развернул, посмотрел и говорит своим детям:

— Вот это рубашка так рубашка! Не стыдно при гостях надеть! Нет ни шва, ни рубца, сшита — будто вылитая! Не была бы, Иванушка, твоя жена старухой — отдал бы тебе царство.

Потом и говорит:

— А завтра, милые дети, принесите мне по хлебу. Я узнаю, как ваши жены кормить вас будут.

Приходят старшие братья домой:

— Милые женки, батюшка вас за рубашки не похвалил. Только ту рубашку похвалил, что сшила Иванова старушка. А назавтра он велел вам испечь по хлебу.

— Принесите муки, испечем!

Мужья сходили, принесли им муки.

Пришел Иван к своей старушке, сел на лавку и голову повесил. Подходит она к нему и спрашивает:

— Что, Иван-царевич, невесел, буйну голову повесил? Или багюшка рубашки моей не похвалил?

— Нет, рубашка батюшке по нраву пришлась, за рубашку спасибо сказал, но велел вам испечь по хлебу.

— Не пожалей, Иван-царевич, принеси фунтов семь муки.

Иванушка сходил, принес семь фунтов муки. Она печь затопила, тесто растворила. Стало тесто подходить. А невестки опять пришли посмотреть, как старушка хлеб пекла будет. Она тесто замесила, угли в печи разгребла да и вылила тесто в устье печи, закрыла заслонкой и на улицу вышла:

— Мамки, няньки, верные служанки, как служили моему батюшке, как служили моей матушке, так и мне послужите!

Прошло два часа, она заслонку открыла, и пошел из печи ароматный хлебный дух.

Невестки скорехонько побежали домой, печи истопили, уголья разгребли и так же вылили тесто. Печку заслонкой закрыли и на улицу выбежали, сказали те же слова, что и старушка. Два часа прошло, печь открыли, посмотрели — а там ни теста, ни хлеба, одни уголья.

— Ну, мужья,— говорят они,— ничего у нас не вышло, все сгорело.

Мужья опять пошли на рынок, купили самых лучших изюмных хлебов и понесли батюшке.

— Готово ли у тебя что?— спрашивает Иван свою жену.

— Вот, Иван-царевич, хлеб, в скатерку завернут. Коли батюшке не понравится — пусть не обессудит.

Приходят сыновья к царю, приносят хлебы.

Царь попробовал кусочек изюмного хлеба Василия и говорит:

— Хо-хо, милый сын! Этакие хлебы в любой лавке взять можно, у нас их только конюхи в праздник едят. Ну-ка, Федор, покажи ты.

Федор подал свой хлеб.

— Да у вас с Василием хлебы из одной лавки! Ну-ка, Иван, покажи хлеб своей старушки.

Сын развернул скатерку.

— Вот, батюшка, хлеб, я и сам не смотрел.

Царь попробовал кусочек, еще один и говорит:

— Вот это хлеб так хлеб! Этим хлебом не стыдно гостей угощать. Кусочек съешь — по другому душа болит. Эх, Иванушка, кабы была твоя жена помоложе, тебе бы престол отдал.

Затем и говорит своим сыновьям:

— А теперь, милые дети, последнее задание. Идите к своим женам и скажите, чтобы соткали мне по ковру. А потом приходите все ко мне на пир-угощенье.

Пошли братья домой:

— Ну, женки, не похвалил батюшка вашу стряпню, похвалил только стряпню Ивановой старушки. А еще велел соткать по ковру.

Иван-царевич сидит в своем доме на лавке, повесил буйную головушку. Подходит к нему жена и спрашивает:

— Что, Иван-царевич, невесел, буйну голову повесил? Али батюшке не понравился мой хлеб?

— Нет, хлеб батюшке понравился, большое спасибо сказал, только дал он новое задание — соткать ему ковер. И приехать с ним к нему на пир.

— Принеси, Иван-царевич, сто мотков шелковых ниток, я сотку для батюши ковер-самолет.

Он принес. А невестки уже здесь, хотят посмотреть, как Иванова старушка будет ткать ковер. Взяла она эти мотки, разрезала, выкинула все на улицу и сказала:

— Мамки, няньки, верные служанки, как служили моему батюшке, как служили моей матушке, так и мне послужите.

Не прошло и часу, как ковер был готов, скатан и принесен. Невестки пришли домой, мотки разрезали, все на улицу выбросили, слова Ивановой жены повторили.

Прошло сколько-то времени — нет ни ниток, ни ковра.

— Мужья, идите на рынок и купите ковры, у нас ничего не вышло.

Купили мужья ковры, и стали они с женами собираться к батюшке на пир.

Иван спрашивает у своей жены:

— Что, старушка, ты тоже поедешь?

— Нет, зачем я поеду людям на смех. Поезжай один и ковер отвези. А как сядете за стол и загремит гром, ты скажи: «Это моя женочка в разноцветные платья одевается». Как пойдет дождик, ты скажи: «Это моя женочка ключевой водой умывается». А как молния засверкает, скажи: «Это моя женочка едет» — и выходи встречать.

Привезли все братья ковры, царь приказал их развесить по стенам, и опять ковер Ивановой жены оказался лучше всех, такого царь никогда и не видывал.

Вот сидят все за столами, угощаются.

Вдруг молния заблистала. Иван и говорит: «Это моя женочка едет».

Выскакивает он на крыльцо, глядит — едет тройка белых лошадей. Подъехала тройка к крыльцу, остановилась. Из кареты выходит красавица, берет Ивана за белые руки и говорит:

— Здравствуй, мой супруг Иван-царевич!

Он и глазам не верит, неужто это его жена? Заводит ее в палаты. Братья, невестки, все гости глаза выпутили, что у Ивана жена так хороша. Не пьют, не едят, всё на Иванову жену поглядывают. А она один кусочек в рот положит, а другой в рукав. Вот попили, поели, царь и говорит:

— Ну-ка, невестушки, повеселите меня, старики!

Жена Ивана-царевича тряхнула рукавом — образовалась за окном Нева-река, заплавали по ней утки, гаги и селезни.

Братневы жены тоже кусочки в рукава складывали — захотели царя-батюшку повеселить. Как тряхнули рукавами — и полетели куски и крошки на стол и на гостей. Царь рассердился:

— Что вы делаете?

Невестки застыдились и сели за стол. Царь подходит к Ивановой жене и спрашивает:

— Скажи, невестушка, как тебя звать-величать?

— Имя мое простое — Елена Прекрасная.

— Большое тебе спасибо, Елена Прекрасная, за все.

Отдам вам с Иваном свой престол.

А Иван все думает: «Куда же она свою старость девала?» Побежал к себе домой. Искал, искал ее старушечий наряд — нигде не может найти. Потом зашел в умывальню, а он на гвозде висит. Затопил Иван печку да и бросил все туда, сжег. Прибегает он обратно, садится за стол, а Елена и спрашивает:

— Иван-царевич, где ты был?

— Елена Прекрасная, я дома был.

— А не сжег ли ты мой старушечий наряд?

— Сжег,— отвечает Иван.

— Что ты наделал, Иван-царевич! Не смог подождать трех дней, и я была бы навсегда твоей, а сейчас налетит Кощей Бессмертный и унесет меня.

Только вышли они на крыльцо, как налетела черная туча, невидимая сила подхватила Елену Прекрасную и унесла. Остался Иван-царевич один. Горевал он, горевал, но сколько ни печалься — этим делу не поможешь.

Попрощался он с отцом и братьями и отправился в путь-дорогу, искать Елену Прекрасную.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Долго шел Иван-царевич, совсем притомился. Вдруг видит — стоит большой дом. Из дома выходит женщина и говорит ему:

— Заходи, добрый молодец, отдохни с дороги.

Накормила она его, напоила, спать положила и села у головушки вести выспрашивать.

— Иду я половину волей, половину неволей, а больше своей охотой,— рассказывает Иван-царевич.— Женился я на Елене Прекрасной, да сжег раньше времени ее старушечий наряд, и Кощей Бессмертный унес мою жену. Иду ее разыскивать.

— Иван-царевич, ведь ты приходишься мне родственником. Елена Прекрасная — моя родная племянница. Я помогу тебе, покажу дорогу к дому, где встретит тебя пожилая женщина, это и будет твоя теща.

Шел он, шел, подходит к дому, вдруг с парадного крыльца выбегает ему навстречу женщина:

— Здравствуй, Иван-царевич!

— Здравствуй, здравствуй, матушка!

Взяла она его за руку, повела на верхний этаж, посадила за стол, напоила, накормила и стала расспрашивать.

— Женился я на Елене Прекрасной, когда она еще старушкой была, и пока все были у батюшки на балу, я сжег ее старушечий наряд. Вот и унес Елену Кощей Бессмертный. Теперь я иду ее искать.

— Повезло тебе, что мужа моего дома нет. Очень он на тебя сердит.

Повела она его в другую комнату и заперла. Вдруг прилетает муж. Зашёл в комнату и говорит:

— Сказывай, жена, кто у тебя в комнате? Русским духом пахнет!

— Это зять наш пришел,— отвечает она,— с горя убивается.

— Веди его сюда, я с ним поговорю.

Жена пошла в другую комнату и говорит зятю:

— Зятюшка, муж зовет тебя. А как будешь к нему подходить — падай на колени и проси прощения.

Иван так и сделал.

— Знаю, зачем ты пришел,— говорит тесть.— Ты сжег наряд моей дочери и идешь искать ее. Я на этот наряд истратил весь свой капитал, скрывал свою дочь

от Кощея Бессмертного семь лет, а ты не мог потерпеть три дня. Теперь иди к Кощею Бессмертному и выручай ее, мне это уже не по силам.

Дает он Ивану своего коня и говорит:

— Если достанешь мою дочь — приезжай ко мне, а если нет — лучше не являйся.

Сел Иван на коня и поехал. Приезжает на Кощееву границу. Стал Кощей его жечь, палить, к себе не подпускает. Снял Иван-царевич шлем с головы, замахал им и говорит:

— Кощей Бессмертный, возьми меня к себе на службу.

— Сначала поедем в поле, посмотрю, на что ты гож.

Приехали в поле, дает Кощей Ивану-царевичу часы, берет меч и бросает вверх. Меч пролетал шесть часов и упал обратно. Тогда Кощей Бессмертный берет часы и говорит:

— Ну-ка, молодец, возьми теперь ты мой меч и брось вверх.

А Иван стоит и смотрит на облако.

— Что же ты стоишь, медлишь? — спрашивает Кощей.

— Вот облачко плывет, я возьму твой меч, закину на облачко — он там и останется, — говорит Иван.

Кощей Бессмертный осерчал. Дунул на него и обратил в яйцо, выкинул яйцо в чисто поле. Лежит Иван-царевич в скорлупе и шевельнуться не может. Вдруг на его счастье прилетел Орел Орлович, увидал яйцо, клюнул его, яйцо раскололось — Иван-царевич и вышел. Орел ему говорит:

— Коли я избавил тебя от колдовства, ты должен мне послужить.

Посадил его на себя, и полетели. Прилетел Орел в свой дом и обернулся стариком.

— Будешь ты, Иван-царевич, на кухне кушанье готовить.

Прошел год, сели они обедать, дед приносит из подгреба большой кувшин квасу и ставит на стол.

— Вот, Иван-царевич, это твое годовое жалованье.

— Я не могу сразу столько выпить, — говорит Иван-царевич.

— Пей, Иван-царевич, пей! От этого вреда не будет, а силы прибавится.

Пообедали они и пошли в чисто поле. Приходят, дед дает Ивану-царевичу часы, а сам берет свой меч:

— Иван-царевич, я кину меч, он пролетает шесть часов и упадет обратно.

Кинул он меч, а Иван-царевич смотрит на часы. Меч пролетал ровно шесть часов и упал обратно. Дед берет часы.

— Ну-ка, Иван-царевич, возьми мой меч и кинь вверх, долго ли он пролетает?

Иван-царевич взял меч, кинул вверх, меч пролетал три часа и упал обратно. Дед говорит:

— Придется тебе, Иван-царевич, у меня еще послужить.

Вот Иван-царевич опять пищу варит. Так прошел еще год. Сели они обедать, дед приносит из погреба еще больший кувшин квасу.

— Пей, Иван-царевич, это твое годовое жалованье.

— Я сразу столько не выпью.

— Пей, от этого только силы прибавится.

— А теперь пойдем, Иван-царевич, попробуем нашу силу.

Приходят они в чисто поле. Дед дает Ивану-царевичу часы и говорит:

— Смотри, долго ли мой меч пролетает.

Дед кинул меч, он пролетал шесть часов и упал обратно. Берет дед часы у Ивана-царевича и велит ему кинуть меч. Меч пролетал шесть часов.

— Ну, Иван-царевич,— говорит дед,— ты теперь силой равен с Кощеем Бессмертным. У него меч такой же тяжести, как и мой. Поезжай. Даю тебе коня. Как достанешь Елену, привези ее сюда, а то она очень исхудала, ослабла.

Дал дед ему свой меч и наказал:

— Смотри, Иван-царевич, бей Кощеха Бессмертного моим мечом, а не своим, и бей только один раз. Если ударишь другой раз, он оживет и тебя убьет. Еще выедут на тебя двенадцать Кощевых богатырей, ты бей их своим мечом, а не моим.

Приезжает Иван-царевич к Кощею Бессмертному. Тот жжет его, палит, а конь не обращает внимания и несет прямо на Кощеха. Тогда Кощех закричал:

— Кто ты такой, что едешь не спросясь?

— А ты забыл, Кощех, как приезжал к тебе Иван-царевич, ты замуровал его в яйцо и бросил яйцо в чисто поле?

Иван-царевич и ударил Кощеха дедовым мечом. Все закричали:

— Бей его, собаку, другой раз!

А он отвечает:

— Нет, у нас на Руси одним разом бывают!

Только уничтожил он Кощея, как выезжают двенадцать богатырей. Побил он их всех своим мечом и заходит в палаты Кощеевы. Глядит, под столом человеческая голова торчит. Он и спрашивает:

— Кто тут, живой человек или мертвый?

— Я Елена Прекрасная,— отвечает голова.— Иванушка, если придет Кошечей Бессмертный, то тебе будет смерть и мне тоже.

— Я убил Кощечея Бессмертного, нет его больше. А сейчас я вырублю все полы и достану тебя.

— Ежели будешь трясти все полы, то мне не вытерпеть будет, я умру. Иди вдоль этой стены и нащупай в стене кнопочку, нажми ее, тогда откроются двери, там ты найдешь большую связку ключей. Открывай замки, снимай полы.

Нашел Иван-царевич кнопочку, достал ключи, открыл все замки, снял все полы и вывел оттуда Елену Прекрасную. Подошел к своему коню, посадил Елену на коня и сам сел с ней рядом. Поехали они к деду Орлу Орловичу. Приезжают, дед выходит встречать.

— О, какая ты, Елена Прекрасная, худая стала. Тебе надо два года пожить у меня, тогда ты наберешь силу.

Приводят он ее в свою кухню и говорит:

— Вот что, Елена Прекрасная, будешь варить для всех нас.

Варила она целый год. Как-то садятся за стол обедать, дед приносит большой кувшин квасу.

— Пей, Елена Прекрасная, это твое жалованье за год.

— Что ты, дедушка, я сроду столько не пила, не выпить мне будет.

— Пей, дочка, пей. От этого кваса у тебя сила будет.

Она и выпила.

— Ну, дети, пойдемте, посмотрим мой меч,— говорит дед.

Приходят на поле, дед дает Ивану-царевичу часы, а сам берет свой меч и кидает вверх. Меч пролетал точно шесть часов и упал обратно.

— Ну, дети, есть еще у старика сила,— говорит он.

— Дает меч Елене Прекрасной:

— Ну-ка, дочка, попробуй кинуть мой меч.

Елена Прекрасная взяла меч и кинула вверх. Меч пролетал три часа и упал обратно.

— Поживи, дочка, у меня еще годик, тогда можешь ехать.

Она и осталась.

Проходит год, дед приносит ей еще больший кувшин квасу.

— Пей, Елена Прекрасная, это твое жалованье.

— Дедушка, мне не выпить будет.

— Пей, дочка, пей. От этого кваса у тебя сила будет. Выпила она все.

— Ну, деточки, пойдемте еще раз посмотрим, такая ли у старика сила, как раньше была?

Дает Ивану-царевичу часы, кинул свой меч, пролетал меч шесть часов.

— У старика сила по-старому.

Берет часы у Ивана-царевича и велит Елене Прекрасной кинуть меч. Елена Прекрасная меч кинула, пролетал меч шесть часов и упал обратно. Вот дед и говорит:

— Ну, Елена Прекрасная, теперь ты можешь с Иваном-царевичем ехать, сила у тебя есть!

Иван-царевич и спрашивает:

— Орел Орлович, как бы нам попасть домой поскорее?

— Дам я вам, дети, своего коня, он быстро домчит. А как приедете домой, корми, Иван, коня тем же, что сам есть будешь. И ежели не собираешься ко мне больше, то не держи коня, отпусти его прочь, он сам ко мне прибежит.

Приехал Иван-царевич с Еленой Прекрасной к своему тестю, тот от радости не знает, куда их посадить, чем угостить.

— Спасибо тебе, Иван, что спас мою дочь, теперь поезжайте и живите с богом.

Приезжают Иван-царевич с Еленой Прекрасной в свой город. Обрадовалась Нева-река, утки-селеzни.

Царь и говорит:

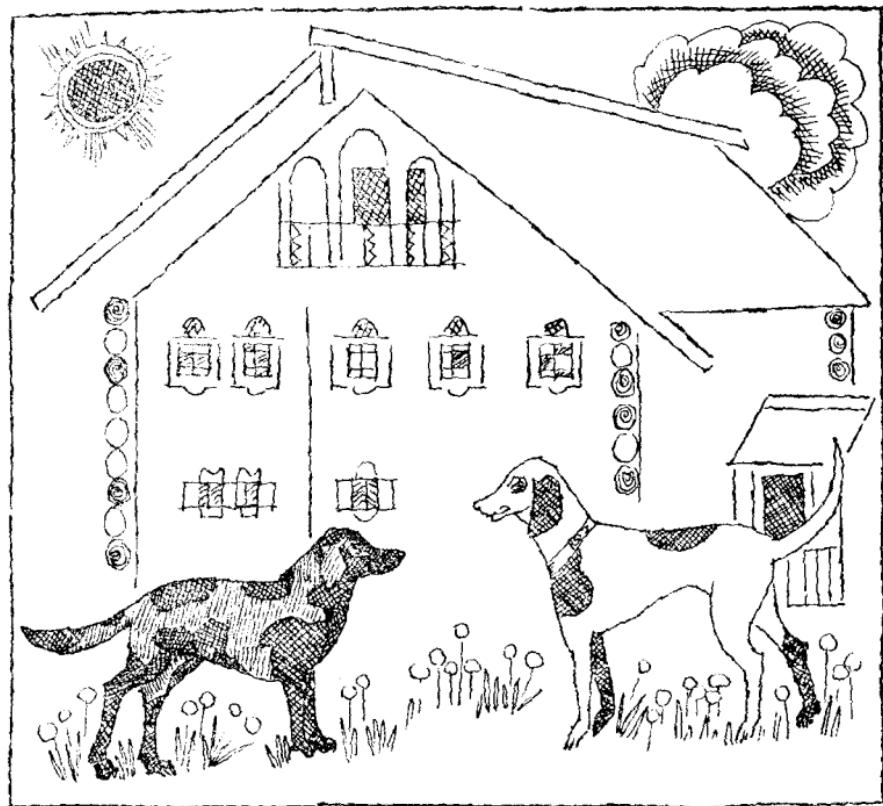
— Ну, милый сын, долго ты ездил, но приехал живой. Теперь отдам тебе свой престол.

И старшему сыну Василию сказал:

— Уступи место Ивану.

Сел Иван на престол и начал править своим царством. Тем все и кончилось.

ТИЛЛИ, ВИЛЛИ, МОТОВИЛЛИ

В давнее время в глухом лесу в маленькой избушке жили старик со старухой. Старик занимался охотой, старуха — домашним хозяйством. А хозяйства-то всего и было — печь да полати, куча соломы вместо кровати. Хлеба и на ползмы не хватало. Пошел однажды старик в лес дрова рубить, стукнул по лесине, и вылетела из дупла птичка.

— Тилли, вилли, мотовилли, что, старик, ходишь? Что, старик, бродишь? Есть ли нечего, пить ли нечего?

Удивился старик — никогда раньше не слыхал, чтобы птица человеческим голосом говорила.

— Живем мы со старухой бедно да нужно, нет у нас ни хлеба, ни соли.

— Не тронь лесину, не губи мое гнездо. Иди к себе домой, ложись спать — утро вечера мудренее. Будут у тебя и хлеб, и соль.

Пришел старик домой, лег спать, утром встает — и глазам своим не верит: на столе и хлеб, и соль — все есть. Обрадовался старик, рассказал обо всем старухе. Старуха и посыпает старика снова к птичке:

— Иди, хлопни еще лесину, проси новый дом. И чтобы озеро рядом было.

Пошел старик на старое место, стукнул лесину, вылетела птичка.

— Тилли, вилли, мотовилли, что, старик, ходишь? Что, старик, бродишь? Есть ли нечего, пить ли нечего?

— Есть теперь у нас и еда, и соль, только вот домишко совсем развалился, да и озера нет поблизости.

— Не тронь лесину, не губи мое гнездо. Возвращайся домой, ложись спать — утро вечера мудренее. Будут у тебя и дом, и озеро.

Старик и ушел домой. Утром просыпается в новом доме, на пуховой перине. Подошел к окну, смотрит — у самого крыльца ламбушка появилась, вода в ней прозрачная, до самого дна все видно, и рыба плавает. Обрадовался старик. А старуха уже новое задание придумала птичке.

— Старик, озеро-то теперь у нас есть, а нет ни лодки, ни сетей. Чем будем рыбу ловить? Сходи попроси у птички карбас да снастей рыболовных побольше.

Снова пришел старик к лесине, стукнул, вылетела птичка.

— Тилли, вилли, мотовилли, что, старик, ходишь? Что, старик, бродишь? Есть ли нечего, пить ли нечего?

— Все теперь у нас есть, птичка, и дом, и озеро, и рыба, да ловить нечем.

— Не тронь лесину, не губи мое гнездо. Возвращайся домой, ложись спать — утро вечера мудренее. Будут тебе и карбас, и сети.

Пришел старик домой, лег спать, крепко уснул. Утром встает, а на берегу ламбушки карбас стоит новехонький, сетки крепкие, весла легкие — рыбачь себе вволю. Обрадовались старик со старухой: легко себе добро нажили. Стали думать, о чем бы еще попросить птичку? Наконец старуха придумала:

— Иди, старик, попроси птичку, пусть сделает так, чтобы нас все боялись.

Пришел старик к лесине, стукнул, вылетела птичка.

— Тилли, вилли, мотовилли, что, старик, ходишь? Что, старик, бродишь? Есть ли нечего? Пить ли нечего?

— Все у нас, птичка, есть. Хотим мы теперь со старухой, чтобы нас все боялись.

— Ладно, иди домой, ложись спать. Сделаю я так, чтобы вас все боялись.

Пришел старик домой, легли они со старухой спать людьми, а утром проснулись собаками охотничими. Залаяли, заскутили.

Шли однажды мимо охотники, видят — дом в лесу стоит хороший, ламбушка около дома, а в доме никто не живет, только две голодные собаки вокруг него бегают. Кинули им охотники хлеба, собаки успокоились, ласятся к людям, словно с собой взять просят. Пожалели их охотники — не оставлять же в пустом доме, взяли с собой. На любого зверя эти собаки шли, даже волки и медведи их боялись. Говорят, во всем Поморье равных им по злости не было. Вот как дело-то было.

ЗВЕРИНОЕ МОЛОКО

Жил старик с сыном и дочерью. Старик ходил на охоту. Было у него семь собак — охота хорошая. Вот он и говорит сыну:

— Завещаю тебе, сын, полотенце и семь собак. А дочка — твоя сестра — будет за тобой ухаживать, мыть, стирать. Только сестре полотенце стирать никогда не давай, держи его дома около себя, оно волшебное. Надо будет через реку перейти, махни в ту сторону — сделается мост. А если что задумаешь, переложи полотенце с руки на руку — будет тебе удача.

Вскоре старик умер. Вот живет сын, охотится, собаки всюду с ним ходят. А сестра его по дому управляетя. Вот стирала она как-то белье и пришла на речку полоскать. Смотрит, на другой стороне реки стоит мужчина. А это был черт.

— Здравствуй, красавица.

— Здравствуйте.

Девушка черту приглянулась.

— Что же ты, красавица, белье стираешь, а полотенце брата никогда не выстираешь?

— Не дает.

— А ты попроси.

— Не дает, с собой уносит, а когда оставляет, то не велит трогать.

— А ты возьми да и унеси. Не стирай его, а принеси на берег и махни в мою сторону одним концом, чтобы я к тебе перешел.

Девушка сходила домой, принесла полотенце, махнула в ту сторону, где черт, он к ней и перешел.

— Как же теперь быть? — говорит черт. — Если брат придет, так его охота меня разорвет. Спрячь ты меня.

— Куда же я тебя спрячу?

— Да куда-нибудь, хоть в уголок. — И обернулся веником.

Вдруг бежит охота, с лаем, с шумом. Брат удивляется:

— Что такое? Кто у нас в избе прячется? Охота-то моя что делает!

Охота начала веник трепать. А черт девушку до этого уговорил, чтобы она не давала собакам веник трепать.

Сестра и говорит:

— Брателко, да останови ты собак, нечем ведь будет пол мести.

Брат успокоил собачек, они легли и спят.

Прошла ночь. Утром брат уходит, а сестра с чертом осталась. Вот он и говорит:

— Когда твой брат вечером вернется, ты меня хоть под печку спрячь, да только охоту унимай, чтобы меня не загрызли.

Приходит брат вечером, а охота опять бросилась на черта.

— Ой, да что же это, братец, такое? — говорит сестра. Будто и не знает, в чем дело.

— Не брала ли ты мое полотенце? Не носила ли его на реку? — спрашивает брат.

— Нет.

— Не стирала?

— Нет, — говорит сестра.

— А что же охота все бросается? Что-то здесь неладно.

Ушел брат опять в лес, а сестра черту говорит:

— Как же теперь нам быть? Уходить нужно.

— А ты вот что сделай,— учит ее черт,— притворись, будто заболела, и отправь брата к медведям, чтобы принес медвежьего молока,— тогда только ты и поправишься. Медведи и его и собак разорвут.

Наутро сестра говорит:

— Брателко, заболела я. И приснился мне сон, будто покойная мать говорит, что надо медвежьего молока напиться — тогда и поправлюсь. А живет эта медведица в тридевятом царстве, в тридевятом государстве, за морем, за океаном. Принеси мне от медведицы молока!

Пошел брат медвежье молоко добывать. Шел долго. Увидал в лесу медведицу, попросил у нее молока.

Медведица и говорит:

— Вот тебе, молодец, молочко. Да я и медвежонка дам в придачу, пусть твоя сестра пьет молоко да поправляется, а медвежонок на потеху будет.

Как-то вечером черт учит девушку:

— Если брат вернется, то надо его послать к львам за львиным молоком. Львы его и разорвут вместе с охотой.

Только сказал, а брат и идет с собаками. Испугалась сестра, не знает, куда черта девать.

— Куда же я тебя спрячу?

— Да хоть куда-нибудь.

Спрятала она черта в сенник¹, на котором спала. Прибежала охота, начала постель трепать, а сестра и говорит:

— Братец, уйми ты своих собак, больна ведь я.

Прошло сколько-то дней, сестра опять говорит:

— Брателко, не помогло мне медвежье молоко. Сходи к львам, львиного молока хочу. А живет львица в тридевятом царстве, в тридевятом государстве, за морем, за океаном. Принеси молока от львицы, я и выздоровлю.

Шел брат, шел, встретил наконец львицу, попросил у нее молока. Дала львица молока да еще и львенка в придачу.

Принес он молоко, а сестра его возвращению и не рада.

— Как же быть? — спрашивает она черта.

— А теперь ты отправь его на железную мельницу, туда, где муку молотят всего три минуты. Скажи, чтобы он тебе муки намолол. Он туда зайдет, а обратно уже не выйдет, и собаки его там останутся.

¹ Матрас из сена.

— Принеси, братец, муки,— просит сестра.— Пирогов хочу, каши.

Пришел брат на мельницу, миновал одни железные двери, вторые, третьи — все открыты. Он скорехонько муку смолол и выбежал. Сам выбежал, а охота не успела, вся за дверьми и осталась.

Подходит брат к дому, сестра с чертом сидят у окна и смеются:

— Брат идет, а охоты-то с ним и нет, бороться некому. Отдал брат сестре муку и говорит:

— Вари кашу, пеки пироги.

— Да я уже поправилась,— она отвечает.— Вот что, брателко, наруби дров да истопи-ка баню пожарче.

Пошел он баню топить, а черт и говорит:

— Пусть топит, а когда мыться пойдет, мы баню зажжем — он и сгорит.

Рубит брат дрова, прилетает птичка:

— Молодец, не торопись дрова рубить, твоя охота пока только двое дверей прогрызла.

Брат баню истопил, воду носит. Птичка снова прилетела:

— Молодец, не торопись воду носить, твоя охота третью дверь еще догрызает.

Брат говорит сестре:

— Баня истоплена.

А они с чертом:

— Иди мояся, мы потом придем.

Только подходит брат к бане, а охота его уже бежит. Он с охотой в баню и зашел. Вдруг в это время сестра с чертом являются. Подхватила охота черта, растрепала на куски, а сестру не тронула. Привел брат ее домой и говорит:

— Теперь, сестрица, отвезу я тебя в поле, поставлю три кадки воды да три копны сена. Ешь сено да воду пей, сиди да слезы лей. Когда копны эти съешь, тогда я тебя и отпущу.

Приехал брат в город, а там народ плачет.

— Что такое? — спрашивает брат.

— Да каждую ночь,— говорят,— повадился к намходить змей. И сегодня ему надо везти на съедение дочь короля.

Брат думает: «Пойду со своей охотой, с чертом спрavился, может, и тут справлюсь». Пришел, сел и ждет, никому ничего не говорит.

Привез водовоз девушку на берег и оставил. Вдруг

море взволновалось, выходит змей с тремя головами. Охота бросилась на змея, отгрызла все головы. Брат языки отрезал, в платочек завязал и в карман положил. Вдруг выходит семиголовый змей. Охота и у него оторвала головы. Опять он языки отрезал, завязал в платочек, в карман сунул. А водовоз спрятался и все видит. Девушка тоже смотрит. Вот когда вышел двенадцатиголовый змей, с ним собаки долго бились, но все же одолели. Брат языки опять отрезал, в карман положил и ушел в город.

Водовоз тем временем девушку обратно привез и говорит королю:

— Я спас вашу дочь!

А девушка все видела, знает, кто ее спас.

— Не он меня спас, другой,— говорит она.

— Как же не я? Вот и головы змеев я привез.

Братец пришел и спрашивает:

— А есть ли у голов языки?

Посмотрели — ни у одной головы языка нет. Вынул он платочек из кармана, показывает:

— Вот где языки!

Тогда король решил выдать дочь за него замуж.

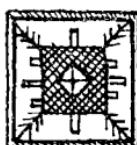
Вспомнил брат про сестру.

— Прежде чем свадьбу играть, мне надо за сестрой съездить,— говорит он невесте.

Приехал в поле. Сестра сидит, две копны сена съедены, две кадки воды выпиты, сидит и плачет.

— Теперь, сестрица, я все прощаю. Черта поборол и змеев многоголовых тоже. Поедем ко мне на свадьбу.

Сыграли свадьбу, и с тех пор стали они жить счастливо и дружно.

ПЕРСТЕНЕК, КОШЕЛЕК И КУВШИН ДВЕНАДЦАТЬ ГОРЛЫШКОВ

Жил старик, были у него сын и три дочки. Старый стал отец, призывает он к себе сына и говорит:

— Вот что, сынок, чувствуя я свою смерть, скоро скончаюсь. И кто бы ни посватался к твоим сестрам — отдай, не перечь.

— Ладно, отец, исполню.

Скончался отец. Остался брат с сестрами. В один прекрасный день сели они обедать, вдруг зашумел ветер, да такой, что песок до неба поднялся. Только ветер стих, смотрят — идет к дому красивый молодец. Поздоровался. Они пригласили его обедать. Сел молодец за стол и заводит такую речь:

— Я Ветер Ветрович, прилетел к вам по делу. Не отдашь ли, Иванушка, свою старшую сестру за меня замуж?

— Отчего не отдать. Если ты ей по нраву придешься, я перечить не стану.

Сестра подходит к брату и говорит:

— Брат, я согласна за Ветра Ветровича замуж идти.

Завели они свадьбу веселую: гостей был полон дом и всего вдоволь. Отошла свадьба, пошел брат зятя с сестрой провожать. Вышли они на крыльцо, распостились, а тут поднялся сильный ветер, и молодые сразу исчезли, неизвестно куда и девались.

Брат да две сестры остались жить втроем. Прошло три месяца. Опять сидят они, обедают. Прогремела гроза, вдруг является к ним молодец. Поздоровался, они пригласили его за стол. Сел он обедать и заводит такую речь:

— Я Гром Громович, и прилетел к вам по делу. Не отдашь ли, Иванушка, свою среднюю сестру за меня замуж?

— Отчего не отдать. Если она пойдет, так я не против.

Сестра встала и подошла к брату:

— Дорогой братец, отдавай меня за Грома Громовича. Я согласна.

Сыграли они пышную свадьбу. Пошел брат провожать зятя с сестрой. Только вышли они на крыльцо, вдруг грянул гром, и молодые скрылись неизвестно куда. Остались брат с сестрой вдвоем. Пожили немного. Вдруг однажды мимо окон проскакал медведь — да прямо к крыльцу. Является в их дом молодец, поздоровался. Брат подает ему стул, предлагает сесть.

Молодец сел и говорит:

— Я Медведь Медведович, и пришел к вам по делу. Не отдашь ли, Иванушка, меньшую сестру мне в замужество?

— Отчего не отдать. Пусть сама решает, я неволить не буду.

Встала сестра и подходит к брату:

— Братец, я согласна идти замуж за Медведя Медведовича.

Сыграли свадьбу. И пошел брат младшую сестру с зятем провожать. Вышли на крыльцо, не успели распроситься, как зять тут же превратился в медведя. Взял жену за платье в зубы, закинул на спину и поскакал по полю в лес. Остался Иванушка один. «Надо самому теперь и обед варить, и полы мыть, и белье стирать», — думает он. Прожил так сколько-то, надоела ему такая жизнь. Забил окна досками, двери гвоздями и пошел куда глаза глядят. Шел он шел, переночует, где придется,

и дальше путь продолжает. Дошел Иванушка до топкого болота и видит медведя, который перебирается по этому болоту прямо к нему. Он и думает: «У меня с собой и ружья-то нет. Ведь съест меня медведь». В это время медведь оказался в трех шагах от него, обернулся прекрасным молодцем и подает Иванушке руку.

— Здравствуй, шурин дорогой. Я иду звать тебя в гости. Не пугайся, сейчас я опять стану медведем, иначе нам не перейти болото.

Стал он медведем, взял Иванушку за платье, перекинул себе на спину, и перебрались они через болото. Дальше побежал медведь по лесу, да так быстро, что деревья только мелькают, будто на машине везет.

Выскочил медведь на большое поле, с краю поля стоит большой дом. У крыльца остановился. Иванушка слез с него, и медведь сразу обернулся прекрасным молодцем, взял Иванушку за руку и говорит:

— Пойдем, дорогой шурин, ко мне в дом. Погостишь и сестру увидишь.

Вошли они в дом, в доме хорошо, всякая мебель, столы и стулья дубовые.

— Садись на стул, гость дорогой, а я пойду приведу твою сестру.

Пошел Медведь Медведович по комнатам, шурин только слышит, как двери открываются да закрываются. Приходит в спальню своей жены и говорит:

— Дорогая моя жена, ты и не знаешь, кого я сегодня привел к нам в гости.

Приходят они в комнату.

— Кого я вижу,— говорит сестра,— такое и во сне-то не приснится!

Подошла к брату, подала руку, расцеловала.

А муж говорит ей:

— Я узнал, что он в пути, и пошел встречать. Надо брата с дороги накормить.

Сестра подошла к столу, возле которого брат сидел, достала из кармана колечко, на перст надела — и оказалось на столе всякое угощенье. Сели они втроем за стол.

Медведь Медведович и спрашивает у Иванушки:

— Куда, шурин, идешь, куда путь держишь?

— Иду я, дорогой зять, людей посмотреть, себя показать, да и вас повидать хотелось.

— А не желаешь ли жениться, ведь ты уже в годах?

— Жениться бы не худо, но невесты приискать не могу,— отвечает Иванушка.

— Знаю я невесту для тебя. Красавица — поискать. Только живет она далеко, в одном королевстве. Мы все братья, добивались ее в жены, да не смогли добиться.

— Как же мне туда попасть?

— Попасть туда я тебе помогу.

Подает Медведь Медведович Иванушке кошелек-самотряс.

— Как выйдешь из дома, тряхни кошельком — и будут перед тобой железная дорога и скорый поезд. Хлопни рукой по кошельку — и все исчезнет.

Поблагодарил Иванушка за кошелек-самотряс и рас простился с сестрой и зятем.

Вышел он на улицу, тряхнул кошельком — и появилась железная дорога и скорый поезд на полных парах. Сел Иванушка, поезд и пошел. Идет полным ходом, очень быстро. Подходит к двухэтажному дому и у парадного крыльца останавливается. Видит Иванушка — дверь в доме открывается, выходит сестра.

— Братец родимый, ты ли это?

Хлопнул Иванушка по кошельку — поезда и железной дороги не стало. Подала сестра брату руку, поцеловала, и пошли они в комнаты. Сестра ведет, а он удивляется. В доме еще лучше, чем у первого зятя. Пришли они на второй этаж. Стол и стулья позолоченные. Только усадила сестра брата за стол, как грянул гром, да такой сильный, что дом двухэтажный задрожал.

Брат у сестры и спрашивает:

— Сестрица, что это у вас гром такой сочинился?

— А это, братец, мой муженек летит, Гром Громович. Придется тебя спрятать, как бы с налету, не разобравшись, тебя не погубил.

Завела она брата в особую комнату. В это время гром стих. Слышил Иванушка, как кто-то идет по комнатам и закрывает двери. Приходит Гром Громович на второй этаж и говорит жене:

— Дорогая жена, кто-то у тебя здесь был, чувствую я.

А она ему в ответ:

— Если бы мой братец здесь оказался, что бы ты с ним сделал?

— Да если бы я его увидел, так на руках бы поднял от радости. Неужели он здесь? Сейчас же приведи его сюда!

Приходит она к брату и говорит:

— Пойдем, братец, к моему мужу.

Приходят, Гром Громович вскочил со стула, здоровается:

— Какой у нас гость дорогой, я и не ожидал! Готовь, жена, угощенье.

Достает она из кармана платочек, махнула им — и появились столы, на столах не только угощенье разное, но и всякие диковинки, игры.

Обнял Гром Громович шурина и жену, сели они за столы, и пошло у них веселье, лучше чем у Медведя Медведовича. И заводит Гром Громович речь:

— Куда ты, шурин, едешь, куда путь держишь?

— Был я у Медведя Медведовича в гостях, — отвечает Иванушка, — он мне подсказал, где невесту смогу найти, и помочь оказал.

— Знаю я ее, да больно она хитра. Я ее три года добивался, но так и не смог в жены взять. Я дам одну вещь, она тебе пригодится.

Снимает с руки перстень заветный и подает шурину:

— Поменяй его с перста на перст — и получишь то, что задумал.

Поблагодарил Иванушка за перстень, рас прощался с сестрой и зятем.

Вышел он из дома, тряхнул кошельком — и появилась железная дорога и скорый поезд. Зашел он в вагон, поезд дрогнул и пошел полным ходом. Подкатил поезд к трехэтажному дому и остановился. Сошел он с поезда, хлопнул рукой по кошельку-самотрясу, и поезда как не бывало. Выходит из дома сестра — узнать, кто приехал. Увидела брата, обрадовалась, расцеловала его.

— Пойдем, братец дорогой, в дом.

Удивляется брат: «Был я в гостях у Медведя Медведовича и у Грома Громовича, но такой красоты у них нет. Видать, Ветер Ветрович самый сильный и богатый из всех братьев».

Повела она брата на верхний этаж, сели они за золотой стол, на золотые стулья. Вдруг ветер зашумел, дом трехэтажный даже закачался. Брат и спрашивает:

— У вас всегда такой сильный ветер?

— Это мой муженек летит, Ветер Ветрович. Пойдем, дорогой братец, в другую комнату, чтобы не случилось чего. Побудь здесь пока.

А Ветер Ветрович уже в комнату входит.

— Чую, кто-то здесь был.

— А если бы мой братец был, что бы ты сделал?

— Неужели бы я твоего брата не узнал? Веди-ка его скорее сюда.

Увидел Ветер Ветрович Иванушку, пожал ему руку, стал называть дорогим шурином. И говорит он своей жене:

— Для дорогого гостя надо угощение устроить.

Провела она браслетом по столу, и появились столы по всему залу, полное застолье могучих богатырей. Музыканты — целый оркестр. Музыка играет, разговоры, веселье.

Сел Ветер Ветрович рядышком с шурином и говорит:

— Я знаю, куда ты идешь, спожениться задумал. Это дело доброе, хоть и трудное. Попробую помочь. Вот тебе кувшин двенадцать горлышков, возьми — пригодится. Будешь открывать пробки с горлышков — и станут исполняться разные твои желания.

Поблагодарил Иванушка Ветра Ветровича и сестру, распрощался с ними. Вышел он на дорогу, тряхнул кошельком-самотрясом — и появились железная дорога и скорый поезд. Садится он в поезд, и пошел поезд полным ходом. Остановился возле дворца. Хлопнул Иванушка по кошельку рукой — не стало ни дороги, ни поезда.

Елена Прекрасная увидала его из окна, сейчас же распорядилась:

— Открыть все двери и разостлать красные сукна, пусть гость идет во дворец по этим сукнам.

Верные слуги все это сделали, поклонились и ушли. Подходит Иванушка к Елене Прекрасной:

— Здравствуй, красавица.

— Здравствуй, добрый молодец,— она отвечает.

Берет Елена Прекрасная мягкий стул, предлагает Иванушке сесть, а сама открывает буфет, достает вилочки, ножички, ставит перед ним на стол жареного гуся и спрашивает:

— По какому делу приехал ко мне, прекрасный молодец?

— Приехал я свататься,— говорит он.— Не пойдете ли вы за меня замуж?

— За такого молодца можно пойти,— говорит ему в ответ Елена Прекрасная.

Накормила она его, напоила и повела в спальню отдохнуть с дороги. Зашли они в спальню, и предложила она Иванушке лечь на кровать у стены.

— А я повалюсь с краешка,— говорит она.

Только Иванушка лег, нажала она на рычаг, и поле-

тел он в подземелье. В подземелье темень кромешная. Вдруг слышит он, как кто-то говорит: «Еще какой-то новичок сюда попал».

Прошло сколько-то времени, Иванушка и спрашивает:

— Чем же вас здесь кормят?

— Сухой соломой да водой,— ему отвечают.

— Нет уж, я сухую солому есть не стану.

Снял Иванушка перстень с одного пальца, надел на другой — и загорелось электричество. Смотрит — людей в этой тюрьме много, семьдесят семь человек, богатыри, принцы разные, и все исхудавшие, истомленные. Подошли они к нему, поклонились.

— Вот спасибо, развеселил нас, электричество устроил.

— Вы что, тоже женихи, свататься приезжали? — спрашивает Иванушка.

Они отвечают:

— Все мы здесь через ее руки.

— Ну, ребята, поголодали — и будет,— говорит Иванушка.

Берет он кувшин двенадцать горлышков, открывает пробку номер один. Оказались посреди подземелья столовы, на них еда разная.

— Садитесь, ребята, ешьте и пейте, сколько вам угодно. А я сейчас устрою вам веселье.

Открывает на кувшине пробку номер два — и заиграла музыка, пошли у них танцы.

Услыхали это часовые, передали своей хозяйке. Снаридила она тотчас же конвой и велела привести Иванушку к себе. А конвой и докричаться не может, такое там веселье идет. Услыхал Иванушка, что вызывают его часовые, пробки закрыл — и все потерялось. Выходит к часовым, повели они его к Елене Прекрасной. Приводят.

— Идите все по местам,— говорит она часовым,— я с ним одна останусь.

Конвой повернулся и ушел. Посадила она Ивана за стол, стала спрашивать:

— Как ты сочинил в тюрьме такое веселье? Раньше у меня там тихо было.

— А есть у меня кувшин двенадцать горлышков. Что пожелаю — то и будет.

— Продай мне. Сколько возьмешь — столько и дам.

— Непродажный этот кувшин. Если дашь клятву,

что пойдешь за меня замуж, то отдашь. А изменишь клятве — плохо тебе будет.

— Клянусь,— говорит Елена Прекрасная,— не обману, буду твоей женой.

Отдал он ей кувшин двенадцать горлышков. Повела его Елена Прекрасная снова в спальню, предложила лечь на кровать. Только Иванушка лег к стене, она на рычаг нажала, кровать и повернулась. Иванушка оказался в том же подземелье. Товарищи говорят:

— Эх, новичок, новичок! Зря ты сдался. Теперь все тут погибнем.

— Ничего, ребята, не тужите.

Достал он кошелек-самотряс, тряхнул им — появились железная дорога и скорый поезд. «Надо ребят покатать» — решил он. Весь дом задрожал, часовые перепугались.

— Привести сюда новичка,— приказывает Елена Прекрасная.

Как только его привели, она и говорит конвою:

— Идите все по местам, я одна с ним останусь. Опять сажает Иванушку за стол.

— Ты изменила своей клятве,— говорит он,— и за это будешь жестоко наказана.

— Прости меня, Иванушка,— говорит Елена Прекрасная,— я хочу быть твоей женой и жить с тобой вечно.

— Тогда дай мне ключи от тюрьмы, надо выпустить друзей.

Взял он ключи, открыл тюрьму и говорит:

— Ну, братцы, выходите все на волю!

Все вышли, благодарят, приглашают к себе в гости.

— Ладно, друзья, может, и повидаемся.

Пошли они в разные стороны. Приходит Иванушка к Елене Прекрасной и говорит:

— Друзей я выпустил из тюрьмы, а завтра и мы поедем в мое государство, ко мне на родину.

— Я согласна,— она отвечает,— только давай перевезем туда этот дворец и будем в нем жить.

Вышел он на двор, тряхнул кошельком-самотрясом — появились железная дорога и поезд. Снял перстень с одного пальца, надел на другой — и появилось силы-работников несчитанно. Главный из них подходит к Иванушке и спрашивает:

— Какую работу дашь нам, Иванушка?

— Надо разобрать этот дворец и погрузить все в вагоны. Сделать работу за один час.

— Будет выполнено!

Тут же сила несчитанная взялась за работу и сделала все за один час.

— Ну, Елена Прекрасная, твой дом уже погружен. Можешь ехать в русское царство.

— Я готова, супруг мой,— она отвечает.

Сели они в поезд, и пошел он полным ходом. На пути увидели встречный поезд. Выходят из встречного поезда Ветер Ветрович, Гром Громович, Медведь Медведович — все с женами.

Елена Прекрасная и спрашивает:

— Кто это такие?

— Это мои сестры с зятевьями, нас встречают,— отвечает Иванушка.

Поздравили все Иванушку с Еленой Прекрасной и пригласили в гости к Ветру Ветровичу. Погостили они неделю и направились в свою сторону. Приехали на родину Иванушки, а у него и дома нет.

— А где же твой дом? — спрашивавшт Елена Прекрасная.

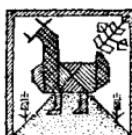
— Мой дом уже разобран, сейчас наш дворец будет поставлен.

Снял перстень с одного пальца, надел на другой — появилось силы несчитанно. Быстро выгрузили все с поезда и поставили дворец на том самом месте, где стоял дом Иванушки.

Хлопнул он по кошельку-самотрясу, и сразу железная дорога, поезд и несчитанная сила исчезли.

— Ну вот, дорогая жена, все готово,— говорит Иванушка.

И стали они жить-поживать в этом дворце.

МЕДВЕДЬ И ТРИ СЕСТРЫ

Жил старик, было у него три дочки. Пошел как-то старик в лес дрова рубить. Нарубил дров, присел отдохнуть, смотрит — к нему медведь идет, переваливается, только сучья трещат.

— Дедушка, я тебя съем,— урчит.
— Не ешь меня, мишенька, ведь я уже старый.
— А что у тебя дома есть? — спрашивает медведь.
— Есть у меня три дочки — все мое богатство.
— Так отдай дочек за меня замуж.
— Да как же они за тебя замуж пойдут? За медведя-то? И не думай об этом.

— А если не отдашь дочек, так съем тебя.

Приходит старик домой печальный, а дочкам ничего не говорит. На другой день взял он с собой топор и пошел в лес. Только начал ель рубить, а медведь опять и приходит.

— Дедушка, я тебя съем.

Старик испугался и убежал. Пришел домой и говорит старшей дочери:

— Поди-ко, Анна, в лес, там на костре¹ я прялицу оставил. Тебе сделал, возьми.

Приходит Анна к костру, а медведь тут как тут. Схватил Анну, закинул за спину и понес в свой дом. На другой день снова пошел караулить. Приходит к этому же костру, а старик со средней дочкой уже дрова рубят. Схватил медведь вторую дочку старика и унес к себе.

Заплакал старик и пошел домой, думает: «Как же теперь быть? Медведь всех дочерей у меня выносит, останусь я один, на старости плохо мне будет. Пожалуй, с младшей уж не пойду в лес».

На третий день старик пришел в лес один, и снова медведь явился.

— Старик, я тебя съем, так и знай.

— Да как ты смеешь такое говорить? Двух дочерей унес да еще и меня хочешь съесть?

— А мне и третью твою дочку надо. Иди-ка домой да пошли дочку в лес, скажи, что ты ей кережку² сделал воду волочить, она придет за кережкой — я ее и заберу. Им втроем у меня хорошо будет жить.

Потужил старик, потужил, да делать нечего, пришлось пойти домой, отправить и последнюю дочку. Унес медведь и младшую.

Живут-поживают старики дочки у медведя, пищу готовят да в доме прибирают. А старшая сестра все думает: «Как бы мне сестер домой отправить?» Сплела она три корзинки с крышками, посадила в одну из них младшую сестру и говорит медведю:

— Миша, как придешь вечером из лесу, так отнеси отцу гостинцев. Я пирогов напекла, пусть он поест.

— Ладно, отнесу, так и быть.

Приходит медведь из лесу, взял корзинку и понес старику гостинцы.

Шел, шел, тяжело ему стало, устал. Он и говорит:

— Сесть на пенек да съесть пирожок.

А старшая сестра научила свою сестренку:

— Когда медведь захочет сесть на пенек, ты кричи:

¹ Поленница дров.

² Сани в виде лодочки.

«Вижу, вижу, не садись на пенек, не ешь пирожок,
неси гостинцы папеньке».

Она из корзинки-то и закричала:

— Вижу, вижу. Не садись на пенек, не ешь пирожок,
неси гостинцы папеньке!

— Ах, какая дрянная девчонка,— говорит медведь,—
далеко сидит, а все видит.

Пришел медведь к старикову дому, корзинку бросил,
а сам в лес убежал.

На другой день старшая сестра опять говорит:

— Миша, придешь из лесу, отнеси отцу гостинцы,
я пирогов напекла.

— Ладно, отнесу, приготовь.

Посадила старшая сестра в корзинку среднюю свою
сестру, он и понес.

Нес, нес, есть захотел и говорит:

— Ох, голодно стало, из лесу пришел — не поел, не
попил, с гостинцами сразу отправился. Сяду на пенек
да съем пирожок. Попробую, который сладкий, который
мягкий.

А девушка из корзинки и закричала:

— Ви-и-жу, ви-и-жу, не садись на пенек, не ешь
пирожок, неси гостинцы папеньке!

— Какая дрянная девчонка,— говорит медведь,— да-
леко сидит, а все видит. Ну ладно, пойду дальше.

Пришел к старикову дому, бросил корзинку и убежал
в лес.

На третий день старшая сестра сделала большую
куклу, посадила ее на крышу, чтобы повыше было.
Надела на куклу свой сарафан, повязала платок, пря-
лицу подле нее положила и веретеншко в руки дала,
как будто она сидит и прядет.

А сама села в корзинку, крышкой закрылась и
присмирела. Приходит из лесу медведь, снова взял кор-
зинку и понес к старику. Вернулся домой, походил
туда-сюда — никого нет.

— Да где же она? Старушка-то? А, дрянная дев-
чонка, спряталась от всех дел! Ну, погоди же!

Разгорячился. Искол, искал, на улицу вышел, гля-
дит — на крыше кто-то сидит.

— А-а-а, вот она где, она-то все и видела, высоко
сидела, далеко глядела.

Залез на крышу, да как стукнет лапой — кукла и
рассыпалась. Еще пуще зло разобрало медведя.

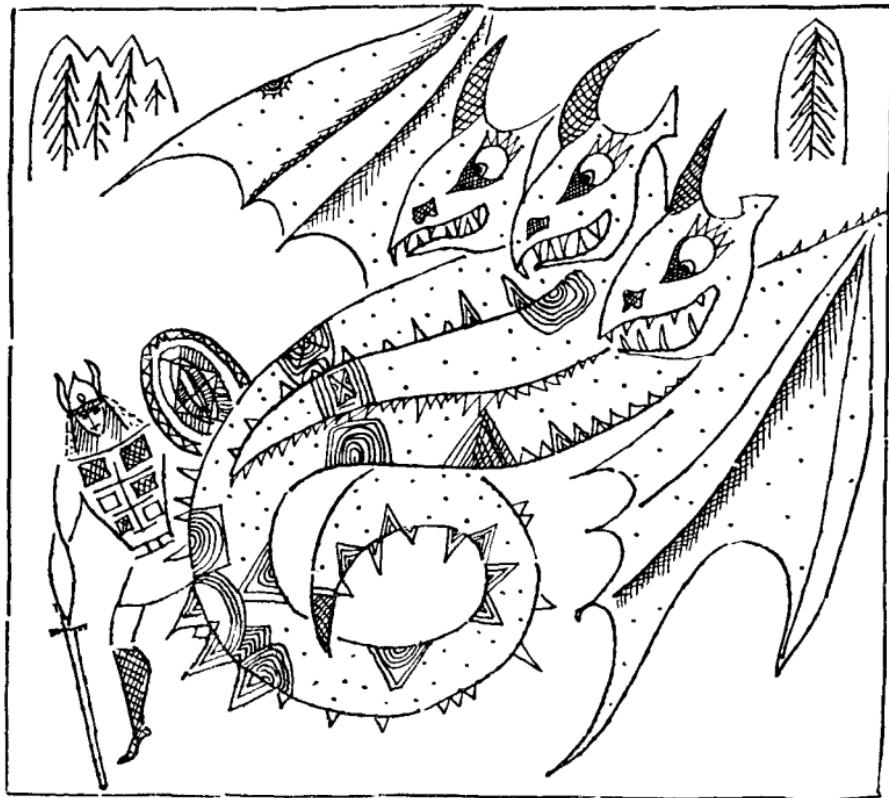
— Так что же старушка сделала? Сестер отправила

и сама ушла? Обманула меня? Пойду, дом у них разорю и их съем!

И побежал. Пришел к старику дому, начал дом рвать, трепать, крыльцо раскидал.

Тут старик вышел с ружьем и застрелил медведя. С тех пор и живет с дочерьми спокойно.

ПРО ИВАНА-ЦАРЕВИЧА, ИВАНА-КОРОВИЧА И ИВАНА КУХАРКИНА СЫНА

Жили-были царь и царица, не было у них детей. Вот царь и думает: «Дело к старости идет, я умру, а престол и передать некому».

Послал царь гонцов найти такого лекаря, чтобы вылечил жену. Пришла весть, что в одном государстве есть рыбка: если съесть ее — то родится ребенок. Поймали эту рыбку, доставили царю.

Кухарка варила рыбу и попробовала кусочек: любопытно ей стало, что за рыбу привезли царю. Царица рыбу съела, а остатки пошли в пойло корове.

И вот в один день, в один час родились: у царицы — Иван-царевич, у кухарки — Иван кухаркин сын, у коровы — Иван-корович.

Выросли три Ивана и пошли они по белу свету — себя показать, людей посмотреть. Иван-корович был

за старшего. Шли они, шли, пришли в незнакомое государство, а государство почти все вымерло — траур.

Зашли они на окраине города к одной старушке, и она рассказала им, что случилось.

— Повадилось, дитяшки, сюда Чудо-юдо ходить, всех людей поело, оттого и флаги черные висят.

Братья посовещались и решили помочь. Старушка стала их отговаривать:

— Нет таких богатырей, чтобы смогли победить Чудо-юдо!

Но братья все же остались, решили свою силу испытать.

И вот однажды небо потемнело, поднялся страшный ветер — прилетело Чудо-юдо. Вышли братья сразиться и победили Чудо-юдо, отсекли ему голову.

Пошли они дальше. Приходят в следующий город, а там тоже флаги черные вывешены. Что такое?

— Пришел перед моей дочери быть отданной Чудо-юду, — говорит им король. — Мы должны отвезти ее на берег моря, Чудо-юдо налетит — и проглотит ее.

Задумались братья.

— Давайте еще раз поможем, — говорит Иван-корович.

Братья согласились.

— Вези свою дочку на берег моря, — говорят они королю.

Девушку привезли и оставили. Прилетело Чудо-юдо громаднющее, страшное страшилище о нескольких головах.

Иван-корович и говорит:

— Не бойтесь, братцы, доставайте мечи булатные.

Трижды выходили братья на сражение с чудовищем — и одолели его, отсекли все головы.

— За такую победу, — говорит король, — я вас награжу, дам полкоролевства и одному из вас дочь в жены.

А как делить девушку? Братьев-то трое. И началось между ними несогласие. Вот легли они отдохнуть на лужайку, Иван-корович заснул. Один из братьев и говорит:

— Иван-корович ниже нас по происхождению, мы как-никак людские люди, а он-то корович.

И решили бросить Ивана-коровича в пропасть. Проснулся Иван-корович и не может понять — где он? Кругом темно, ничего не видно. Иван-царевич и Иван

кухаркин сын всем сказали, что Иван-корович погиб на поле боя.

Выдали за царевича королевну, и кухаркину сыну тоже девушку нашли. Вот и стали они жить не тужить.

Сидит Иван-корович в пропасти, вдруг слышит, кто-то пищит. Поднял он голову, смотрит — а там гнездо с птенцами. Птенцы кричат, есть просят. У него в кармане оказались крошки, накормил он птенцов, а были это маленькие орлята. Птенцы согрелись, примолкли. Вдруг прилетает мать-орлица.

— Детки мои,— спрашивает она,— кто вас трогал?

— Никто нас, матушка, не трогал, никто не тревожил, а добрый человек спас нас от голодной смерти, и ты его должна наградить.

Мать-орлица и говорит:

— Кто ты, добрый молодец, покажись.

Иван-корович показался.

— Ну спасибо, век буду тебе служить. Что прикажешь — все исполню.

Пути наверх нет, пошел Иван-корович по подземелью, а подземелье длинное, конца нет. Встречается ему домик, в домике дряхлый старичок.

— Куда направился, добрый молодец? — спрашивает старичок.

— Да вот, не знаю, как я здесь и очутился, выбраться никак не могу.

— Твои братья из корысти тебя сюда бросили, и находишься ты в подземелье Чудо-юда. Это самое страшное Чудо-юдо, те, что ты видел, были его родичи. Когда придешь в его жилище, то увидишь две кадушки: одна с живой водой, а другая с мертвой. Попей из кадушки с живой водой и поменяй их местами. А потом зайди к Чуду, не бойся, и скажи: «Дай сразимся».

Пошел Иван-корович. Идет, идет, видит замок на горе, большущий замок. Поднялся по тропке к замку, зашел — в прихожей стоят две одинаковые кадушки. Попил он живой воды и поменял кадушки местами, как старичок научил. Вдруг поднялся шум, дом задрожал, стекла затрещали. Что такое? Влетает в горницу само Чудо-юдо.

— О-о! Кто ко мне пожаловал! В работники пришел наниматься? Мне работники нужны, будешь меня парить, живую воду подавать.

Иван-корович рассердился:

— Я тебе не работник! А пришел я голову тебе отсечь, лютому Чуду-юду.

Рассвирепело Чудо-юдо, пена огненная изо рта пошла. Шумит, в гневе схватило ковшик и выпило мертвой воды.

— Давай биться! — говорит.

— Давай, давай! — отвечает Иван-корович.

Начали они биться. Чудо-юдо хоть и выпило мертвой воды, но силы у него еще много. Долго бились с Иваном-коровичем.

И говорит Чудо-юдо:

— Давай передохнем!

— Нет, будем биться без передыху,— отвечает Иван-корович.

— Давай передохнем, выпьем воды по ковшичку,— просит Чудо-юдо.

— Ладно,— согласился Иван-корович.

Вот выпило Чудо-юдо ковшик мертвой воды, а Иван-корович — живой, и снова боятся.

— Да ты сильный, я чувствую,— говорит Чудо-юдо.— Давай еще по ковшичку выпьем.

Выпил Иван-корович ковш воды, у него силы еще больше стало. А у чудища сила все убывает, падает.

— Сейчас тебе конец,— говорит Иван-корович.

— Давай отдохнем,— взмолилось Чудо-юдо,— еще по ковшичку воды выпьем.

Ну, Иван-корович зачерпнул ковшик, а Чудо-юдо схватило кадку да всю и выпило. Живот у него раздуло, оно и двинуться не может, обессилено совсем. Тут Иван-корович изловчился и прикончил Чудо-юдо. Сразу кругом веселье настало, птицы запели.

Приходит Иван-корович в светлицу, а там сидит-тужит девица красоты неписаной. Подошел он к ней и говорит:

— Здравствуй, вольная девица!

— Какая же я вольная,— отвечает она,— я здесь заточена, и хочет на мне жениться Чудо-юдо.

— Нет теперь Чудо-юда, убил я его, и ты теперь свободна,— говорит Иван-корович.

Поблагодарила девица своего избавителя, и стали они думать, как на землю подняться. Вспомнил Иван-корович орлицу-мать, стал ее кликать. Прилетела орлица.

— Что прикажешь, мой спаситель?

— На землю хочу, надоело в подземелье быть.

— Хорошо, даю тебе сроку три дня. Заготовь мне мяса сорок бочек и сорок бочек воды.

Взял Иван стрелы и пошел охотиться. Настрелял дичи, натаскал воды, позвал орлицу.

— У меня все готово.

— Хорошо, садись теперь на меня.

— Да я,— говорит Иван-корович,— не один, со мной невеста.

— Садитесь, я и невесту довезу.

Вот они и полетели.

— Как я обернусь,— говорит орлица,— ты мне в клюв брось кусок мяса и водички дай запить.

Летят они, летят, орлица одну бочку воды осушила, другую, третью, и мясо уже на исходе. Вот и земля совсем близко. Оборачивается орлица, а мяса и нет. Стал Иван-корович со своей ноги мясо отрезать и орлице давать, вместо воды — кровушку свою.

Спустились они на землю, орлица говорит:

— Прилетели, слезайте.

А Иван-корович и слезть не может, упал на траву. Девица как увидала это, так замертво и упала. Опечалился Иван-корович.

— Не тужи, я достану живой воды,— говорит орлица.—Не знала я, что твое мясо ела в пути.

Быстро слетала, принесла живой воды. Спрыснула девицу — и она ожила. Мясо выплюнула, водой покропила, и куски на ноге срослись.

Иван-корович стал здоров, взял невесту под руку, и они пошли. А в городе уже узнали, что настоящий спаситель — он. Все люди выбежали, встречают его.

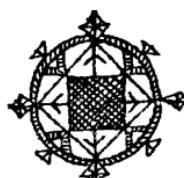
— Вот наш спаситель, вот наш избавитель! Быть тебе царем!

Братья в ноги ему упали:

— Не казни нас, Иван-корович, что мы из корысти хотели тебя погубить.

— Только ради такого праздника, что счастье мне повстречалось, прощаю вас,— он им отвечает.— Но из этого города уходите на все четыре стороны.

Тут сразу пир устроили, свадьбу Ивана-коровича с королевной. Я на этом пиру был, ел-пил, по усам текло, а в рот не попало.

ЧУДОВИЩЕ

Жила в одном селе девушка Машенька, матери у нее не было. Отец очень любил дочь, души в ней не чаял. Привел он в дом мачеху, и возненавидела она падчерицу.

— Куда хочешь девай дочь,— говорит она мужу,— в город вези, отдай в кухарки, хоть в лес вези.

Машенька слышала этот разговор, но отцу не призналась. Загрустил отец, не знает, что и делать. Жаль стало Маше отца.

— Отвези меня, татенька, куда-нибудь. Только в город не вези, не хочу я, чтобы ты знал, как я живу. Лучше в лес отвези.

Отец так и сделал, отвез Машу в лес, поплакал, прощался с ней и поехал домой. Осталась Машенька в лесу одна. Посидела она, погоревала и побрела по

лесу. Бродила, бродила, устала, проголодалась и вспомнила свою мать:

— Зачем ты, мама, сироткой меня оставила, лучше бы и на свет мне не появляться.

Как отглянулась — а перед ней дворец стоит. Вокруг дворца сад.

— Пойду,— говорит Машенька, — может, возьмут меня в работницы или в няньки.

Зашла она во дворец, нигде никого нет, никто ей не отвечает. Села на лавку, но человеческого голоса ниоткуда не слышно. Вдруг видит, на столе появилась всякая еда, а ей очень хотелось есть. И человеческий голос заговорил:

— Откуда ты, девушка?

— Мать у меня умерла,— отвечает Машенька,— а злая мачеха заставила отца отвезти меня куда-нибудь. И я попросила отца отвезти меня в лес, пусть лучше звери съедят.

Невидимый человек опять говорит:

— Добрая у тебя душа, девушка, садись-ка за стол да поешь.

Села она, поела.

— Теперь иди и поспи,— говорит тот же голос.

— А кто ты есть? Почему я тебя не вижу?

— Ложись спать, утро вечера мудренее. Потом узнаешь, кто я. Тебя здесь никто не обидит, не бойся.

Легла Машенька на кровать. А уж кровать-то! Перина, одеяла пуховые, атласом крытые. Спит она, и снится ей, будто человек этот, который говорил с ней, не человек вовсе, а чудовище — голова как у крокодила, страшная. Чудовище ей и говорит:

— Девушка, тебе со мной надо прожить в этом дворце двенадцать лет. Был я принцем и не захотел жениться на ведьминой дочери. Вот ведьма меня и заколдовала — двенадцать лет быть таким чудовищем. Мой отец построил мне дворец, вот я здесь один и живу. Сможешь ли, девушка, прожить со мной двенадцать лет?

Открыла Машенька глаза и поняла, что был это сон. Села она на кровати, задумалась: «А если бы это и правда была, что он чудовище, буду я здесь с ним жить, он меня не обидит».

Вдруг голос опять заговорил:

— Выспалась, девушка? Теперь садись за стол, ешь.

— А ты мне все-таки покажись,— просит Машенька.

— Не смею я тебе показаться, ты меня испугаешься и убежишь, и останусь я опять один.

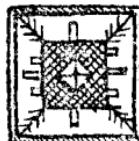
— Не испугаюсь,— ответила Машенька,— а буду ухаживать за тобой, все буду делать, что ты меня попросишь.

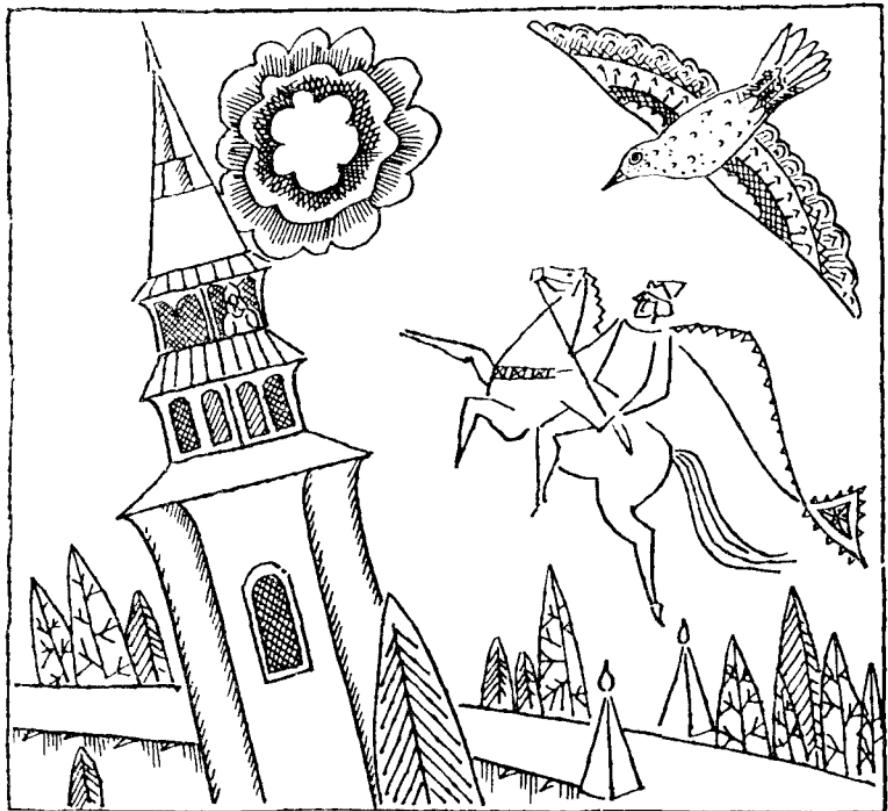
Вдруг что-то зашумело, и входит чудовище. Село чудовище на диван, а Маша не испугалась, села рядом и стала его страшную голову гладить. И перестало чудовище прятаться, стали они вместе гулять по саду. Она на скамеечку сядет, а он у ее ног лежит.

Так и прошло двенадцать лет. Однажды утром Машенька встала, а чудовища и нет нигде. Она искала его, звала, плакала — не откликается. Зашла она в сад, а сад весь сияет, все в нем цветет. Видит, из дворца выходит прекрасный принц и идет к ней. Она так испугалась, что упала в обморок. Поднял он ее и говорит:

— Коли не испугалась ты, милая моя спасительница, когда я был чудовищем, то сейчас можно уже и не пугаться.

Обнял он ее, и стали они жить-поживать в любви и согласии.

СИВКО-БУРКО

Жил-был старик, было у него три сына: старший, средний и младший — Иван-дурачок. Старший и средний работали, а Иван-дурачок ничего не делал, все лежал на печи. Стал старик стар, пришло ему время умирать, позвал он сыновей к постели и говорит:

— Дети мои, когда я умру, ходите три ночи подряд ко мне на могилку, носите обед. Хлопните моей дубинкой по могиле — я и встану.

Сказал старик это — и умер.

Похоронили отца. Пришла первая ночь после похорон, надо старшему сыну идти на могилу, а он идти не хочет, боится. Просит он младшего брата — Ивана-дурачка:

— Иван, может ты вместо меня сходишь к отцу?

Иван согласился. Пришел он на могилу, поставил обед, хлопнул дубинкой по могиле и сказал:

— Татенька, вставай обедать.

А сам сидит, ждет, что дальше будет. Вдруг в самую полночь могила расступилась, отец встает и спрашивает:

— Который же сын ко мне пришел, я что-то не вижу, старший, что ли?

— Нет, батюшка, это я, Иван-дурачок, твой младший сын.

— А что же старший-то не пришел?

— Да вот не пошел, меня попросил сходить.

— Ну ладно, дело его.

Тут стариk как крикнул:

— Сивко-бурко, вещий воронко, иди сюда!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей пламя пышет, из ноздрей дым столбом валит. Прибежал и стал как вкопанный.

— Сынок, этого коня я дарю тебе. А ты, Сивко-бурко, служи Иванушке так, как мне служил.

Сказал и исчез, не видать и не слыхать. Иван-дурачок потрепал коня по шее рукой и отпустил гулять в чисто поле. Приходит домой, а братья и спрашивают:

— Что, брат Иван, страшно было одному-то?

— Да нет, никакого страху не было.

А сам помалкивает, что получил от отца такой подарок. На другую ночь надо идти к отцу среднему сыну. Он тоже просит Ивана-дурачка:

— Иван, сходи на могилку за меня, что тебе стоит, мне некогда.

Иван согласился. Взял обед и пошел. Приходит на могилу, поставил обед, дубинкой по могиле хлопнул и сказал:

— Татенька, вставай обедать.

В полночь могила опять расступилась, отец встает и спрашивает:

— Это который сын пришел? Средний, что ли?

— Нет,— говорит Иван,— это я, батюшка, пришел, твой младший сын — Иван-дурачок.

— А средний-то что не пришел?

— Да некогда ему.

Стариk опять как крикнет:

— Сивко-бурко, вещий воронко, иди сюда!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей пламя пышет, из ноздрей дым столбом валит.

— Служи, Сивко-бурко, Иванушке так, как мне служил. А теперь, Сивушко, беги, гуляй в чистом поле.

Сивко-бурко убежал, исчез и отец Ивана. Не видать и не слыхать. Пошел Иван домой. Приходит, братья его и спрашивают:

— Ну как, брат Иван, не страшно тебе было одному на могиле?

— Да нет, никакого страху не было.

На третью ночь Иван-дурачок сам собирается к отцу на могилу — его черед пришел. Взял с собой обед для отца, приходит на могилу, дубинкой хлопнул и говорит:

— Татенька, вставай обедать. Это я, твой младший сын Иванушка-дурачок, к тебе пришел.

В полночь могила расступилась, отец встал и крикнул:

— Сивко-бурко, веящий воронко, иди сюда!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей пламя пышет, из ноздрей дым столбом валит.

— Сивко-бурко,— говорит старик,— позвал я тебя третий и последний раз. Теперь ты служи только моему младшему сыну — Ивану, выполняй все, что ни попросит. Сейчас иди, гуляй в чистом поле. А тебе, сынок, дарю еще свисток. Свистнешь в него, позовешь коня — и будет он перед тобой.

Сказал старик и исчез, не видать и не слыхать. Пошел Иван-дурачок домой. Приходит, а братья спрашивают:

— Ну как, Иван, страшно было одному на могилке отца?

— Да нет, никакого страху не было.

А про коня, про свисток, что подарил отец, помалкивает.

Вот живут братья, поживают, старший да средний работают, а Иван-дурачок забился на печь и лежит там.

Вдруг в народе заговорили, что царь вывесил объявление: «Кто доскочит на коне до царевны — его дочери — на высоком балконе, за того царь и замуж ее отдаст». Старший да средний братья засобирались, выбрали себе самолучших коней. А Иван-дурачок и говорит:

— Братья, возьмите меня с собой.

— Да ты что, в уме ли? Куда же тебе, дураку? Лежи лучше на печи да грызи кирпичи.

— Дайте мне хоть самую худящую лошаденку, я один поеду, чтобы вас не позорить. Хоть одним глазком гляну, что там будет.

Дали ему братья на смех хромую кобыленку, он на ней и поехал. А сами поскакали на самолучших конях. Выехал Иван-дурачок в чисто поле, отпустил свою худящую кобыленку травку щипать и наказал ей, чтобы никуда не уходила.

А сам свистнул в свисточек, что отец подарил, крикнул:

— Сивко-бурко, вещий воронко, встань передо мной, как лист перед травой!

Только это сказал, конь уже бежит, земля дрожит, из ушей пламя пышет, из ноздрей дым столбом валит. Иван-дурачок в одно ухо коню влез, в другое вылез — и стал красив и румян. Сел он на коня и поскакал. А народу собралось видимо-невидимо, все хотят посмотреть, кто доскочит до царевны. Как Ивана увидали, все только на него и смотрят.

И говорит Иван на ушко своему коню:

— Сивко-бурко, помоги мне!

Конь разогнался, прыгнул и только три венца до балкона царевны не доскочил, где она сидела. Повернулся Иван коня, да только его и видали. Доехал до поля, где оставил свою худящую кобыленку, отпустил Сивку-бурку, сел на свою кобыленку и домой поехал. Залез на печь и лежит.

Приезжают братья и рассказывают своим женам, что приезжал такой красавец, какого никогда никто не видывал. Что красавец этот только три венца не доскочил до царевны. И никто не видал, куда он исчез. А Иван-дурачок с печи и говорит:

— Братья, не я ли хоть был-то?

— Дурак — так дурак и есть. Лежи уж на печи, как лежал.

Прошло немного времени, царь вновь вывесил объявление, зовет желающих доскочить до царевны на балконе. Братья собираются, а Иван-дурачок и говорит:

— Братья, я тоже хочу ехать.

— Куда тебе, дураку, не смеши людей.

— Дайте мне самую худящую лошаденку, я отдельно поеду, чтобы вас не срамить.

Дали ему братья хромую кобыленку, а сами поехали на самолучших конях.

Уехали братья, а Иван сел на кобыленку и поехал. Только приехал в чисто поле, отпустил кобыленку травку щипать и наказал ей, чтобы далеко не уходила. Свистнул в свисточек, крикнул, как отец его учил:

— Сивко-бурко, вещий воронко, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей пламя пышет, из ноздрей дым столбом валит. Иван-дурачок в одно ухо влез, в другое вылез, стал красив и румян, а уж одет что королевич. Сел на коня и поехал. Доехал до терема царевны и шепнул коню на ухо:

— Сивко-бурко, помоги мне!

Конь разогнался, взвился и только два венца не доскочил до царевны. Все диву даются, никто не знает, что за молодец такой и откуда.

А Иван повернулся коня и ускакал, никто и не видел, где скрылся. Приехал он на поле, отпустил коня, пересел на свою худящую кобыленку и домой поехал. Дома снова на печь залез, лежит и братьев дожидается.

Вернулись братья, женам своим рассказывают:

— Опять приезжал этот красивый молодец — ну и конь у него! — только два венца не доскочил до царевны.

А Иван-дурачок с печи и спрашивает:

— Братья, а не я ли хоть был-то? О ком вы говорите?

— Да полно тебе молоть, дурак ты этакий. Ведь красавец какой был, а одет как — ни у кого такой одежды нет! Лежал бы лучше на печи да помалкивал.

Через некоторое время царь в третий раз приказал вывесить объявление: кто доскочит до царевны — его женой она и будет. Братья опять собираются. Иван-дурачок и говорит:

— Братья, хоть на этот раз возьмите меня с собой.

— Не смеши ты людей, не срами нас. Коли хочешь, бери опять хромую кобыленку и поезжай один.

Уехали братья, сел Иван на хромую кобыленку, и поковыляла она по дороге. Выехал за окопицу, отпустил кобыленку пастьись, а сам свистнул коня, что отец ему подарил.

— Сивко-бурко, вещий воронко, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей пламя пышет, из ноздрей дым столбом валит. Иван-дурачок в одно ухо влез, в другое вылез — стал красив и румян, а уж наряд на нем — так краше не бывает. Стал подъезжать к терему царевны, шепнул коню на ухо:

— Сивушко, помоги мне!

У Сивки-бурки только под копытами засвистало, так высоко он прыгнул. И допрыгнул до балкона царевны!

Царевна увидала, что молодец хорош и пригож, да золотую медальку ему на лоб и припечатала.

Все закричали:

— Доскочил, доскочил!

А Иван пришпорил коня, да только его и видали. Отпустил он коня в поле, позвал свою хроменьку кобылку, сел на нее и домой поехал. А медальку на лбу замазал грязью. Дома лег на печь и ждет, когда братья приедут.

Приехали братья и рассказывают своим женам:

— Молодец-то этот сегодня опять был, доскочил до царевны — да и ускакал неизвестно куда. А царевна успела ему на лоб золотую медальку припечатать.

А Иван с печи и говорит:

— Братья, а не я ли это был-то?

— Да сиди ты, дурак! Выезжал ли хоть за околицу на своей кобыленке?

— Ладно, братья, смейтесь, а на свадьбу-то ко мне поедете?

Братья пуще прежнего заливаются:

— Поедем, поедем, отчего же не поехать!

Иван-дурачок слез с печи, умылся и вышел к братьям.

Братья так и остолбенели, стоят — не шевелятся: увидали у Ивана на лбу медальку. Только теперь и поверили. Так, значит, правда, что Ивану-дурачку царская дочь досталась! Спрашивают у него:

— Откуда же у тебя такой конь?

— А я и сам не знаю,— отвечает Иван.

Братья переглядываются, понять ничего не могут.

— Ну ладно, братья, собирайтесь на свадьбу,— говорит Иван,— царь на пир приказал всех звать — и бояр, и князей, и простых мужиков.

Сам повязал голову тряпкой и пошел. Пришел он в царские хоромы и залез на печь, лег, как дома лежал.

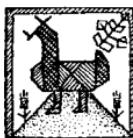
Царевна всех квасом да сладкими напитками потчует, разглядывает, нет ли у кого на лбу медальки, но никого опознать не может. Вдруг увидала она на печи Ивана, голова тряпкой повязана. Сняла она тряпку, стерла своим платочком грязь — а у него на лбу золотая медалька!

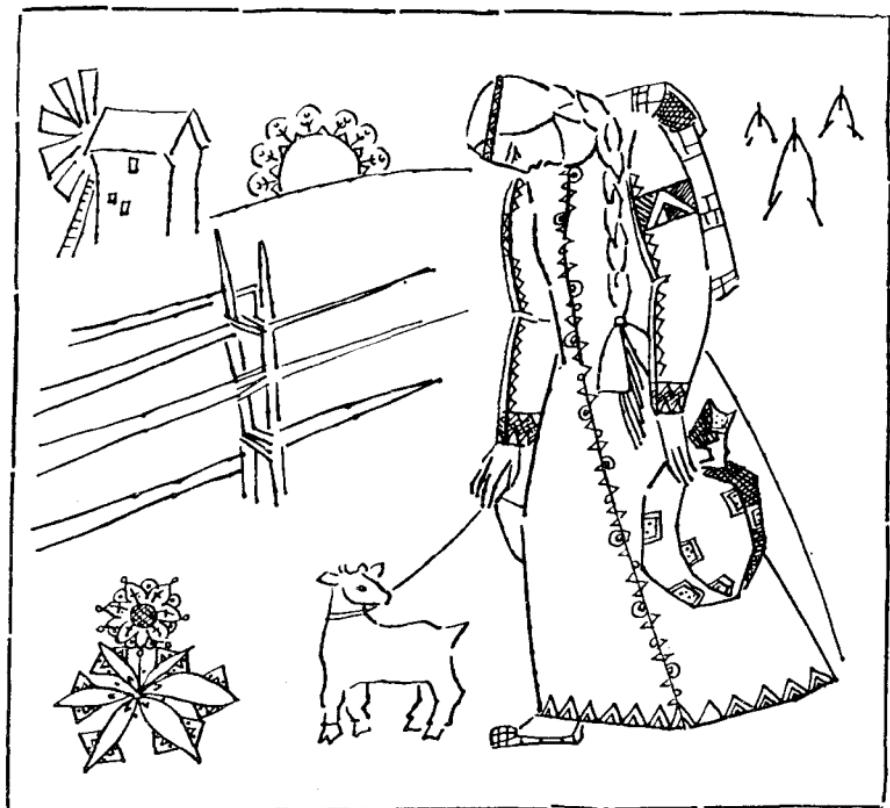
— Государь-батюшка,— говорит царевна,— это и есть мой суженый, это он доскочил до балкона, и я ему медальку на лоб припечатала.

Видит царь, что жених нашелся. Хоть и неказист, но уговор надо выполнять, спровадить свадьбу.

А Иван тем временем сбежал в чисто поле, позвал Сивку-бурку, в одно ухо ему влез, в другое вылез — и стал таким же красавцем, каким царевна его в первый раз увидала.

Отшумела свадьба, и зажил Иван со своей царевной припеваючи. Вскоре старый царь умер, и на его место сел Иван. Вот вам и дурак!

БРАТЕЦ ИВАНУШКА И СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА

Жили-были братец и сестрица, братца звали Иванушкой, а сестрицу — Аленушкой. Не было у них ни отца, ни матери. Плохо стало жить одним, вот и пошли они куда глаза глядят. Иванушка впереди идет, а Аленушка за ним следом. Шли они, шли, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и видят — течет речка, а на берегу стадо коров пасется, вся земля утоптана коровьими следами. И в каждом следке — водичка.

— Сестрица Аленушка, я пить хочу, напьюсь я из следка?

— Потерпи, братец, не пей из следка, теленочком будешь.

Послушался Иванушка сестрицу, не стал пить из следка, и пошли они дальше. Идут и видят — на берегу

лошади пасутся, и следы от копыт еще больше. И в каждом следке — водичка.

— Сестрица,— говорит Иванушка,— если бы ты знала, как мне пить хочется, напьюсь я из одного следка?

— Не пей, братец, жеребеночком будешь.

Послушался Иванушка и на этот раз. И пошли они дальше. Шли, шли, шли, вдруг видят — пасется стадо коз, от их ног маленькие следочки. И в каждом следочке — водичка.

— Ах, сестрица,— говорит Иванушка,— выпью я хоть один глоточек из этого маленького следочка, так мне пить хочется?

— Не пей, Иванушка, козленочком будешь.

Не послушался Иванушка своей сестрицы, напился из маленького следочка да и превратился в козленочка, заблеял: «Ме-е-е-е». Ластится козленочек к Аленушке, не отходит от нее. Посмотрела Аленушка вокруг — нет Иванушки, и догадалась она, что стал он козленочком. Горько заплакала Аленушка, да делать нечего. Надела ему на шею шелковый поясок и повела с собой. Шли они, шли, устали и сели отдохнуть. Козленочек пасется, травку щиплет, а Аленушка сидит и плачет, белый свет ей не мил. «Как же теперь быть?» — думает она.

Ехал мимо барин, видит, девушка горько плачет, остановил он свою лошадь и спрашивает:

— О чём ты, девушка, так плачешь?

Рассказала Аленушка барину все о себе и братике, о своем сиротстве, о том, как Иванушка стал козленочком. Подумал, подумал барин и говорит:

— Девица красная, не плачь, поедем со мной. Я тебя одену в нарядное платье, и если я тебе понравлюсь — замуж за меня выйдешь. И козленочка возьмем с собой, не обидим.

Аленушка и согласилась. Сели они с козленочком в карету, поехали с барином и стали жить в его доме, живут — не нарадуются.

Однажды барин уехал куда-то по делам. Аленушка дома одна осталась, а козленочек в саду гуляет, травку щиплет, прыгает да резвится. Пришла к Аленушке злая колдунья, позвала ее к морю купаться. Аленушка и пошла. На берегу никого не оказалось. Накинула колдунья Аленушке на шею петлю, привязала камень и столкнула в море — Аленушка и утонула. Козленочек был на берегу и все видел. А колдунья надела Аленушкино платье,

пришла в дом барина и стала хозяйкой, приказывает слугам.

Приехал барин, ничего не заметил и занялся своими делами. А козленочек скучает по сестрице, ходит на берег моря, не ест, не пьет, головушку повесит и плачет: «Ме-е-е-е» — Аленушку зовет.

Узнала колдунья, что козленок на берег ходит, и приказала разложить костры, приготовить котлы и ножи наточить поострее:

— Поймайте, — говорит, — козленка и зарежьте его.

Удивляется барин: «Так Аленушка любила козленочка, а теперь приказывает зарезать? Что-то с ней случилось».

А козленочек узнал, что его хотят зарезать, прибежал на бережок:

Сестрица Аленушка,
Костры зажгли жаркие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные —
Хотят меня зарезать.

А сестрица ему и отвечает:

Братец мой Иванушка,
Шелкова трава руки обвила,
Желты пески на грудь легли,
Тяжелый камень не дает мне встать.

Услыхал козленочек ее голос, заплакал и пошел домой.

В полдень козленочек опять просится у барина:

— Пусти меня, барин, на море, водички попить, копытца помыть.

Барин и пустил его. Прибежал козленочек на бережок:

Сестрица Аленушка,
Костры зажгли жаркие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные —
Хотят меня зарезать.

Аленушка ему и отвечает:

Братец мой Иванушка,
Шелкова трава руки обвила,
Желты пески на грудь легли,
Тяжелый камень на дает мне встать.

Заплакал козленочек и пошел домой.

Когда козленочек попросился к морю в третий раз, барин решил пойти за ним следом, посмотреть, что он там делает. Пришел барин к морю и услыхал, как козленочек со своей сестрицей разговаривает.

Позвал козленочек сестрицу, она и показалась над водой. Барин вытащил Аленушку на берег, снял с шеи камень. Аленушка и рассказала, как очутилась на дне моря. Обрадовался барин, что Аленушка жива, а козленочек еще пуще рад. Приказал барин колдунью строго наказать. Посадили ее в темную яму и заперли.

А барин, Аленушка и козленочек стали жить-поживать да добра наживать. Жили долго и счастливо.

ДЕВУШКА-ЛЕБЕДЬ

Жил царь, у него был сын. Стал Иван-царевич проситься у отца на охоту к морю. Ходил-ходил он по берегу, видит — купаются лебеди, двенадцать лебедей. Сел Иван-царевич под куст и стал караулить. Вышли лебеди из воды, сбросили с себя перья — и стали девицами-красавицами, двенадцать красавиц. Иван-царевич подкрался к одной и спрятал ее перья. Стали девушки одеваться, а у одной из них и нет перьев. Все улетели, а она осталась на берегу. Вот и стала девушка просить Ивана-царевича:

— Отдай, Иван-царевич, мои перышки, а через два года я к тебе приеду на двух кораблях, жди на этом месте.

Отдал Иван-царевич перья девушке.

Минуло два года. Собирается Иван-царевич к морю.

Узнал об этом его завистливый дядя, напросился к Ивану-царевичу в товарищи. Пришлось взять его. Пришли они к морю и сели под кустик, под тот самый, где Иван-царевич перья прятал. Вдруг видит Иван-царевич, в море будто две тычинки появились — были это корабли с мачтами. А дядя подштил, воткнул солнную булавочку в Ивана-царевича — он и заснул. Подошли корабли. Девушка-лебедь на берег сошла, будила его, будила — никак не могла разбудить. Записку написала и сунула ему в карман: «Жди меня через три года, я приеду на трех кораблях».

Проходит три года. Иван-царевич в поход собирается. Дядя опять за ним увязался. Пришли к морю, сидят и ждут. Вдруг видят — в море три тычинки появились. Дядя опять усыпил Ивана-царевича солнной булавочкой. Девушка сошла с корабля на берег, будила его, будила — никак не могла разбудить и снова написала записку: «Жди меня через три года, на девяти кораблях приеду».

Проходит еще три года. Иван-царевич снова идет к морю, и опять дядя с ним. Приходят, глядят — девять тычинок в море появилось. Дядя и тут подштил, воткнул в Ивана-царевича солнную булавочку — он и не смог проснуться. Девушка пришла, долго будила Ивана-царевича и написала в записке: «Больше тебе никогда меня не видать». И уехала.

Проснулся Иван-царевич, прочитал записку и загрустил-загоревал. Пришел в кузницу, попросил сковать ему три пары лаптей железных, три посоха, шляпу, каftан и три просфиры железные. И пошел Иван-царевич искать свою невесту.

Шел, шел, шел — стали лапти протаптываться, посох подламываться, стало шляпу дождем пробивать, одну просфиру сгладил. Идет, а ему лев-зверь навстречу.

— Лев-зверь, я тебя убью.

— Не убивай меня, Иванушка, может, я твоему горю помогу.

Отпустил Иван-царевич льва и дальше пошел. Шел, шел, видит — навстречу идет медведь.

— Медведь, я тебя убью.

— Не убивай меня, Иванушка, может, я твоему горю помогу.

Отпустил он медведя, не убил.

Опять шел, шел, шел — уже две просфиры сгладил, еще один посох подломился, вторые лапти донашивал. Вдруг видит — щука лежит на песке.

— Щука, я тебя убью.

— Не убивай меня, Иванушка, может, я твоему горю помогу.

Отпустил Иванушка щуку в море, а сам пошел дальше. Шел, шел, шел — и пришел к избушке. Стоит избушка на курьих ножках, на берестяных пятках.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами, чтобы мне, доброму молодцу, зайти и выйти.

Избушка повернулась.

Заходит Иванушка в избунику, там сидит старушка, прядет льняную куделью.

— Фу-фу-фу, давно я на Руси не бывала, русского духу не слыхала, а тут русский дух сам явился. Откуда, молодец, идешь? От дела лытась или дело пытаешь?

Вот он и рассказал про свою беду.

Старушка дала ему клубок с нитками и сказала:

— Куда клубок покатится — туда и ты иди. Придешь к моей сестре, она скажет, что тебе делать.

Прикатился клубок к избушке на курьих ножках, берестяных пятках.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами, чтобы мне, доброму молодцу, зайти и выйти.

Вошел Иван-царевич в избушку, там сидит старушка, серебряную куделью прядет.

— Фу-фу-фу, давно я на Руси не бывала, русского духу не слыхала, а тут русский дух сам явился. Откуда, молодец, идешь? От дела лытась или дело пытаешь?

Рассказал Иван-царевич про свои дела. Старушка выслушала, подумала-подумала и говорит:

— Иди к третьей нашей сестре, твоя невеста один раз в месяц у нее бывает.

Пошел он к третьей сестре. Приходит — стоит избуника на курьих ножках, берестяных пятках.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами, чтобы мне, доброму молодцу, зайти и выйти.

Избушка повернулась, он и зашел. Там сидит старушка, золотую куделью прядет.

— Фу-фу-фу, давно я на Руси не бывала, русского духу не слыхала, а тут он сам явился. Откуда, молодец, идешь? От дела лытась или дело пытаешь?

Рассказал и ей Иван-царевич о своем горе.

— О-о-о,— говорит старушка,— трудное твое дело.

Девушка эта, как приехала, очень по тебе тосковала. И отец ее, волшебник, тоску убрал в яйцо, яйцо положил в шкатулку, шкатулку запер на ключ и зарыл под дубом на острове, а ключ в море бросил. Надо достать яйцо, я из него яичницу сделаю, она поест, только тогда тебя и вспомнит.

Пошел Иван-царевич к морю, сел и думает: «Как же море переплыть?» А море очень широкое, волны по нему гуляют. На море островок, а на островке дуб стоит. Вдруг откуда ни возьмись — лев-зверь.

— Лев-зверь, помоги ты моему горю, перевези через море.

Лев-зверь и перевез его на этот островочек. А там дуб стоит, да такой большой и толстый — глазом не окинуть. Как дуб повалить? Сидел, сидел и вспомнил: «Вот бы медведя сюда — он бы дуб повалил». Не успел подумать — медведь явился. Повалил медведь дуб, Иван-царевич взял шкатулку, а она замкнута. Снова горюет.

— Хоть бы,— говорит,— щука ключик со дна моря принесла.

А щука тут как тут — приплыла, принесла в зубах ключик. Взял Иван-царевич ключик, шкатулку и принес все бабушке. Она шкатулку отомкнула, вынула яйцо и сделала из него яичницу.

— Завтра твоя невеста здесь будет, не горюй.

Вот наутро приходит к ним девушка.

Вынимает бабушка из печи яичницу и говорит:

— Ну-ка, покушай яишенки.

— Что ты, бабушка, я не ем яичницы, моя тоска по Ивану-царевичу убрана в яйцо, с тех пор я и не ем их.

— Да съешь хоть ложечку!

Съела девушка ложечку, потом другую, а там и третью.

— Где Иванушка?

А Иван-царевич у старушки был превращен в булавочку, булавочка в стенку воткнута. Вынула старушка булавочку:

— Вот тебе твой Иванушка!

Обрадовались они встрече. Посидели, поговорили. «Как же быть?» — думают.

— Трудно тебе теперь увезти меня от отца,— говорит девушка, коли не сумел взять раньше, когда я к тебе приезжала. Отец очень грозный. Нас двенадцать сестер — все одинаковые: одного роста, одного голоса, одного волоса, одного взгляда.

Приходит Иван-царевич сватать невесту к ее отцу, а царь и говорит:

— Вот я завтра посажу всех своих дочерей в один ряд, угадай, которую ты хочешь взять за себя. У меня их двенадцать — все одного роста, одного голоса, одного волоса, одного взгляда. Даже платья у всех одинаковые.

Вечером его невеста пришла к бабушке и говорит Ивану:

— Я с левой стороны буду сидеть. Смотри, не прозевай. Как только увидишь, над которой из нас белая мушинка вьется, ту и бери.

Утром приходит Иван-царевич в назначенное место. Царь посадил своих дочерей в один ряд.

— Вот,— говорит,— угадай, которая. Угадаешь — бери.

Смотрел, смотрел Иван-царевич — все одинаковые. Вдруг белая мушинка появилась и над третьей слева девушки вьется.

— Вот она! — Иван-царевич говорит.

— Это не твоего ума дело,— рассердился царь,— а Марфины выдумки, дочери моей.

Но делать нечего, урядились — так отдай.

На другое утро царь встал и думает: «Какую бы еще задачу дать Ивану?»

А Марфина прибежала к бабушке и говорит:

— Давай-ка, Иванушка, возьмем лошадей да поедем быстрее, а то отец еще что-нибудь придумает, чтобы не отдать за тебя.

Взяли они лошадей, бабушка снарядила их в путь, и они поскакали. Вот едут, едут, близко ли, далеко ли, Марфина и говорит:

— Ну-ка, Иванушка, припади к земле, нет ли за нами погони?

Припал он к земле и говорит:

— Едут!

Марфина превратила Ивана-царевича в часовенку, а сама сторожем-старичком при ней стоит. Приехали гонцы к часовенке и спрашивают:

— Не видал проезжих?

— Нет, не видал,— сторож отвечает.

Погоня обратно и вернулась. Иван-царевич с Марфиной дальше поскакали. Марфина опять говорит:

— Припади, Иванушка, к земле, послушай, не едет ли погоня?

Он послушал и говорит:

— Едут!

Обернула она его колодцем, а сама старушкой с черпаком сидит у колодца. Приехала погоня.

— Бабушка, не видала ли тут проезжих?

— Нет, никого не видала — ни проезжих, ни прохожих.

Погоня обратно и вернулась. Пришли к царю и рассказывают.

— Эх вы, растяпы, это они и были,— говорит царь. И поехал сам.

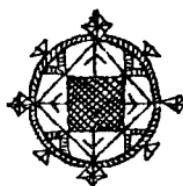
Слышат Иван да Марфида, что опять за ними погоня. Обернула она лошадей озером, Ивана — ершом, а сама стала щукой.

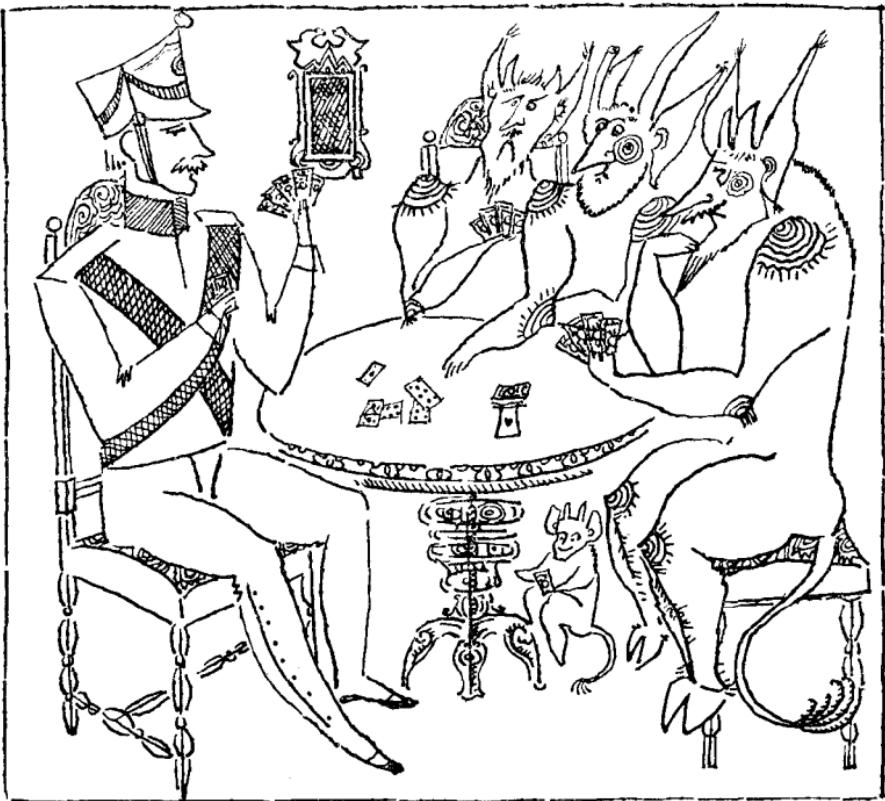
Приехал царь к озеру и думает: «Тут я их и поймаю!» Обернулся он окунем, опустился в озеро, караулит ерша. А они его увидали, гоняли, гоняли и загнали под камень. Щука окуню говорит:

— Грызи ерша с хвоста!

Заглотил окунь ерша с хвоста — а у ерша колючки известно какие,— тут окуню и конец пришел.

А Иван-царевич с Марфидой поехали дальше. Приехали они в его царство. Увидал дядя невесту Ивана-царевича — да от зависти и помер. А они сыграли свадьбу и стали жить-поживать.

СОЛДАТСКАЯ ТОРБА

Отслужил солдат двадцать пять лет, побывал в Берлине, в Париже, и возвращается на родину. За свою службу он ничего не получил, кроме ранца солдатского. Положил в ранец свои вещички, продовольствие и саблю, что была подарена за отличие в бою. Идет солдат по дороге, встречает старого-престарого старишку, тот еле идет. Подошел к нему солдат и говорит:

— Что, дедушка, плохо?

— Ой плохо, солдатик, плохо, есть хочу — да нечего.

— Ну что ж, сядем, у меня есть краюшка хлеба.

Разделим пополам.

Разделил солдат хлеб, поели, старишок и говорит:

— Вот что, солдатик, подарю я тебе на память одну вещичку. Возьми эту торбочку, а мне отдавай свой ранец.

Взял солдат у старика торбочку, ему отдал свой ранец. Старик и говорит:

— Торбочка эта особое свойство имеет.

— Какое?

— Если кому скажешь: «Полезай в торбочку!» — тот там и будет.

Сказал это стариик и пропал.

Пошел солдат дальше. Смотрит, сидит на дереве косач¹. Он и крикнул:

— Косач, полезай в торбу!

Открыл торбу — он туда скок!

«Хорошую вещь подарил старичик,— думает солдат,— теперь жить можно. А что же он говорил, что ему есть нечего?» Идет дальше. Приходит в один город, смотрит — стоит большой красивый дом. Солдат и спрашивает:

— Что это за дом?

Ему отвечают:

— Этот дом построил князь, но жить в нем не может.

— Почему?

— Нечистая сила завелась. Князь обещал дочь выдать замуж за того, кто выгонит оттуда нечистую силу, но никто сделать этого не может.

Солдат думает: «Была не была. Дай попробую!»

Приходит к князю. Слуги докладывают, что пришел солдат, хочет переночевать в его доме и выгнать оттуда нечистую силу.

— Ну что ж,— говорит князь,— условие знаешь? Если выгонишь нечистую силу, то отдам свою дочь за тебя замуж.

— Знаю, только дайте мне два кувшина квасу да колоду карт.

Взял солдат все это и ушел в пустой дом ночевать. Только наступила полночь, поднялся страшный шум, вваливается несметная сила чертей.

— А! Солдат явился? Ну что ж, давай, солдат, в карты играть!

— Да у меня всего денег-то одна полушка².

— Ну, с полушки и начнем.

Сели. Черти достают свои карты.

— Нет,— говорит солдат,— в мои карты играть будем.

— Ну, в твои — так в твои.

Солдат взял карты, перекрестил. Сперва по полушке играли — у солдата стало уже две полушки, потом боль-

¹ Глухарь.

² Самая мелкая монета.

ше, а черти все таскают деньги, но никак не могут обыграть солдата. Старший из них как закричит:

— Разорвать его!

А солдат ему:

— Постой, постой!

Открывает торбу.

— Что это? — спрашивает черт.

— Торба. Ну-ка, полезайте туда!

Черти с шумом в торбу и кинулись. Солдат завязал торбу и давай их лупить палкой. Лупит и приговаривает:

— Выпущу с тем условием, что вы больше в этом доме не появитесь.

Колотил, колотил чертей солдат, старший черт и взмолился:

— Выпусти, солдатик, больше мы к этому дому ни ногой, ни пятой.

Вот он их вытряхнул — мигом все и разбежались. Спит себе солдат сном праведника. Утром слуги смотрят — солдат жив и здоров. Докладывают князю:

— Солдат жив и здоров.

Приходит князь.

— Теперь условие выполняй, князь! — говорит солдат.

Смотрит князь на солдата и думает: «Солдат уже старый, ему уже сорок с лишним лет. Какой же это жених для дочери?»

А тут его дочь и говорит солдату:

— Слушай, милый солдатик, я тебе дам много денег, только не женись на мне.

Подумал солдат: «Какая из нее для меня жена? Все равно житья не будет». Взял он деньги и пошел.

— Пойду, — говорит, — к себе в деревню, посмотрю, что там делается, живы ли, нет ли мои родители.

Идет он лесом, проходит, может, и карельские леса, вдруг догоняет его сзади кто-то, наваливается. Плохо солдату стало.

— Кто там? — спрашивает.

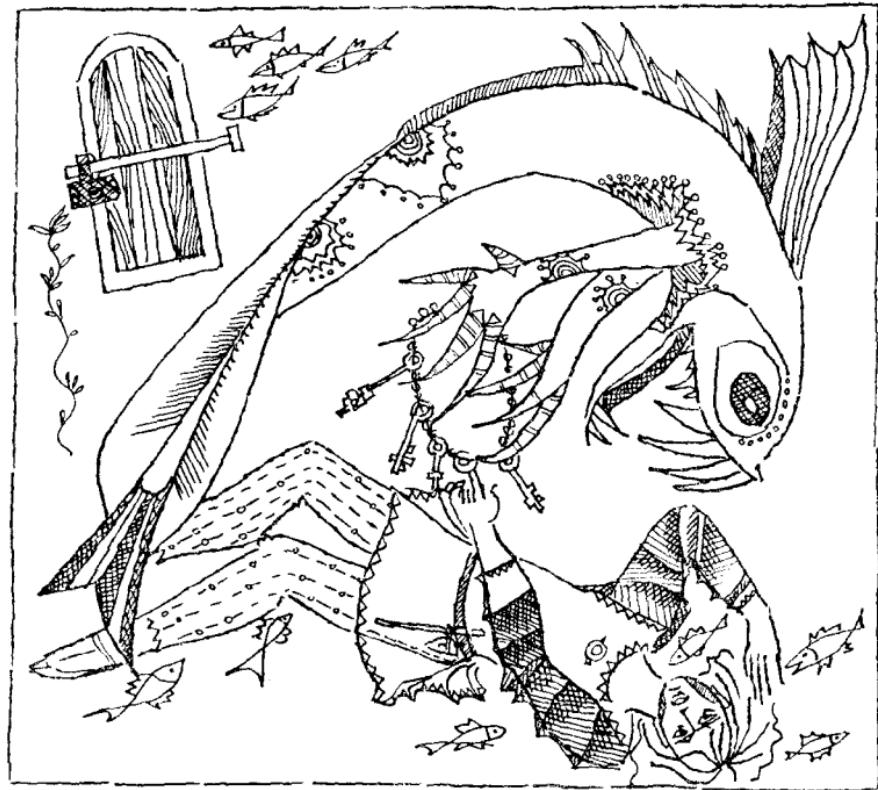
— Это я, твоя смерть.

— Смерть? Но я умирать еще не хочу.

— А это у тебя что? — спрашивает смерть.

— Торба. Полезай-ка ты туда!

И посадил солдат смерть в торбу. Пришел домой. Денег у него полная сумма, а смерть в торбу спрятана. И зажил себе солдат преспокойненько.

БЫЧЬЯ ШКУРА

Давно это было. Может — правда, а может — и нет. Только рассказывают старые люди, что когда-то в нашем студеном морюшке обитало страшное чудо морское и почти каждый год уносило оно в свои владения человека.

Как-то поехал один богатый помор с нашего Карельского берега торговать за границу и взял с собой сына. Только доплыл их корабль до Груманта¹, вдруг начался сильный шторм, и не успел купец оглянуться, как смыло мальчика волной в палубы в море. Подхватило его чудо морское и унесло в свои владения.

Принесло чудище купеческого сына в свои хоромы и говорит:

¹ Остров Шпицберген.

— Живи, Иван, здесь как хозяин. Вот тебе ключи, везде ходи, всем пользуйся, только дверь на конюшне, что лыком завязана, грязью запечатана, не открывай. Если откроешь, я вернусь — и тебе живому не быть.

Сказало чудище это и исчезло в морской пучине. Иванушка ходит везде, смотрит. Пришел однажды на конюшню, увидел дверь, что лыком завязана, грязью запечатана, и думает: «Что же там такое есть?» Открыл дверь, а там стоит лошадь, и заговорила она человеческим голосом:

— Ну, Иванушка, коли ты меня открыл, то надо вместе отсюда бежать. Принеси уздечку, она лежит у чудища в комнате под кроватью.

Побежал Иванушка в комнату, хочет взять уздечку, а поднять и не может. Вернулся обратно и говорит, что не может уздечку принести.

— У него в спальне есть тумбочка,— говорит лошадь,— а в ней в бутылочке светлого стекла есть вода, выпей половину сам, а остальное мне принеси.

Выпил Иванушка воды, силы у него прибавилось — и принес уздечку. Дал воды лошади, обуздал ее, она ему и говорит:

— Давай, Иванушка, собирайся быстрее, а то чудище узнало о нашем побеге и летит обратно. Принеси скорее седелко.

Побежал Иванушка за седелком, а сам его и пошевелить не может. Лошадь снова учит:

— Иди возьми в той же тумбочке бутылочку зеленого стекла, выпей из нее половину, а другую оставь мне.

Иванушка так и сделал, сразу силы в себе почувствовал вдвое больше. Оседлал он лошадь, она ему и говорит:

— У него в тумбочке есть еще бутылочка — синего стекла, там жидкость, намажь этой жидкостью себя и меня. А еще у чудища есть золотые яблоки, положи их в мешок, и поедем скорее.

Иванушка так и сделал. Поехали они, а чудище за ними гонится, вот уже близко подъезжает, огнем жжет. У Ивана платье сгорело, а тело и лошадь были жидкостью намазаны, с ними ничего не сделалось. Подъехали они к огненной реке, а чудище уже почти нагнало их, лапу перепончатую протянуло, схватить Ивана хочет. Лошадь перепрыгнула через реку, а чудище в реку упало и сгорело.

Подъезжает Иванушка на лошади к городу. Навстречу им пастух гонит стадо быков. Лошадь велит Ивану убить одного быка и надеть на себя его шкуру. Сошел Иванушка с лошади, взял быка за рога, как махнул — так туловище из кожи и вылетело, осталась в руках одна шкура. Надел Иванушка эту шкуру на себя, и поехали они дальше. Приехали в город, лошадь ему и говорит:

— Ты, Иванушка, походи по городу, а я здесь останусь. Какая работа тебе будет предложена, за ту и берись.

Пошел Иванушка в бычьей шкуре в город. Видит, напротив царского дворца стоят мужики в ряд. Иванушка встал к ним. Вот выходит царь и говорит:

— Кто из вас, мужички, берется мне сад вырастить за трое суток, и чтобы в этом саду были яблоки золотые.

Мужики переглядываются: такого еще никто не видывал, чтобы на берегу Белого моря сады росли. Царь смотрит на Ивана.

— Я берусь,— говорит Иванушка,— за трое суток выращу сад, и яблоки будут золотые.

Все очень удивились, а Иван пошел к своей лошади и рассказывает ей:

— Взялся я за трое суток вырастить сад с золотыми яблоками.

— Не беспокойся, Иван, вечером пойдем сажать.

Стало темнеть, пошли они к царскому дворцу, остались напротив.

— Где я ступлю ногой,— говорит лошадь Иванушке,— ты клади яблоко.

Иванушка так и делает. Посадили яблоки. Наутро царь встал, смотрит — сад вдоль берега растет, яблони уже поднялись.

На следующую ночь лошадь говорит Ивану:

— Ты карауль сад, чтобы никто не напроказил.

Пошел Иванушка в сад, сидел, сидел и уснул. А ночью приходила в сад царевна, младшая дочь царя, на яблони посмотреть. Встал Иванушка утром и видит, что яблони начинают цвести. Пришел он на вторую ночь караулить сад и снова уснул. А царевна опять приходила на яблони посмотреть. Просыпается Иванушка утром, а яблоки уже созрели. Отдежурил он третью ночь, утром встает и видит на своей руке перстень. Приходит он к лошади и говорит:

— Добрая моя лошадь, я ночью уснул, а кто-то приходил и надел на мою руку перстень.

— Это к тебе царевна приходила. Если ты посва-

таешься, она за тебя пойдет замуж, хоть ты и ходишь в бычьей шкуре. Иди к царю, пусть он сад принимает, за работу проси его дочь в жены.

А за эту царевну уже сватался принц, и царь обещал отдать ее за принца. Пришел Иванушка к царю и говорит:

— Ну, царь-батюшка, можете принимать сад.

Посмотрел царь сад, очень он ему понравился.

— Что тебе за работу дать?

— Вашу дочь в жены — и больше ничего.

— Что хочешь бери, а дочь я обещал принцу. Одна она у меня осталась. Старшую чудище морское унесло.

— Как хотите, — говорит Иванушка, — моя цена работе такая.

А дочь говорит отцу:

— Папенька, не пойду я за принца, а пойду за этого садовника, я ему уже и кольцо подарила.

— Не бывать этому, — отвечает ей отец, — а если хочешь за садовника, то ступай в том, в чем стоишь, — без приданого.

Взял Иванушка царевну за руку, и пошли они за город, наняли небольшую квартирку и живут. Узнал принц, что царевна убежала к простому садовнику, и пошел на царя войной.

Приходит Иванушка лошадь кормить, а она и говорит:

— Поедем, Иванушка, в поле.

Приезжают они в поле.

— Под этим камнем, — говорит лошадь, — есть пещера, зайди в эту пещеру, там спрятаны доспехи богатырские и меч-кладенец. Надень эти доспехи, возьми меч-кладенец, и поедем сражаться с войском принца.

Надел Иванушка доспехи богатырские, взял меч-кладенец, сел на свою лошадь и поехал. Приехал он в поле, разбил войско принца наголову.

Затем вернулся к этому камню, зашел в пещеру, снял с себя доспехи богатырские, положил меч-кладенец и домой пошел. Только через порог дома переступил — и сразу уснул.

А царь после такой победы устроил пир, послал за дочерью: у царя обида прошла. Приехали слуги за дочерью, а она отвечает:

— Я без мужа не пойду.

Слуги приехали обратно и говорят царю:

— Муж вашей дочери спит уже сутки, где-то был, сильно устал, а дочь без мужа не едет.

Тогда царь и подумал: «Не мой ли зять приезжал богатырем и побил войско принца? Поеду-ка я туда сам».

Приехал царь и видит — сидит дочь у постели мужа, а он спит.

— Что ты, дочка, не едешь на пир?

— Как же я поеду на пир одна, без мужа?

— А не знаешь ли, дочка, где был твой муж эти сутки?

— Не знаю, где он был, но пришел раненый и очень усталый.

Проснулся Иванушка, видит в своем доме царя. Царь и говорит ему:

— Извини, зятюшко, что я так грубо с тобой поступил, я пришел пригласить тебя на пир, ведь это ты разбил войско принца?

— Хорошо, я приду, — отвечает Иванушка.

Царь уехал, а Иван пошел к своей лошади.

— Моя верная лошадка, что мне теперь делать? Как я в бычьей шкуре на пир пойду?

— Залезь мне в одно ухо, из другого вылезь — и спадет с тебя бычья шкура, — говорит ему лошадь.

Иванушка в одно ухо залез, из другого вылез — и сделался прекрасным молодцем. Приходит он к жене и говорит:

— Ну, милая жена, теперь поедем на пир.

Сели они на лошадь и поехали. Прибыли во дворец, и как только царевна отошла от Ивана, лошадь и говорит:

— Вот что, Иванушка, привяжи меня и иди на пир. А я отвяжусь и перебью всех лошадей, которые здесь стоят. Ты царю скажи: «Я убью за это свою лошадь» — и убей меня.

— Что ты, моя дорогая лошадка, ты мне столько добра сделала, а я тебя должен убить? Да ни за что!

— Если ты меня убьешь, — говорит лошадь, — то сделаешь для меня большую услугу, и я буду век тебе благодарна.

Пошел Иванушка с царевной в палаты. Царь посадил его на почетное место. Вдруг приходят слуги и говорят:

— Лошадь вашего зятя перебила всех лошадей, которые были во дворе.

Иванушка вскочил:

— Сейчас я ее за это убью!

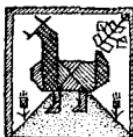
Царь стал уговаривать:

— Не убивай, хватит у меня лошадей.

Но Иванушка не послушал царя, взял меч и отсек у лошади голову. И вдруг появилась перед ними девица-красавица, обнимает царя и царицу и говорит:

— Татенька, маменька, сестрица, здравствуйте! А тебе, зять, большое спасибо за то, что ты меня выручил. Морское чудище хотело, чтобы я стала его женой, рассказало мне все свои тайны, а за то, что я задумала убежать от него, превратило меня в лошадь.

С такой радости царь сделал пир на весь мир, съе богаче и пышнее. Вот и сказке конец.

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ

Жил-был старичик с сыном. Задумал отец учить сына ремеслу, а тот ничему учиться не хочет. Пошел воровать, его и посадили в тюрьму. Сидит он в тюрьме и думает: «Плохое это ремесло — воровство». Кончился срок, и отпустили его из тюрьмы на волю. Пошел он к царю денег просить, жить-то не на что. Царь принял его, стал расспрашивать. А в другой комнате была дочка царя, услыхала она их разговор и говорит:

— Батюшка, я пойду за него замуж.

— Коли так,— царь ей отвечает,— в чем сидишь, в том с женихом и ступай.

Собралась царская дочка, и они пошли. Хором своих у него не было, жить им негде, купила царская дочка небольшой домик, и стали жить-поживать. Прошла неделя, прошла вторая, муж ничего не делает. Царская дочка сама за ремесло принялась — вышила полотенце. Утром напоила мужа чаем и говорит:

— Сходи на базар, продай это полотенце.

Пошел он на базар, целый день проходил — никто полотенце не покупает. Вдруг подходит к нему какой-то мужчина и спрашивает:

— Украдь или купить хочешь?

— Не украдь и не купить, а вещь продать.

— Покажи, покажи,— говорит.— Что берешь, сто рублей или слово?

— А какое слово?

— Пойди — и не бойся.

Отдал мужик полотенце за слово и домой пошел.

Возвратился он домой, жена его ни о чем не спрашивает. На второе утро подает она мужу второе полотенце.

— Поди,— говорит,— сходи на базар, продай полотенце.

Ходил он, ходил по базару, никто полотенце не берет.

Подходит к нему тот же мужчина и спрашивает:

— Украдь или купить хочешь?

— Не украдь и не купить, а вещь продать.

— Покажи, покажи. Двести рублей берешь или слово?

— А какое слово?

— Суди — и не обсуди.

Отдал мужик полотенце за слово. Приходит домой, жена опять не спрашивает, за сколько продал. На третье утро она подает еще полотенце, снова посыпает мужа на базар:

— Сходи продай это полотенце.

Долго ходил по базару мужик — продать полотенце не может. Подходит тот же покупатель.

— Украдь или купить хочешь?

— Не украдь и не купить, а вещь продать,— отвечает мужик.

— Покажи, покажи. Триста рублей берешь или слово?

— А какое слово?

— Замахнись — а не ударь.

И третью полотенце за слово отдал мужик. Отошел он от базара и задумался: «Что же я за дурак, жена вышила три полотенца, можно было ей шестьсот рублей принести, а я ни копейки не взял».

В это самое время пришли в город купеческие корабли, девять кораблей. Пришел этот мужик на судно и спрашивает у купца:

— Нет ли у вас места матроса?

Место свободное было, его и наняли.

Пала побветерь¹, и пошли корабли в море. Шли сутки, неделю, месяц, вдруг среди моря все корабли стали, не идут дальше. Ветер паруса рвет, а корабли ни с места.

Купец всю команду собрал и спрашивает:

— Нет ли желающих в море спуститься?

Никто добровольно в море бросаться не желает. А новенький матрос вспомнил первое слово, которое у мужика на базаре купил: «Пойди — и не бойся», и говорит:

— Я согласен спуститься в море, но с условием. Если обратно вернусь — один из кораблей будет мой.

Купец согласился, написали бумагу — договор, купец подписал и вся команда. Положил матрос документ в карман, встал на борт и бросился в море — только и был. Увидал он на дне моря дорогу и пошел по ней. Шел близко ли, далеко, низко ли, высоко, скоро сказка оказывается, да не так быстро дело делается, по-своему справляется. А дело-то будет только завтра после обеда, когда поедим мягкого хлеба.

Идет наш матрос по дороге и видит — стоит перед ним серебряный дворец. Сидят там два старика-водяника, пьют-едят и спорят между собой:

— Ладно, дождемся царского зятя, пусть он нас рассудит.

Матрос думает: «Уж не меня ли они дожидаются?» Открыл дверь, водяники его увидали, в ладоши заплескали.

— Ага, давно мы тебя дожидаемся!

Приглашают матроса к столу, стул ему предлагают.

— Вот что, царский зять, рассуди нас, что на Руси дороже — булат-железо или золото?

Он и вспомнил второе слово, что на базаре купил: «Суди — и не обсуди». Подумал матрос и говорит водяникам:

— У нас на Руси золото очень дорого, но при военных действиях булат-железо дороже.

Водяники обрадовались, опять в ладоши заплескали.

— Это правда и есть,— говорят.— Дадим мы тебе в награду шкатулочку, держи ее крепко, не оброни, пока мы тебя наверх доставлять будем.

Подняли водяники матроса на плоту на поверхность моря. А корабли все еще на месте стоят. Вскочил матрос на корабль.

¹ Попутный ветер.

— Вот я и вернулся со дна морского,— говорит он купцу.— Теперь один корабль мой: уговор дороже денег.

Пришлось купцу отдать корабль. Тут ветер сразу паруса надул, и корабли ходко пошли. Приплыл флот в какое-то государство. Прошел слух, что король пир собирает и приглашает всех приезжих гостей на угождение. Понес купец в подарок королю заморские ткани, чтобы разрешил он ему беспошлинно торговать. А матрос и не знает, что подарить. Вспомнил он про шкатулку, что водяники дали, открыл ее — и вдруг в каюте все рассвело. Шкатулка доверху полна драгоценными камнями. Вынул он один камешек и завязал в уголок носового платка. Пошел в гости.

Развернул король платок и словно онемел — все вокруг рассияло.

— Вот так редкость, вот так подарок! — говорит король.

Усадил он матроса рядом с собой, а всех остальных гостей — дальше. Обиделся купец, завидно стало. Он и говорит королю:

— Ваше королевское величество, неужели я беднее этого матроса? Бьюсь об заклад: если на моих восьми кораблях окажется товару меньше, чем на его одном,— я отдаю матросу все свои корабли с товарами. Если же наоборот — он вернет мне мой корабль. Пошли оценщиков.

Послал король оценщиков на корабли. Пришли они сначала на купеческие суда — походили, посмотрели, товары оценили. Сумма оказалась очень большой, несколько миллионов рублей. Пришли оценщики на корабль к матросу. Посмотрели товары, оценили и зашли в каюту. Как открыл матрос шкатулку — они не знают, что и сказать. Такого богатства никогда не видывали!

Вернулись оценщики к королю, обо всем доложили: «Богат купец, но матрос куда его богаче. Мы его самоцветные камни и оценить не смогли».

— Вот ты и проиграл свои корабли, — говорит король купцу.

Купцу деваться некуда, пришлось отдать все.

И поплыл матрос вместе с командой в свое государство.

Пришли корабли в порт. А за это время, пока матрос плавал, у его жены родились сразу два сына. Корабли приплыли ночью, и приказал он дать по три выстрела

с каждого корабля. По сказанному — как по писаному, все так и было исполнено.

Когда дали залпы, то его тесть — царь испугался, подумал, что неприятель пришел. Поднялась в городе суматоха, стали готовиться к отпору врага. А царский зять тем временем сошел на берег. Увидел он на берегу калеку оборванного и говорит ему:

— Давай поменяемся одеждой. Ты надевай мое платье, а я — твое.

— Ты что, добрый человек, смеешься надо мной?

Но видит калека, что тот не шутит, снял свое лохмотье, отдал. Надел все это царский зять и пошел к своей жене. Приходит. Двери закрыты, а в доме горит огонь. Окна были невысокие, постучал он в окошко, хозяйка и спрашивает:

— Кто там?

— Хозяюшка, не пустишь ли переночевать?

Не хотела она пускать грязного бродягу, но подумала: «Где-то, может, и мой бедный муж странствует».

— Заходи, прохожий человек, ночуй, — говорит она.

Прошел он в комнату, напоила она его чаем, и лег он на печку спать. А под лохмотьями у него была шашка спрятана. Вот легли они спать, а огонь все горит. Лежит царский зять на печи и думает: «Что же она огонь не погасила, или кого дожидается?» Часы уже полночь пробили. Вдруг услыхал он на улице шаги. Хозяйка, его жена, встала, дверь открыла, впустила двух молодцев. Они поели, попили и спать легли. Один по одну сторону от его жены, другой — по другую.

Не спится царскому зятю. Спустился он с печи, достал из-под лохмотьев шашку и замахнулся. И вспомнил вдруг третье слово, что купил на базаре: «Замахнись — а не ударь». Вложил он шашку в ножны и повалился на печку, уснул крепким сном. Утром проснулся, а у хозяйки уже и самовар готов, и эти два молодца встали, говорят:

— С добрым утром, маменька.

Тут он и спохватился: «Да неужто у меня уже такие сыновья?»

Вот сели все пить чай, а сыновья и рассказывают матери, что ночью пришли девять кораблей, может, какой неприятель, а у дедушки-царя не все было готово обороняться, вот они ему до полуночи и помогали.

Тут хозяйка, его жена, и спрашивает:

— Добрый человек, ты много странствуешь, везде

бываешь, не слыхал ли что о моем муже? Уж много лет нет от него вестей.

— Когда был я еще юным, пошел воровать. Меня в тюрьму и посадили. Отсидел положенный срок, вышел на волю. Ремесла никакого еще не знал и пошел к царю денег просить. А в другой комнате была его дочка, чем-то я ей приглянулся, она и говорит отцу: «Батюшка, я пойду за него замуж». Царь рассердился и говорит: «В чем сидишь — в том с женихом и ступай».

После этого рассказа жена узнала мужа, обнялись все. Послал отец сыновей пригласить тестя, их дедушку.

Пришел царь, и пошли они корабли смотреть. Подходят к кораблям, а уж залпы с них гремят, честь хозяину отдают. Царь удивляется: «Вот так зять, ну и ну». Походили, полюбовались и пошли домой. Сделал царь пир на весь мир. Вот уж веселья-то было! Да тем и сказке конец.

ВО ЛБУ СОЛНЦЕ, НА ЗАТЫЛКЕ МЕСЯЦ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У царя был сын — Иван. Такой красавец, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Пришло время царевичу жениться. Однажды вечером царь приказал погасить во всем городе огни, а сыну сказал:

— Иди, и где увидишь огонек, там тебе и невеста. Можешь на ней жениться.

Пошел Иван-царевич искать невесту. Долго ходил, нигде ни огонька. Вдруг видит, позади города в темноте огонек показался. Пошел он на этот огонек. Подходит к маленькой избушке, встал у окошка. Сидят на лавке три девушки, прядут пряжу и между собой разговаривают:

— Если бы меня Иван-царевич взял замуж, — говорит старшая, — я бы соткала ему ковер невиданной красоты, а на ковре самолет бы вышила.

Средняя сестра говорит:

— Если бы меня Иван-царевич замуж взял, я бы ему полотенце шелком вышила, а по краю птиц райских пустила.

— А если бы меня Иван-царевич взял замуж,— говорит младшая сестра,— я бы ему родила три раза по три сына — девять сыновей, что ясных соколов: во лбу солнце, на затылке месяц, по косицам часты мелки звездочки.

Ивану-царевичу очень понравились слова третьей девушки. Вернулся он домой, ночь проспал, а наутро пошел к отцу просить разрешения жениться. Царь возражать не стал. Сыграли свадьбу.

Живет Иван-царевич с молодой женой, не нарадуется. Пришло время молодой царице рожать. Иван-царевич пошел искать бабку-повитуху, чтобы детей приняла. Встречается ему Яженя.

— Куда идешь, Иван-царевич? — спрашивает она.

— Иду за бабкой.

— Возьми меня, лучше не найдешь.

Он и взял Яженю, привел ее в баню. Увидела молодая царица Яженю; испугалась, слова вымолвить не может.

Вот родила царица трех сыновей, что ясных соколов: во лбу солнце, на затылке месяц, по косицам часты мелки звездочки. Яженя сыновей схватила, унесла в чисто поле и заменила их котятами. Показывает котят Ивану-царевичу.

— Ты хвастался, что твоя жена родит трех сыновей, а она тебе котят принесла.

Погоревал Иван-царевич, да делать нечего, пожалел молодую жену, уж очень она была пригожая да добрая. А Яженя обернула детей волками и пустила в чисто поле. Днем они волки, а ночью молодцы, что ясны соколы.

Пришло время царице опять рожать. Пошел Иван-царевич искать бабку, чтобы детей приняла. А Яженя уже поджидает его. Он мимо нее прошел, а она вслед бежит и говорит:

— Возьми меня, Иван-царевич, бабкой, лучше не найдешь.

Ну он и взял. На этот раз Яженя заменила детей щенятами и показывает Ивану-царевичу.

— Вот,— говорит,— Иван-царевич, ты хвастался, что твоя жена родит трех сыновей, что ясных соколов, а она тебе принесла щенят.

Унесла Яженя сынов Ивана-царевича в чисто поле, обернула их волками. Днем они волки, а ночью молодцы, что ясны соколы.

Было-побыло, через сорок недель царица снова родила трех сынов, что ясных соколов. Одного из них взяла и спрятала в свою косу.

Яженя пришла и спрашивает:

— Где же твой третий мальчик?

— На этот раз, бабушка, я только двух сынов родила.

Заменила Яженя мальчиков щенками и показывает Ивану-царевичу.

— Опять тебя жена обманула, принесла вместо сынов щенков.

В третий раз унесла Яженя детей Ивана-царевича в чисто поле и обернула их волками. Днем они волки, а ночью молодцы, что ясны соколы. Запечалился Иван-царевич, не пьет, не ест, ночей не спит. А Яженя однотвердит, что обманула царица своего мужа, не выполнила обещания, что надо обманщицу в бочку посадить и в синее море бросить. Околдовала Яженя Ивана-царевича.

Взял он бочку, закупорил в нее жену и пустил в сине море, а сам женился на Яжене.

Как только бочку пустили в море, царица расплела косу, и стал сын расти не по дням, а по часам. Долго ли, коротко ли носило бочку по волнам. Однажды сын и говорит матери:

— Хорошо, если бы подул сильный ветер, бочку на берег выкинул и разбил.

— Как скажешь — так и будет, сынок.

И тут же подул сильный ветер, выкинул бочку на берег и разбил. Мать с сыном оказались на острове, а вокруг острова море — края не видать. Корабли мимо острова ходят, а к берегу не пристают, потому что остров пустой. Сын и спрашивает:

— Матушка, а что у моего отца есть?

— У твоего отца есть палаты белокаменные, есть корабли и гавань, все есть у твоего отца.

— Хорошо, если бы и у нас все это было,— говорит сын.

— Как скажешь — так и будет,— отвечает мать.

Тут же появились палаты белокаменные, гавань, корабли.

Живут они, поживают. Шел мимо острова корабль. Видят матросы на острове палаты белокаменные, приста-

ли к берегу. Узнали, что на острове живет красавица с сыном и у них есть все, что и у царя.

А сын между тем просит мать:

— Как бы мне батюшку родного повидать?

— Погубит тебя Яженя,— отвечает мать,— не ходи, сынок.

Но сын очень хотел повидать отца, и мать согласилась. Обернула она его комаром, и полетел он вслед за кораблем. Пришел корабль в гавань. Царь спрашивает матросов:

— Что нового на белом свете?

— На острове, где раньше не было ничего, теперь стоят такие же палаты, как у тебя, батюшка-царь, и живет в них красавица с сыном,— отвечают матросы.

А комар сидит на оконнице и все слышит. Яжене не понравилась речь матросов, она и хвастает:

— У моего брателки есть бык, на хвосте у быка баня, на спине — озеро, а на рогах — дворец. В бане можно помыться, в озере искупаться, во дворце отдохнуть.

Комар слушал-послушал, прилетел обратно на остров, матери все это и рассказал.

— Хорошо, если бы и у нас все это было, матушка.

— Как скажешь — так и будет, сынок,— она ему говорит.

Тут же появился у них бык, на хвосте у быка баня, на спине — озеро, на рогах — дворец.

Было-побыло. Снова корабли к острову пристали, матросы диковинным быком полюбовались и поплыли к царю. А царица обернула сына комаром и отправила вслед за кораблями. Царь начал расспрашивать матросов про остров, а Яженя их перебивает:

— У моего брателки есть озеро хрустальное, берега кисельные, ложки серебряные, хлебай сколько хочешь — а убыли нет.

Вернулся сын к матери, рассказал про чудо.

— Хорошо, если бы и у нас все это было, матушка.

— Как скажешь — так и будет, сынок,— ответила мать.

У них все и стало, как сын рассказал.

Снова корабли пристают к острову, сын снова просится:

— Матушка, отпусти меня к отцу.

Обернула она его опять комаром. Приплыли корабли в гавань. Рассказали матросы царю о том, что видели на острове. А комар сидит на оконнице и слушает. Не

понравился Яжене рассказ матросов, решила она их перебить.

— У моего брателки,— хвастает Яженя,— есть восемь сынков, что ясных соколов, днем они бегают волками, а ночью молодцами становятся.

Скоро сказка сказывается, а по успехам дело делается. Прилетает сын к матери.

— Матушка, Яженя хвастает, что у ее брата есть восемь сынков, что ясных соколов, днем они бегают волками, а ночью молодцами становятся.

— Сынок,— говорит мать,— это и есть твои братья, а мои дети.

Испекла она сыну восемь колобков на парном молоке и говорит:

— Иди в чисто поле, спрячься под ель. Они к ночи прибегут, обернутся молодцами. Как только они уснут, положи им колобки.

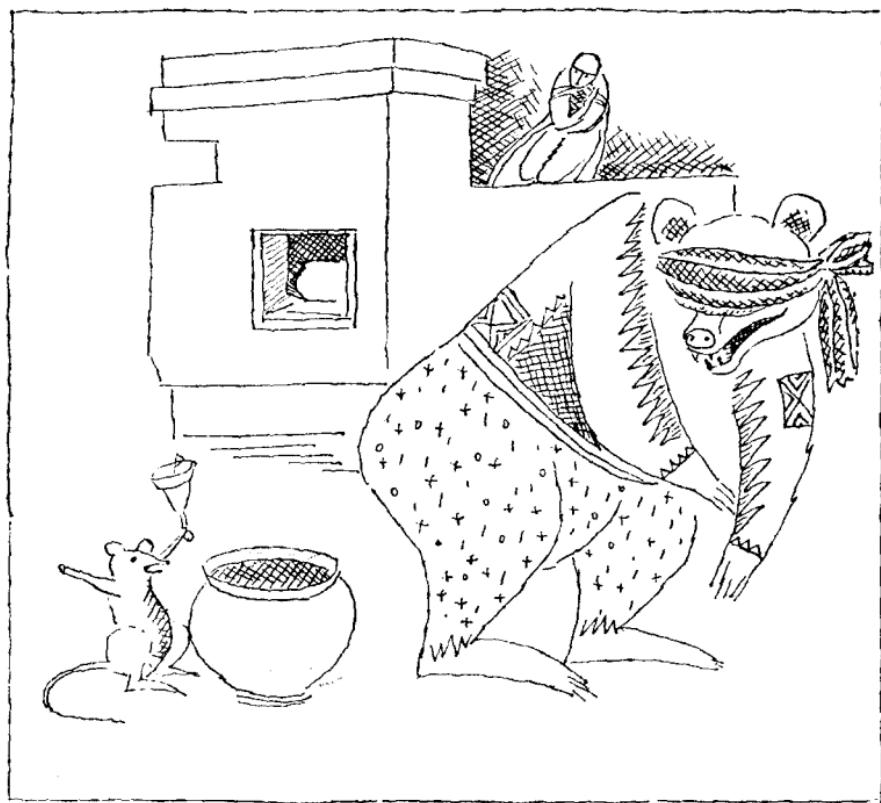
Наступил вечер, пошел сын в чисто поле, увидал ель, сел под нее и ждет. Прибежали восемь волков, хлопнулись о землю и обернулись молодцами. Попили, поели и спать легли. Положил им братец каждому по колобку, что мать испекла. Утром братья встали, увидели колобки, съели, а капли парного молока на губах остались. Больше обернуться волками и не могут. Вышел тут девятый братец, поздоровался с ними, рассказал обо всем.

Пришли они к матери, стали ее обнимать, целовать, обрадовались все. Ну и стали все вместе жить на острове.

Дошла до царя весть, что у царицы на острове есть девять сыновей, что ясных соколов: во лбу солнце, на затылке месяц, по косицам часты мелки звездочки. Захотелось ему посмотреть на них. Ничего не сказал Яжене, сел на корабль и поехал на остров. Подъезжает к острову, а на пристани его встречает царица с девятью сыновьями. Узнал он жену свою любимую и детей. Посадил их царь на корабль и повез домой.

Яженя от страха не знает, куда и спрятаться. Приказал царь засмолить ее в бочку и бросить в море. Так она и плавает до сих пор по волнам, ни к какому берегу пристать не может. А царь устроил пир на весь мир.

МЫШКИН КОЛОКОЛЬЧИК

Жил-был старик со своей дочкой Дуней. Жена у него умерла. Взял он другую в жены, а у нее тоже была дочь, звали ее Наташой. Мачеха свою дочку любила, жадела, кормила отдельно, а Дуню заставляла всю работу по дому и в хлеву делать. И захотела она Дуню со света сжить. Вот и говорит старику:

— Куда хочешь, туда и девай свою дочь, хоть в лес вези и оставь там — пусть ее медведи съедят.

Думал-подумал старик и решил отвезти дочь в лес: житься от жены не стало. Встал рано утром, запряг лошадь, насыпал пшена в мешочек, взял свечку, спички и говорит:

— Поедем, Дуня, в лесную избушку, я буду дрова рубить, а ты пряжу прядь.

Дуня согласилась. Взяла она пряжу, и они поехали.

Долго ехали. Привез старик дочку в избушку, принес ей дров.

— Сиди, Дуня, пряди пряжу, — говорит он ей, — а вечером я за тобой приеду.

Сам вышел на улицу, привязал к березке щепку, ветер щепку о березку колотит, а девушке слышится, будто топор дрова рубит. Сидит Дуня, прядет, темнеть уже стало. Зажгла она свечку, поставила кашу вариться — есть захотела. Сварила кашу, а отца все нет да нет. Села есть, вдруг видит — мышка выбежала из-под пола.

— Девушка, дай мне кашки.

Положила Дуня ей кашки, хлеба, сама поела. Погасила свечку и сидит, ждет, когда отец приедет. Вдруг в полночь услыхала она стук в дверь. «Отец приехал!» — думает Дуня, дверь открыла, а в избушку вваливается медведь, за плечами мешок, и говорит:

— Дуня, давай в жмурки играть. Если я тебя поймаю — съем. Не поймаю — дам тебе мешок золота.

Дуня согласилась. Медведь дал ей колокольчик и говорит:

— Бегай и звони этим колокольчиком.

А мышка выбежала из-под пола и шепчет:

— Дай, девушка, мне колокольчик, а сама полезай на печку.

Бегает мышка с колокольчиком, медведь никак не может ее поймать. Бегал, бегал, до того добегал, что лоб себе разбил о косяки, устал.

— Ну, мастерица ты, Дуняша, в жмурки играть. Вот тебе мешок золота, а я пошел.

Утром едет отец проводить, жива ли дочь, и думает: «Наверно, косточки одни остались от моей Дуни». Приезжает в избу, а Дуня радехонька:

— Мне медведь мешок золота подарил!

Посадил отец Дуню на сани и повез домой. Едут, а Жучка:

— Тяф, тяф, тяф!

Выходит мачеха на крыльцо, а Жучка опять:

— Тяф, тяф, тяф! Дуня едет, мешок золота везет.

А мачеха ей:

— Замолчи, какое там золото! Косточки Дунины в мешке брякают, медведь ее съел.

Подъехал отец к дому. Дуня на санях сидит, мешок золота держит. Завидно стало мачехе.

— Моя Наталья больше привезет! Завтра же свези ее в лесную избушку.

На другой день старик повез неродную дочь, взял хлеба, крупы. Привез и оставил. Сидит девушка, стемнело, она кашку сварила. Опять мышка выбежала.

— Девушка, девушка, дай мне кашки.

Она на мышку как топнет:

— Сама съем! Ничего тебе не будет.

Мышка и убежала под пол. Пришла полночь. Вваливается в избушку медведь, опять с мешком золота.

— Ну, Наташа, давай в жмурки играть! Я дам тебе колокольчик, ты бегай да звони. Если я тебя поймаю — съем, не поймаю — дам тебе мешок золота.

А мышка-то и не выбежала. Наташа только брякнула колокольчиком, медведь ее сцепал да и съел.

Утром жена не дает старику покоя:

— Поезжай и привези мою Наташу, да золото не забудь, у нее еще больше будет, чем у твоей дочки!

Поехал старик, собрал косточки и домой едет. А ма-чеха уж на крыльце стоит, встречает. Жучка опять лает:

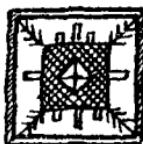
— Тяф, тяф, тяф! Старик едет, Наташины косточки в мешке везет.

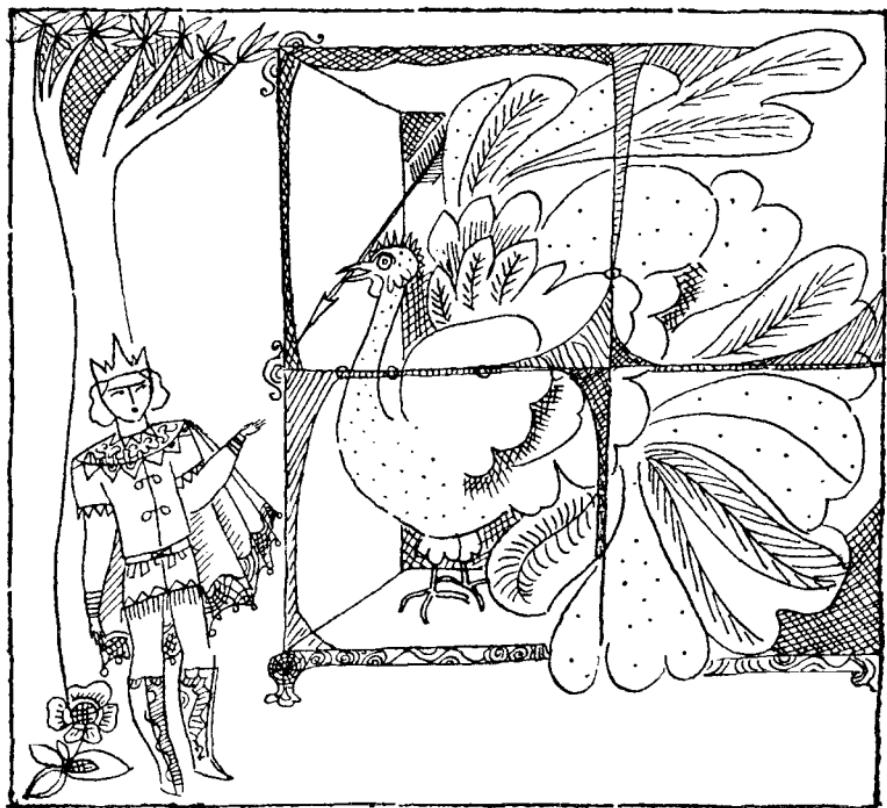
А мачеха ей:

— Какие косточки? Наташино золото везет.

Подъезжает старик, она сходит с крыльца, а в мешке косточки Наташины брякают.

Вот и сказка вся, больше врать нельзя.

ЖАР-ПТИЦА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь со своей женой и сыном. Была у этого царя Жар-птица. Вот как-то ходил царевич по двору и стрелял из самострела. Попала его стрела птице в клетку. Он и просит:

— Отдай, Жар-птица, стрелку.

— Выпусти меня из клетки, Иван-царевич, тогда отдам.

Он и выпустил.

— Когда будет у тебя беда, вспомни меня, и я помогу,— говорит Жар-птица.

Приходит царь, глядит — клетка есть, а Жар-птицы нет. Царь у всех и спрашивает:

— Кто Жар-птицу выпустил?

— Я, папенька, выпустил,— отозвался сын.

— Коли выпустил ты ее без позволения, то я выгоню тебя из своего государства.

Дал царь сыну с собой кривого лакея и сказал:

— Иди куда хочешь. А ты, лакей, охраняй его.

И отправились царевич с лакеем путешествовать. Шли долго ли, коротко, близко ли, далеко, увидали колодец. Царевичу пить захотелось, он и просит лакея:

— Достань мне водички из колодца напиться.

— Достать-то нечем. Надо спуститься в колодец,— говорит лакей.— Если я спущусь, тебе меня не поднять. А тебя я подниму, ты и спустись.

Царевич спустился, напился сам, лакею подал и говорит:

— Ну, поднимай теперь.

А лакей ему:

— Дай мне твое платье, а сам надень мое — будешь моим лакеем. Тогда подниму.

Что делать? Не помирать же в колодце. Отдал Иван свое платье лакею, а его платье надел на себя. Царевич стал лакеем, а лакей — царевичем. И пошли они далее путешествовать. Дошли до другого государства, приходят к царю. Царь их принял, угостили.

Прошел, может, день, может, неделя, хоть и кривой царевич, да в особой комнате. А было у этого царя много коз. Какой пастух ни пасет — все козы теряются. Вот царь и спрашивает у новоявленного царевича:

— У тебя есть лакей, может, он крестьянин, деревенский? Не умеет ли он коз пасти?

Позвали Ивана.

— У меня коз много,— говорит царь,— а пасти некому. Согласился Иван.

Приходит утро, выпускают коз, он и погнал стадо. Пригнал он стадо в поле, грустно ему стало: царевич, а скот пасти надо, лег и заснул. Пробудился — коз нигде нет, все разбежались, не знает, где и искать. Вдруг вспомнил он про Жар-птицу. Откуда ни возьмись, летит Жар-птица.

— Что, Иван-царевич, вспомнил про меня? Ну, садись, полетим ко мне в гости.

Прилетели в терем. Угостила Жар-птица Ивана как следует и дала скатерку-хлебосолку. На стол постелешь — всякие кушанья появятся.

Принесла Жар-птица Ивана на поле, он смотрит — все козы прибежали, и стало их чуть ли не вдвое больше.

Пришло время к вечеру, он гонит стадо домой. Царь с кривым лакеем стоят на мостике, удивляются, что

пастух так много коз пригнал. Царь доволен, распорядился принести Ивану ужин. Иван есть его не стал, за оконко собакам выкинул. Расстелил скатерку — все на столе и появилось. Царевна это подсмотрела. Не успел он поужинать, подходит она к нему и просит:

— Продай, пастушок, мне эту скатерку-хлебосолку. Сколько стоит, я тебе заплачу.

— Не нужно мне платы, так могу подарить.

Ушла царевна со скатеркой, он спать лег. А поутру надо опять стадо гнать. Пригнал он его в лес, лег на землю — и заснул. Пробудился — опять коз нет. Вспомнил про Жар-птицу, а она тут как тут.

— Ну, садись на меня, Иван-царевич, полетим ко мне в гости.

Угостила она его опять и подарила гусли-самогуды. А затем принесла на то место, где скот пасся. Коз чуть ли не вдвое больше стало. Гонит он стадо, а царь радуется, что коз с каждым днем прибавляется.

Пришел Иван к себе, поел, попил и начал на гуслях играть. А царевна опять и приходит:

— Продай мне гусли, пастушок.

— Я и так могу подарить.

Взяла она гусли и спрашивает:

— Признайся, пастушок, какого ты роду-племени?

— Я, — отвечает, — сын крестьянина.

А царевне в это не верится.

Ночь прошла, пастух на третий день гонит стадо. Пришел на то же место, где в прежний раз пас. И опять заснул. Встал — коз нет. Подумал о Жар-птице, а она тут и есть.

— Ну, Иван-царевич, теперь полетим последний раз ко мне в гости. Покажу тебе своего дедушку.

Привела она его к деду, лежит дед в постели — нездоров.

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что мою внучку спас. Подарю я тебе за это жеребца, сбрую и снаряжение богатырское. Только даю такой наказ: коня оставляй в чистом поле, до царя не доеzzай. А когда конь тебе понадобится, кликни: «Конь богатырский, стань передо мной, как лист перед травой. Как служил дедке-белобородке, так и мне, Ивану-царевичу, послужи». Ну-ка, внучка, покажи ему коня.

Пришли на конюшню, а там жеребец стоит, на трех цепях прикованный.

Надел он на коня сбрую, на себя — всю военную

амуницию: шашку, ружье, винтовку. Распростился — и уехал.

Приехал Иван в поле, пустил коня пастьись, а стадо погнал к царю. Царь видит, что скот уже во двор не вмещается, благодарит его, жалует.

Через какое-то время пошло соседнее царство против этого царя войной. Загоревал царь, просит кривого царевича помочь. Тот говорит:

— Я, пожалуй, помогу.

— Если только с вражеским войском справишься,— говорит царь,— то отдам за тебя замуж свою дочь.

Поехал кривой царевич из дворца, а царевна пришла к пастушку и стала просить о помощи отцу.

— Сходи,— говорит пастушок,— попроси у своего отца лошадь для меня, если даст — то поеду воевать.

Дали ему лошадь, выехал он в поле, отвел ее в сторону и кликнул своего богатырского коня. Конь прибежал, на нем сбруя, все снаряжение.

Едет Иван, увидел кривого лакея, стегнул его плеткой и вперед поехал. Все войско разбил, несет на шашке корону царскую. Лакей не узнал Ивана и говорит:

— Продай, товарищ, корону.

— Не продажно, а заветно,— отвечает Иван.

— А какой завет?

— Отсеки с правой ноги большой палец.

Отсек лакей палец, Ивану отдал, а корону себе забрал.

Завернул Иван палец в платок, дальше поехал. Приехал он в поле, отпустил своего коня.

А лакей приходит к царю, подает корону, будто он разбил войско неприятеля.

Прошло несколько времени, другое государство войну затевает. Царь кривого царевича спрашивает:

— Не можешь ли помочь?

А про Ивана и не вспоминает, одна только дочь про него знает.

Опять пришел Иван в поле, кликнул своего богатырского коня и поехал. По дороге нагнал лакея, стегнул его плеткой, а сам поехал вперед. Разбил он войско, едет обратно с короной, навстречу лакей попадает.

— Товарищ, продай корону.

— Не продажно, а заветно. Отсеки от левой ноги палец — тогда и корону отдам.

Не долго думая отсек кривой второй палец. Завернул Иван палец в платок и поехал. Приехал в поле, отпустил своего коня.

А царевна все его спрашивает-пытает, кто он такой да какого рода-племени. Он — все одно:

— Я — крестьянский сын.

А сам думает: «Придет время — тогда и скажу».

Сказка скоро оказывается, может, и не один год прошел. Опять с войной идут, все на этого же царя. Кривой снова согласился поехать воевать. Царевна пришла к Ивану и спрашивает:

— Ну что, пастушок, поедешь ли?

— Поеду, царевна. Но если я не вернусь, а тебя будут выдавать замуж за кривого царевича, ты спроси, все ли у него пальцы на ногах.

Царевна пошла в поле, будто гулять. Видит, приехал Иван-пастушок, со своей худящей лошаденки слез и крикнул:

— Конь богатырский, стань передо мной, как лист перед травой, как служил дедке-белобородке, так послужи мне, Ивану-царевичу.

Конь прибежал. Берег Иван его за узду, сел и вперед поехал. Не забыл по дороге кривого плеткой угостить. Ну вот, разбил он войско, остался жив-здоров. А лакей опять и высекивает:

— Продай корону, товарищ.

— Не продажно, а заветно. Отсеки от правой руки палец.

Отсек кривой палец от правой руки, Ивану отдал. Сам приходит во дворец, царю уж третью корону подает.

— Ну, царевич,— говорит царь,— теперь я отдам дочь замуж за тебя.

Через три дня и свадьба назначена. Вот прошло три дня, собираются гости за стол. А Иванушки-пастушка, бедного, нет. Тут и вспомнили: «Где Иванушка-пастушок? Позвать его!»

Одеся он в худящее платьишко, пришел. Вышла царевна из-за стола, стала подносить гостям угощение. И подносит Ивану-пастушку первому. Потом всех гостей обнесла, а своему жениху подает последнему. Отец и мать спрашивают:

— Почему ты, дочь родная, так делаешь?

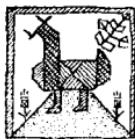
— Пусть сначала жених покажет, все ли у него пальцы на ногах. Не тот жених, который за столом сидит, а тот жених, который у порога стоит.

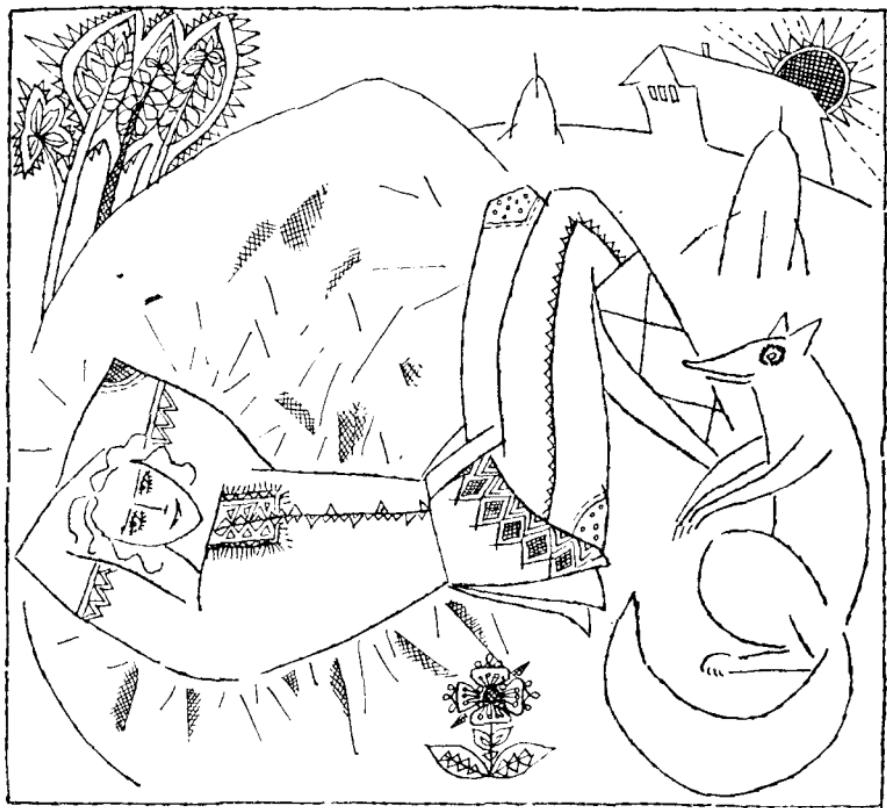
Тут Иван вынимает платок, а там три пальца кривого лежат.

— Вот,— говорит,— палец с правой ноги, вот палец с левой ноги, а вот с правой руки палец. Все гости и решили:

— Тот твой суженый, что у порога стоит.

Переодели пастуха в чистое платье, а кривого лакея прогнали. Царь все царство жениху отдал и живет себе преспокойно. Вот и все.

СОЛОМАН И ЛИСА

В одной семье родился мальчик, назвали его Соломан. Родители скоро умерли, остался Соломан один. И не было у него никакого богатства — только коза на дворе. А сам он спал на соломе. Узнала лиса, что у Соломана есть коза, приходит и говорит:

- Соломан, я твою козу съем.
- Как же ты ее съешь, если у меня ничего больше и нет.
- Отец у тебя есть?
- Нет.
- Мать есть?
- Нет.
- Жена есть?
- Нет.
- Что же у тебя есть?
- Ничего, только одна коза.

- Как же ты будешь жить неженатый?
- Да кто за меня пойдет, как я бедный?
- Ничего, я женю тебя на королевской дочке. А как женишься, то козу мне и отдашь.
- Да за меня и простая девушка не пойдет.
- Не сомневайся, поженю.

Вот и побежала лиса. Бежит лесами, бежит болотами. Прибежала в город. Идет по городу, а люди все удивляются — откуда в городе лиса?

Села лиса перед королевским дворцом и сидит. Слуги, няньки бегут к королю:

- К нам во дворец лиса пришла.
- Что за чудо? Надо пойти посмотреть.
- Вышел, а лиса ему и кланяется:
- Здравствуйте, ваше величество!
- Ну, проходи, расскажи, по каким делам идешь и куда?

Зашла лиса во дворец, села на стульчик и говорит:

- Царь Соломан послал меня к вам сватать вашу дочку.

— Ну что ж, если он очень богат — то можно и отдать.

- Сначала задаток дайте, ваше величество, а там и свадьбу справлять будем,— говорит лиса.

— Что же ему в задаток дать?

- Да хоть монеты золотые. А то ведь он так-то мне не поверит.

Завернул ей царь в платочек монеты, привязала она их на шею и ушла. Прибежала к избе Соломана и говорит:

— Ну, Соломан, я королевскую дочь сосватала.

— Да что ты, лиса?

— Да уж договорились. Поедем свадьбу справлять.

— Как же я поеду? Мне и надеть нечего.

— Все будет. Вот на эти золотые монеты купим, король задаток дал. Как поедем, по дороге будет мост, ты и свались под мост в грязь, а я побегу в город людей на помощь звать, чтобы пришли и тебя вытащили.

Вот свалились они под мост, Соломан схватился за столб и держится, весь в грязи. А лиса побежала людей звать:

— Спасите, спасите, все погибло, все утонуло!

Вытащили люди Соломана, а лиса пришла к царю и говорит:

— Все у нас погибло, и свидетели есть.

Люди все подтверждают. Мол, вытащили Соломана, а он весь в грязи.

— Хватит для него костюмов,— говорит царь.

Вот сыграли свадьбу, и поехали молодые в дом жениха.

Едут, а лиса и говорит Соломану:

— Куда я побегу, туда и ты поезжай.

Прибежала в городе в богатый дом.

— Вот,— говорит,— едет царь Соломан, везет королевскую дочь. Угощайте их как дорогих гостей, примите его за племянника, чтобы она подумала, что вы его родня.

А сама побежала к Соломану и говорит:

— Как пройдет два-три дня, так собирайся и выезжай.

А я побегу, твою хату подожгу, потом и вас встречу.

Подъезжают Соломан с женой к мосту, а лиса навстречу бежит:

— Соломан, дворец твой сгорел, и все богатство сгорело, ни одного слуги-пастыря нет, все куда-то сбежали!

Обманывает, чтобы жена Соломана думала, что было богатство.

Жена Соломана и заплакала:

— Как же мы жить теперь будем, несчастные?

— Подадим весть отцу, может, он нам и поможет,— говорит Соломан.

Вернулись они обратно, лиса мигом к королю:

— Вот такое несчастье случилось, ваше величество,— дом сгорел, и все богатство сгорело.

— Где же были пастыри? Слуги? Кто же караулил?

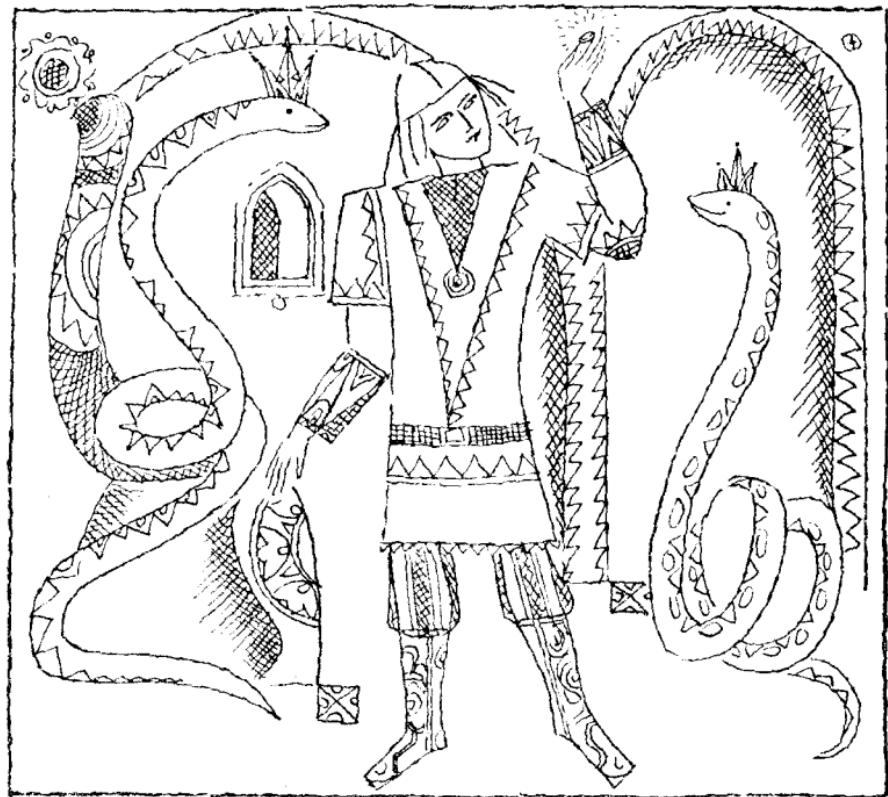
— Да как дворец сожгли — так от страху все и разбежались.

— Ладно,— король говорит,— построим им дворец, пусть живут.

Построили им дворец, и стали они жить. А лиса говорит Соломану:

— Будь счастлив, а я пойду съем твою козу.

ЖЕМЧУЖНЫЙ ПЕСОК

Жил-был купец. Пожил сколько-то и помер. Осталась жена с маленьким сыном. Вот вырос сын и говорит матери:

— Мама, дай мне сто рублей, я пойду в город, может, куплю чего-нибудь.

Пришел он в город, походил, посмотрел — ничего ему не приглянулось, не купил ничего. Идет обратно, навстречу ему попадается старичик с кошкой. Старичик и говорит:

— Слушай, молодец, купи у меня кошку. Она тебе пригодится.

— А сколько она стоит, дедушка?

— Всего сто рублей.

Отдал он деньги, взял кошку и дальше пошел. Пришел домой и говорит матери:

— Мама, я кошку купил.

— Напрасно, сынок, деньги тратишь.

— Пусть она у нас живет, может, и пригодится.

Вот живут они дальше. Прошло сколько-то времени, сын и говорит:

— Мама, дай мне двести рублей. Пойду схожу в город, куплю что-нибудь.

Мать дала ему денег. Приходит он в город — и опять не нашел ничего хорошего, никакого редкого товару. Выходит за город, и попадается ему навстречу старишок, за ним собака бежит.

— Купи, молодец, у меня собаку. Она тебе пригодится.

— А сколько стоит твоя собака?

— Двести рублей.

Взял он собаку и пошел к матери. Приходит и говорит, что собаку купил.

— Ох, сынок, напрасно деньги тратишь. Ведь у нас мало осталось.

— Ничего, мама, наживем.

Пожили они, пожили, мать и говорит:

— Сынок, денег у нас больше нет, на что жить будем?

— Дай-ка, мама, мне палицу, с которой батюшка в молодости на охоту ходил.

Дает ему мать палицу, и отправился он в путь-дороженьку. Встречается ему большой дом. Заходит он в дом, а в том доме жила богатая барыня. Она и говорит ему:

— Прослужи у меня год, Иван купеческий сын. Повадился сюда летать Змей — ворует из моей казны. И если ты казну сохранишь, то я щедро награжу тебя.

Привела она его к погребу, открыла двери, впустила туда и дала всяких съестных припасов. Вот сидит Иван купеческий сын и караулит. Вдруг прилетает Змей, Иван ударил его палицей раз, и второй, и третий. Взмомлился Змей:

— Иван купеческий сын, не бей меня, я не стану сюда летать и воровать, а еще тебе приносить буду.

Дальше караулит Иван купеческий сын. А Змей все летает и казну пополняет. Так прожил Иван год. Хозяйка приходит, смотрит — а в казне не убыло, а прибыло.

— Ну, Иван купеческий сын, что тебе надоено в награду — злата или серебра?

— Не надо мне ни злата, ни серебра, — говорит Иван, — дай мне один мешок жемчужного песку.

Дает она ему мешок:

— Сам насыпай, сколько можешь нести.

Насыпал он полный мешок, перекинул через плечо и пошел домой. Идет Иван мимо сухого болота и видит — все горит. Вдруг встает из-за куста Змей и просит:

— Иван купеческий сын, высыпь этот песок на огонь, тогда пожар прекратится — и ты спасешь наше царство.

Высыпал Иван весь жемчужный песок, и огонь погас.

— Подожди, — говорит Ивану Змей, — я схожу к своему батюшке в подземелье и скажу, что ты избавил нас от беды. Батюшка одарит тебя.

Возвращается Змей.

— Вот, Иван купеческий сын, тебе кольцо. Переложи его с руки на руку — и будет все, что ни пожелаешь. Только, смотри, не потеряй.

Надел Иван кольцо на руку, распростился со Змеем и пошел. Приходит домой, мать и спрашивает:

— Нажил ли чего, сынок? Мне тебя с дороги и накормить нечем.

— Ложись, мама, спать, утро вечера мудренее.

Вот полночь приходит, он снимает с руки кольцо и перекладывает на другую руку. Выскакивают три молодца.

— Что прикажешь, Иван купеческий сын?

— Ребята, принесите моей матери столько съестных припасов, чтобы она больше не нуждалась.

Утром мать встает и видит, что все кладовые полны-полны.

— Где ты, сынок, все это достал?

— Волшебным путем, — отвечает сын.

Попили они чаю, Иван и посыпает мать:

— Маменька, поди сходи к царю, посватайся.

— Что ты, сынок, разве мы царю рóвня?

Но все же оделась и пошла. Приходит к царю и говорит:

— Ваша царская светлость, я пришла к вам за добрым делом: у меня есть сын, а у вас — дочь, так нельзя ли породниться? Не отадите ли свою дочь моему сыну в супружество?

— Можно и породниться, только пусть твой сын сначала построит такой же дворец, как у меня, и чтобы во дворце людей всякого звания множество было. Выполнит службу — отдам дочь замуж. А нет — худо вам с сыном придется.

Идет мать от царя и плачет, пути-дороги не видит.

«Ну,— думает,— попал сын в беду. Где ему построить такой дворец?» Приходит домой и говорит:

— Ну, сын, дал тебе царь службу — сделать дворец, как у него. Где же тебе это исполнить?

— Ложись, мама, спать, утро вечера мудренее.

Встал он в полночь, переложил кольцо с руки на руку — выскочили три молодца.

— Что прикажешь, Иван купеческий сын?

— Ребятки, сработайте дворец, чтобы лучше царского был, и чтобы в нем были люди разного звания, и чтобы вокруг дворца был сад.

Царь утром посмотрел в окно, удивился — стоит великолепный дворец, краше его.

Опять посыпает Иван свою матушку:

— Иди, мама, сватайся снова, что царь теперь скажет?

Царь и говорит:

— Ну, сватая, чтобы ехать с моей дочерью к венцу, нужно две пары коней золотых и две пары серебряных, да еще кареты к ним в придачу.

Мать возвращается домой:

— Ну, сынок, попал ты на беду, задал царь тебе новую службу.

И все ему рассказала.

— Ложись, мама, спать, утро вечера мудренее.

Как только наступила полночь, он кольцо с одной руки снял и на другую переложил. Выскакивают три молодца.

— Что прикажешь, Иван купеческий сын?

— Ребята, нужно две пары золотых коней, две пары серебряных и две кареты к ним в придачу, чтобы ехать мне к венцу с царевной.

— Все будет сделано, Иван купеческий сын!

Утром посмотрел в окошко — стоит четверка коней золотых, четверка серебряных, в кареты впряжены, и кучера сидят, дожидаются.

Стали готовить царскую дочь к венцу.

Взял Иван купеческий сын царевну за правую руку, повел ее к золотой карете, сели и поехали венчаться. Царь тоже поехал, в серебряной карете.

Три дня пировали — свадьбу играли.

Стал Иван купеческий сын жить-поживать со своей царевной во дворце. И вот однажды жена у него спрашивает:

— Скажи, Иван, как ты смог в такое короткое время все службы сослужить, которые тебе давал батюшка?

Он и признался:

— Есть у меня на руке кольцо волшебное, что захочу,— то и исполнится.

Царская дочь и думает: «Украду у него это кольцо!»

Устроила она пир. И как только поздно вечером Иван уснул, сняла кольцо с его руки и переложила на свою. Сразу выскочили три молодца.

— Что прикажете, прекрасная царевна?

— Ну-ка, молодцы, сегодня же ночью перенесите меня вместе с дворцом в заморское королевство к принцу, и чтобы мой муж оказался в своей прежней лачужке вместе со своей матерью.

Сказано — сделано. Царь утром встал — нет ни дворца, ни дочки с зятем. Слуги бегали, бегали, нигде найти их не могут.

Царь приказал осмотреть прежний дом Ивана. Слуги пришли — а Иван там. Привели они его к царю.

— Скажи-ка ты мне,— кричит царь,— куда мою дочку девал? Иначе я посажу тебя в темницу, продержу там девять дней, а на десятый казню.

Посадили Ивана в темницу. А собака и кошка узнали, что их хозяин посажен, и прибежали к темнице. Залезла кошка по стенке на окошко, пробралась к Ивану.

— Милый хозяин,— говорит ему кошечка,— мы тебя выручим.

— Как же вы меня выручите?

— Мы сходим за тридевять морей, тридевять земель, в то королевство, куда твоя жена сбежала. И принесем твое кольцо.

— Что ж, идите. Но не забудьте, что на десятый день меня казнят.

Кошка спустилась, и побежали они с собакой. Бежали, бежали, прибежали к морю и поплыли. Плыли, плыли, кошка стала уставать и говорит собаке:

— Слушай, собака, возьми меня к себе на спину.

Собака взяла ее на спину, и дальше поплыли. Плыли, плыли, море переплыли, побежали посуху. Бежали, бежали, прибежали ко дворцу принца. Кошка забралась через окошко в спальню к царевне и спряталась. Ночью пришла царевна и легла с принцем спать. А кольцо она днем на руке носила, ночью во рту держала — нигде не оставляла. Кошка поймала мышку и пустила царевне на одеяло. Та вскочила, перепугалась, раскричалась — кольцо из-за щеки и выпало. Кошка его схватила, в оконко выпрыгнула, к собаке прибежала.

— Ну, собачка, теперь бежим быстрее, пока нас не поймали.

Бежали, бежали, прибежали к морю и поплыли. Кошка держит кольцо у себя во рту. Вдруг налетел ветер, поднялись большие волны, кошка совсем выбилась из сил.

— Собачка, возьми меня на спину, я больше не могу плыть.

А собаке тоже хочется нести кольцо хозяина, она и говорит:

— Слушай, кошечка, отдай мне кольцо, теперь я его понесу.

— Нет, собака, я кольца тебе не отдаам, у тебя зубы редкие, длинные, ты его утеряешь.

— Ну, если не дашь, то я тебя больше на спине не понесу.

Делать нечего. Отдала кошка собаке кольцо, и дальше поплыли. Тут ударила большущая волна, накрыла собаку с головой, вода попала ей в нос, она закашлялась — кольцо и упало в море. Приплывают они к берегу, собака и говорит:

— Кошечка, кольцо-то я в море уронила.

— Так я и знала, что ты потеряешь его!

На берегу стояла избушка, в ней жили старик со старухой, ловили рыбу. Возвращаются они с рыбалки, старуха пошла к избе и видит собаку с кошкой.

— Дед, откуль-то к нам прибежали собака и кошка.

— Пусть живут, рыбы у нас и для них хватит,— говорит старик.

Стал он рыбу пороть и чистить, а кошка с собакой возле карбаса¹ сидят, смотрят. Накормили старики их рыбой и спать повалились. Утром встали, опять поехали сети ставить. Приезжают обратно с рыбой, а кошка с собакой их уже дожидаются. Распорол старик последнюю щуку, а у щуки в животе кольцо.

— Ну и чудеса,— старик удивляется.

Взяла старуха кольцо, положила в избе на полку. Только старуха отвернулась, кошка кольцо схватила, и побежали они с собакой. Собака кольца у нее больше не просит.

А Ивану уже один день жизни остался. Прибежали они к темнице, кошка поднялась по стене на окошко

¹ Беломорская лодка.

и подает своему хозяину кольцо. Берет он кольцо, переложил с руки на руку — выскочили три молодца.

— Что прикажешь, Иван купеческий сын?

— Ребята, нынче ночью перенесите мой дворец обратно, и чтобы сад был, как прежде, а во дворце царевна с принцем.

Утром встает — дворец на прежнем месте. Приходит к царю и говорит:

— Ваша царская светлость, можете посмотреть на свою дочь.

Приходит царь во дворец, а там сидит его дочь с принцем.

— Ну, зятюшка,— говорит он,— воля теперь твоя, делай с ними, что хочешь.

Принц испугался, вскочил. А Иван ему:

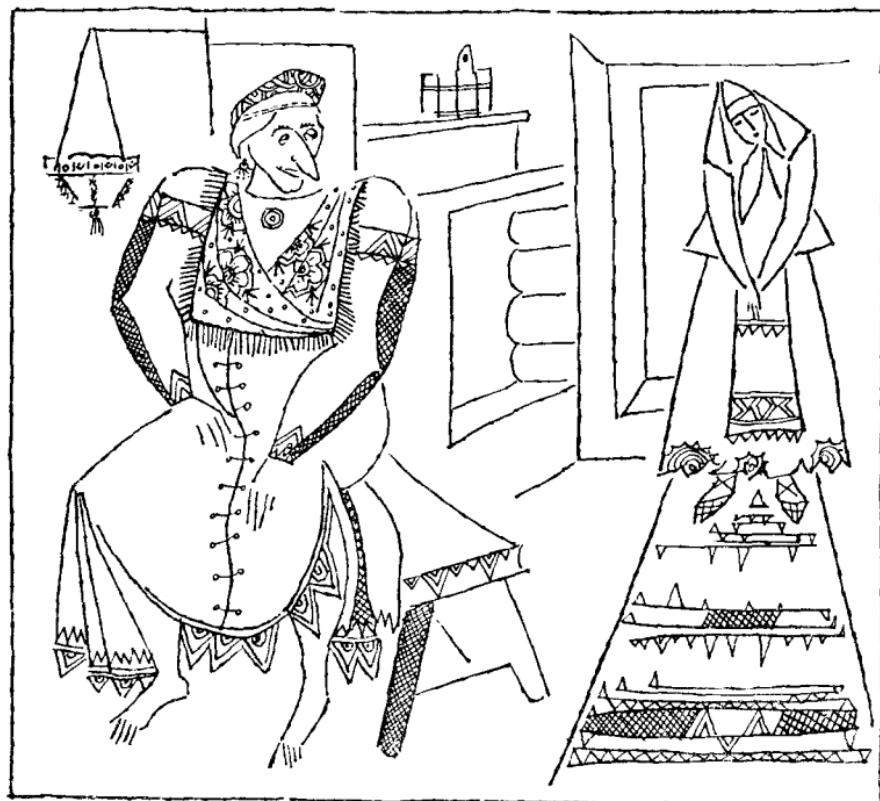
— Можешь ехать в свое королевство: не ты ее увез, она сама к тебе приехала.

— Ну а с тобой что делать? — спрашивает он жену.

— Прости меня, Иванушка,— упала она ему в ноги,— впредь буду верной тебе женой!

И стали они дальше жить-поживать.

МОХОВАЯ ПРЯЖА

Жил-был мужик, были у него жена и дочка. Как-то заболела жена и умерла, остался он с дочкой. Вот жил-пожил мужик и думает: «Надо мне какую-нибудь хозяйку найти». Пошел в деревню. Идет навстречу женщина, ведет за руку девочку и спрашивает:

- Куда ты пошел?
- Жену искать.
- Так возьми меня.
- Пойдем.

Привел он ее к себе домой, и стали жить. Живут-поживают, детей ростят. Невзлюбила мачеха падчерицу и решила ее извести. «Дам своей дочке шелк прясть, а этой — мох,— решила она,— у которой пряжа оборвется, ту и пошлю в проруби мочить». Падчерица стала прясть, а мох и оборвался. Вот и послала мачеха падчерицу мох в проруби мочить. Идет девушка по дороге

и плачет. Попадаются ей навстречу овцы, на рогах ножницы висят.

— Девушка, куда идешь?

— Прорубь ищу, мох надо размочить.

— Возьми ножницы, остриги нас, а шерсточку себе забери.

Взяла она ножницы, остригла овец, шерсточку собрала и пошла дальше. Идет, а проруби все нет. Встречаются ей коровы, на рогах подойники висят.

— Девушка, куда идешь?

— Прорубь ищу, мох надо размочить.

— Подои нас, девушка, а молочко возьми себе.

Подоила девушка коров, дальше идет. Шла, шла, пришла на поле, с краю поля избушка стоит. Заходит она в избушку, в ней сидит старуха — волосы длинные, нос большой, вместо крюка им уголья сгребает, волосами печку пашет, языком стряпню садит.

— Ты как сюда, девица, попала?

— Я прорубь ищу, шла мимо — зашла отдохнуть.

— А зачем тебе прорубь?

— Мачеха мох мочить послала.

— Ну-ка, девица, обряди моих коровушек. Никакой проруби впереди нет, побудь у меня.

Девушка пошла в хлев, коровушек накормила, напоила, всех подоила, вернулась в дом и говорит:

— Хозяюшка, я все сделала.

— А теперь, девица, истопи мне баенку.

Дала ей решето воду носить.

Девушка стала воду черпать, а вода-то бежит сквозь решето.

Прилетела птичка и чирикает:

— Девушка, глинкой замажь, глинкой.

Замазала девушка решето глинкой, наносила воды, истопила баню. Хозяйка и говорит:

— Поди, девица, помой моих детушек.

Девушка деточек напарила, намыла, сполоснула и из бани привела. Хозяйка и спрашивает детей:

— Хорошо ли она вас намыла-напарила?

— Хорошо, мамушка, лучше тебя.

Пришла хозяйка в хлев, коров спрашивает:

— Коровушки мои, хорошо ли вас девица накормила, хорошо ли подоила?

— Хорошо, хозяйка, лучше тебя.

«Что же дать ей в награду?» — думает старуха.

— Как ты, девица, живешь? — спрашивает она.

— Бедно, матери у меня нет. Что на мне — вся моя одежка.

Дала старуха девушке короб всяких нарядов и домой отпустила.

Пришла девушка домой, стала разбирать наряды, а мачеха с дочкой увидели — зависть взяла. Тут же мачеха дала своей дочке мох и сказала:

— Иди, мочи в проруби.

Идет она по дороге, навстречу овцы попадаются, просят остричь их. Девушка овец не остригла, мимо прошла. Встретились коровушки, она не подоила их, мимо прошла.

Вот пришла она к избушке в поле, зашла, а там старуха волосами печку пашет, носом уголья сгребает, языком стряпню садит, пироги печет.

— Куда идешь, девица?

— Ищу прорубь, мох мочить.

— Иди-ка, девица, подои моих коров.

Пошла она в хлев, которую корову побила, которой есть не дала, которую за рог дернула. Приходит в дом.

— Хозяйка, я все сделала.

— Теперь иди истопи баенку, — говорит старуха.

Пошла она баню топить, а воду-то надо решетом носить. Как черпнет — так все выливается. Летела мимо птичка.

— Девушка, глинкой замажь.

А она в птичку камешком бросила, да воды и не наносила. Пришла в дом, говорит:

— Хозяюшка, баня истоплена.

— Помой, девица, моих деточек.

Привела она детей в баню, а там холодно. Которого на полок бросила, которого за руку дернула, которого за ногу, похвостала сухим веником. Деточки домой прибежали, жалуются:

— Ой, мамушка, мы замерзли. Девушка кого за руку дернула, кого за ногу, сухим веником похвостала.

— Коровушки, как вас девушка накормила? — спрашивает старуха свою скотинку.

Одна говорит: «У меня рог вырвала», другая: «Меня метлой побила».

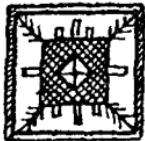
«Что же мне с такой ленивицей делать?» — думает старуха.

Положила в короб самое плохое платье и замок для амбара.

— Когда придешь домой,— говорит,— никого не бери смотреть мои подарки. Смотрите вдвоем с матерью. Девушка пришла домой и говорит матери с радостью:

— Пойдем скорее в амбар, старуха наказала вдвоем подарки смотреть.

Зашли они в амбар, открыли короб, а замок прыгнул на двери, закрылся — никто его и открыть не может. Так и остались мачеха со своей дочкой сидеть в амбаре. А к стариковской дочери стали женихи свататься, скоро и свадьбу сыграли.

НИКИФОРОВО ЧУДО

Давно это было. На берегу Белого моря в одной рыбакской деревушке жили три брата, два старших были женаты, а младший — холостой. Однажды осенью братья выехали на тоню. Приехали, заметали невод, пришло рыбешки совсем немного — на две ухи. Разожгли на берегу моря костер, подвесили котел, сварили уху. А дело было уже к вечеру, скоро на очаг укладываться. Истопили избушку, зажгли плошку с тресковым жиром и начали рассказывать разные истории. Вдруг за окном кто-то говорит:

— Развязать ли?

Бывали случаи, когда рыбаки друг другу дверь подпирали, завязывали, чтобы первыми выехать на промысел. Братья и отвечают:

— Развяжи, мил человек, развязи.

Прошло немного времени, старший брат вышел,

посмотрел — дверь не подперта, и лег спать. Наутро встали, подошли к вешалам, на которых невод сушился, а невода-то и нет. Весь невод размотан на нитки, нитки смотаны в моточки, а груз и поплавки положены вместе.

— Что за ерунда такая? — говорят братья.— Никогда такого не бывало!

Ну, делать нечего, погоревали-погоревали — как без рыбы домой поедешь,— а второго невода нет. С утра пошел дождь, к полудню прояснилось, появилось солнце, и пошли братья грибы собирать. Вечером судят-рядят меж собой:

— Что будем дальше делать?

Вдруг за окном опять кто-то говорит:

— Связать ли?

Братья в один голос:

— Свяжи, мил человек, свяжи!

Не спится братьям. Утром ни свет ни заря поднялись, пришли к вешалам, а на вешалах лежит новенький невод, будто с иголочки. Выехали на тоню, заметали этот невод, и, когда стали подтягивать его к берегу, оказалось, что невод полон рыбы. Целый день провозились братья, высачивали рыбу из мотни, а к вечеру, уставшие, говорят:

— Ну и чудо, такого еще не бывало. На день невод развязали, на второй связали, а рыбы никогда столько не было!

Провозились братья и второй день с рыбой — пока солили, домой отвозили. Вот дома все отдохнули, и говорят старшие братья младшему:

— Ты, Петр, у нас холостой, сходи-ка поищи другое чудо — Никифорово. Люди говорят, что это чудо — так чудо.

Петр помылся в бане, взял пару белья, кружку, хлеба краюшку и отправился в путь-дорогу. Шел он, шел, близко ли, далеко, низко ли, высоко — уже несколько дней идет. Подходит к одному местечку и видит около дороги шалаш, у шалаша стоит молодой человек, лет двадцати пяти, а несколько стариков — кто зябь пашет, кто солому убирает, а кто картошку копает.

— Здравствуй, мил человек,— говорит Петр.

— Здравствуй, далеко ли путь держишь?

— Да вот, Никифорово чудо ищу, не знаешь ли о нем?

И рассказал, как ловил с братьями рыбу.

— Слыхать — слыхал, но не знаю, где этот Никифор,—

ответил молодой человек. Повернулся к старикам и говорит: — Ну, сынки, давай, давай, пошевеливайтесь!

«Что за ерунда? — думает Петр.— У стариков огромные бороды, а он их сынками называет?»

— Ну что ж, раз вы поведали мне свою историю,— говорит молодой человек,— то и я о себе расскажу.

Отец мой был купец, жил в городе. Мать рано умерла, женился он на второй, но мачеха была женщина добрая, хорошая. Я уже ходил последний год в гимназию, и вот один раз иду по улице, по которой раньше никогда не ходил, смотрю — на подоконнике сидит девушка, такая красивая, я и подумал: «Как бы мне с этой девушкой познакомиться?» Вдруг догоняет она меня и говорит:

— Вы хотели со мной познакомиться? Пойдемте!

Пошли. Недалеко от города была небольшая избушка. Подходим к этой избушке, она вбегает туда первая, и как только я подошел к двери, она взяла уздечку и ударила меня между плеч:

— Был молодец — стань жеребец!

И превратился я в коня. Она меня взнудила, оседала, вскочила и давай гонять. Ездила, ездила, пока пена с меня не стала падать, приехала в поле, вдернула повод уздечки в кольцо на дереве, а сама свалилась на травку отдыхать. Только я обсох, она подошла, выдернула из кольца повод, сняла седло, сняла уздечку и ударила меня снова.

— Был жеребец — стань молодец!

Я подхватил свои книжечки (дело-то было к вечеру) и пошел домой. Пришел домой грустный, печальный. Мачеха спрашивает:

— Что с тобой, Иван?

— Да так, голова болит.

На второй день снова иду к этой избушке, так и тянет меня туда. Прихожу, она меня уже поджидает. Взяла уздечку, ударила:

— Был молодец — стань жеребец!

Я превратился в коня. Оседлала она меня и опять поехала. На этот раз еще дольше ездила, с меня уже хлопьями пена сваливается. Приехала, вдернула повод уздечки в кольцо на дереве, выше прежнего, у меня передние ноги чуть до земли достают. Только я обсох, выдернула она повод из кольца, сняла седло, уздечку, ударила меня между плеч:

— Был жеребец — стань молодец!

Я опять стал человеком. Прихожу домой, мачеха говорит:

— Что-то неладное с тобой, Иван, творится.

— Да ничего, мама, ничего,— отвечаю ей.

Пропал ночь, на следующий день снова иду к этой избушке. Прихожу, а она уже поджидает. Ударила уздечкой, превратила из молодца в жеребца, оседлала и поехала. Ездила, ездила, пока меня в пену не сбила. Опять вдернула повод уздечки в кольцо. Постоял я, обсох, выдернула она повод из кольца, ударила между плеч:

— Был жеребец — стань молодец!

Пришел я домой, свету белого не вижу. Мачеха говорит:

— Ты от меня что-то скрываешь.

Тогда я рассказал ей все как было, а она и говорит:

— Дам я тебе двенадцатый огарочек святочной свечи. Завтра придешь в избушку, она тебя не заметит. Возьми уздечку, ударь ее и скажи: «Была девица — стань кобылица».

Пришел я в избушку, а вскоре и она является. Я взял уздечку, ударил ее:

— Была девица — стань кобылица!

Осадлал, вскочил и поехал. Ездил, ездил, приехал на то же место, вдернул повод в кольцо, а сам свалился на траву. Через некоторое время приходят ее сестры. Посмотрели, догадались в чем дело.

Как только она обсохла, я выдернул повод из кольца, снял седло, уздечку, ударил:

— Была кобылица — стань девица!

Превратилась она в девушку и побежала домой. На второй и третий день повторилось то же самое. И опять ее сестры пришли.

— Надо найти двенадцатый огарок святочной свечи. Если не найдем, то он вечно будет ездить на ней, как на лошади,— говорят сестры.

Искали, искали — не нашли: этот огарок у меня был. Тогда, говорят они, надо его попросить: «Мил человек, отпусти нашу сестру, за это мы дадим тебе такую вещь, которая тебе никогда не даст состариться».

Подумал я: «Три дня на ней поездил — хватит».

Принесли они полотенце и говорят:

— Вот как станет тебе двадцать пять лет, умойся, утрись этим полотенцем — и будешь всегда таким же.

Вот потому я сейчас молодой, хоть мне девяносто лет.

Когда пойдешь обратно, расскажи, что случилось с Никифором, какое его чудо.

Идет Петр дальше, прошел много сел, деревень, у кого ни спросит про Никифорово чудо — никто не знает. Шел, шел, видит — стоит дом, возле дома — яблоня, под яблоней — кровать, на кровати человек лежит. Петр подходит:

— Здравствуй, добрый человек!

— Здравствуй, здравствуй, далеко ли путь держишь?

Рассказал Петр, как ловил с братьями рыбу и что с ними случилось, и теперь идет искать Никифорово чудо.

— Слыхал я о нем, но где было — не могу сказать. Если хочешь, расскажу тебе свою историю.

У отца моего, человека небедного, была одна причуда. Если рождался сын, то он отдавал его в мужской монастырь, под наблюдение монахов, и никуда его из монастырских стен не отпускали. Отдал он и меня. Жил я в келье монастырской, учили меня монахи грамоте, а больше я ничего не видал и ни о чем не знал. Как исполнилось мне восемнадцать лет, надумал отец меня женить. Обвенчали нас с невестой в церкви, устроили пир, а я с него и убежал. Ночь пробегал, вторую и третью. Рассердилась на меня жена, сходила к бабке-колдунье, принесла какой-то прут и говорит:

— Не хочешь быть мужем — так будь кобелем!

Ударила меня этим прутом и превратила в огромного пса. Бегал я, бегал, прибежал в соседний город, а там беда. Повадился в этот город ходить медведь, и никто его убить не может. Каждую ночь должны медведю по одной девушке на съедение отдавать. Пал жребий на дочь князя. Посадили ее в тын, нагнали туда собак — может, испугается медведь — и меня с ними. Я всех собак выгнал и остался один с княжеской дочерью. Ровно в полночь вваливается через тын медведь. Я схватил его за загривок и выбросил. И так во второй раз, и в третий. Больше медведь не появлялся. Тут стража, которая все это видела, повела меня в княжеские палаты, и зажил я припеваючи. Но узнала откуда-то жена, где я и как хорошо со мной обходятся, пришла и говорит:

— Отдайте, это мой пес!

А я упираюсь, не иду. Тогда она рассердилась

и опять ударила меня прутом. Я из пса превратился в селезня. Ну, коли селезень — то летать надо. Я и улетел. Тут началась охота на птиц, кто силками ловит, кто стреляет. Попал я в силки, и принесли княжеские слуги меня во дворец. Посмотрел князь на селезня, посмотрел — и вдруг об пол бросил.

— Был селезень — стань молодец!

И стал я снова человеком. Тут князь рассказал, что был заколдован, превращен в медведя. И не брали его ни пуля, ни стрела. И только тогда он мог избавиться от колдовства, если кто его осилит.

— Выбросил ты меня через тын и этим спас,— сказал князь.

Распрощался Петр со своим знакомым, пообещал на обратном пути рассказать о Никифоровом чуде.

Идет он дальше, а дело уже к зиме. Как-то приходит в одну деревушку, в окнах уже огоньки горят, лучину жгут.

— Не пустите ли, хозяева, переночевать?

— Заходи, пожалуйста, ночуй.

Рассказал Петр хозяину свою историю и что ищет он Никифорово чудо, которое больше их чуда.

— А Никифор-то буду я! Ну что ж, будем ужинать, а потом ты обо всем и узнаешь.

— Было мне лет сорок,— говорит Никифор,— занимался я охотой, ставил пасти, ловушки, силки. Однажды осенью решил пойти проверить, что попало. Табаку я не курил, ни кремня, ни огнива с собой не взял, собирался быстренько обернуться. Обошел все силки, ловушки — пусто, ни птицы, ни зверя. Никогда такого не бывало. Стало уже темнеть, пошел я домой — и никак не могу найти дороги. Больше тридцати лет ходил по этому лесу, а тут выйти никак не могу. Совсем уже стемнело. Забрался я на большую ель, посмотрел — в полуверсте горит огонек. Подхожу — сидит у костерка старичок.

— Мил человек, разреши, пожалуйста, у огня погреться.

— Ладно, грейся. Но что ты за это мне дашь?

— А что ты просишь?

Было у меня в ту пору уже восемь сыновей. Он и говорит:

— Отпустишь на год сына своего ко мне работать?

Думаю: «Ничего не случится, пущу старшего сына». Согласился. Ночь грелся, а днем снова пошел искать

дорогу. Хожу. И опять найти никак не могу. Пособирал ягод, поел. Пришел вечер, поднялся на дерево и вижу огонек. Подхожу, тот же старик у костра сидит.

Он и говорит:

— Дай на год второго сына в работники, тогда разрешу погреться.

Подумал я, подумал и решил: «Отдам, не замерзать же тут ночью». А уже заморозок, снег выпал. И отдал я на год второго сына. Опять переночевал у костра. Днем ходил, ходил — никак не найти дороги.

Так прошли третий, пятый, восьмой дни. И отдал я всех сыновей на год в работу. На девятый день старик и спрашивает:

— Ну, кого теперь отдашь? Жену?

А я уже совсем отошел, на ягодах ноги не носят. Старик и говорит:

— Эх ты, мил человек, чего ты все просишь погреться у огонька, гордость тебя берет, попросил бы показать дорогу — и больше ничего.

— Пожалуйста, добрый человек, покажи мне дорогу.

— Ладно. Видишь пень?

— Вижу.

— Посмотри, около пня и дорога.

Верно, у пня была дорога.

— Так вот, стань тут и стой. Покатятся самоходные сани, смотри, ни на первые, ни на вторые, ни на восьмые не садись, только на девятые!

Вот первые сани быстро пронеслись, а за ними вторые, четвертые, восьмые. Катятся девятые — я бух в них.

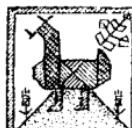
А тут жена меня трясет:

— Да ты что, дурак этакий, чего бредишь?

Посмотрел, посмотрел — а я дома на полатях! Вот какое чудо со мной было.

Переночевал Петр у Никифора, а наутро пошел домой. По пути зашел к своим знакомым, рассказал о Никифоровом чуде. Пришел уже зимой, братья всю рыбу давно продали.

Так с тех пор и живут пресколько в своем доме. Больше ничего с ними не случалось. Вот вам и Никифорово чудо!

ГОРДАЯ НЕВЕСТА

Жил-был царь Берендей, была у него дочь. Кто к ней ни посватается — все ей не по нраву. Собрал как-то царь всех женихов и повел дочь смотреть их, выбирать себе мужа.

Водил, водил, выбирали, выбирали — никто ей не нравится, ни за кого замуж идти не хочет.

— Ну, дочь, — говорит царь, — отдам я тебя за первого нищего, который к дому подойдет, коли ты такая привередливая.

Проходит сколько-то времени, приходит нищий под окошко, просит подаяние. (А царь Берендей с одним из женихов — царевичем сговорился, этот жених нищим оделся и пришел.) Царь и говорит нищему:

— Заходи во дворец, не проси под окошком.

Нищий заходит, царь и спрашивает:

— Ты холостой или женатый?

— Холостой,— отвечает нищий.
— Тогда возьми мою дочку замуж.
— Ваша дочь богатая, а я бедный,— говорит нищий,— она за меня не пойдет.

— Ничего,— говорит царь,— отдам, так пойдет.

Приказал отец дочери одеваться и идти с нищим милостыню просить. Вот они и пошли. Напросили хлеба, и повел он ее домой. Идут домой, проходят поля, потом луга. Она и спрашивает:

— Чьи же это поля? Чьи же это луга?

А нищий отвечает:

— Это поля и луга жениха, за которого ты замуж не пошла.

«Ох, я глупая да неразумная, что не пошла за него замуж»,— думает царская дочь.

Идут дальше, проходят сады да виноградники. Она опять спрашивает:

— Чьи же это сады да виноградники?

— Сады да виноградники того жениха, за которого ты замуж не пошла.

«Ох, я глупая да неразумная,— думает царская дочь,— что не пошла за него замуж».

Дальше идут. Показался впереди город.

— Чей же это город, чей дворец?

— Все это твоего жениха, за которого ты замуж не пошла.

Она заплакала, а потом спрашивает:

— А где же твой дом?

— Позади города есть землянка, там я и живу.

Приходят они в землянку, захотела царская дочь есть. Накрошил он хлеба, налил воды и приказал ей обед готовить. Стала она разводить огонь, руки обожгла, палец занозила, плачет. А муж и говорит:

— Как нёлюдей возьмешь, так и суп-то сварить не сумеют.

Нащепал муж луцины и дал жене работу — короба плести. А она говорит:

— Я этого не умею.

— А как же будем мы кормиться? — муж спрашивает.— Неужели все будем по миру ходить да просить? Мы ведь люди молодые, нам должно быть совестно.

Наплел он сам корзинок, снес и продал их. Принес жене горшки и посыпает в город продавать. Взяла она горшки, пошла в город, встала на углу, где все ходят-ездят.

А муж пошел к себе во дворец, взял коня да по этим горшкам и проехал. Все горшки персломал, переколотил. Посидела она, посидела и пошла со слезами к мужу в землянку.

— Ну что, продала горшки? Много ли выручила?

— Какой-то царевич промчался на коне и все горшки разбил.

— Как нелюдей возьмешь, так ничего не умеют.

Принес муж бересты и заставил ее лапти плести.

— Плети лапти, а я пойду в город, хоть хлеба куплю.

А сам пошел во дворец к отцу своей жены, царю Берендею, и договорился, что тот возьмет дочь на кухню в судомойки.

Приходит муж в свою землянку и спрашивает:

— Ну, много ли лаптей наплела?

— Ничего не наплела, не умею я этого делать,— жена отвечает.

— Как нелюдей возьмешь, так разве что умеют. Вот что, жена, у твоего отца на кухне судомойки не хватает, иди на кухню, может, научишься хоть супварить казакам-работникам.

Она собралась и пошла, поступила на кухню в судомойки. А муж наказал ей каждую ночь домой ходить, да еще с собой супу приносить в маленьком горшочке. Не знала она, как суп и принести. Надумала пришить к своему платью карман сбоку, положила туда горшочек да так и ходила целый месяц.

Сжался над ней муж и сговорился с ее отцом свадьбу сыграть, довольно ей в кухарках быть. Вот приходит она к себе в землянку, принесла суп и говорит мужу:

— Завтра у моего отца будет пир.

— Так ведь он тебя не пригласит. Разве кухарке место с гостями за одним столом?

— А я хоть со стороны посмотрю, из сеней.

Начался у царя пир. Съехалось множество гостей. И ее муж в одежде царевича на пир приехал. Стали пировать, танцевать. Все приглашают жен да барышень, а у него нет ни жены, ни барышни. Все на него смотрят. Вот он и говорит:

— Пойду себе барышню поищу.

Вышел он в сени, а там его жена стоит, на танцы в щель дверную смотрит. Взял он ее за руку и повел на пир. Она не идет, упирается: стыдно в худом-то платье, да еще

горшок со щами в кармане. Стал ее муж вертеть, крутить, а щи-то из горшка и расплескались. Все хохочут, в ладости хлопают. Стыдно стало царской дочке. Прибежали слуги, увели ее в комнату, а муж вслед пошел. Начали ее убирать да наряжать, повели за стол, посадили возле мужа. Стали все снова пировать, их свадьбу играть. И увез ее муж к себе в царский дворец. Проучил маленько.

ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

В некотором царстве, в некотором государстве жили-
были старишок со старушкой. Старик уже не мог много
работать, только в лес ходил, дрова рубил. Вот как-то
раз старуха его накормила, напоила, и пошел он в лес.
Идет по тропинке и видит — под кустом лежат девять
яиц. Взял он эти яйца, собрал в дельнице¹ и думает: «Куда
я с ними? В лес взять — разобью, лучше здесь оставлю,
а обратно пойду, тогда и заберу». И оставил яйца в дель-
нице под кустом. Пришел в лес, нарубил, сколько мог,
дров, приходит к этому кусту и видит — нет ни яиц,
ни дельницы. Задумался старик. Приходит домой, стару-
ха собрала на стол, накормила его и спрашивает:

— Что ты, дедушка, такой невеселый? Раньше все
рассказывал, а сегодня молчишь да молчишь? Что слу-
чилось?

¹ Рукавица.

— Сказать, бабушка, так ты ведь ругаться на меня будешь.

— Не буду.

— Шел я в лес и нашел девять яиц, собрал эти яйца в дельницу и оставил под кустом. Сам думаю: «Обратно пойду — возьму». Назад пошел, приворачиваю к кусту — а нет ни дельницы, ни яиц.

— Ох ты, старый песок, кабы знала, не дала бы тебе есть. Девять яиц — как бы сгодились-то!

— Ладно, бабушка, если вперед случится найти, то не оставлю.

— Ну то-то, смотри.

Вот идет он на второе утро опять в лес. Приходит к тому же кусту, глядит — лежат девятнадцать яиц. Собрал он все яйца в две дельницы и снова оставил под кустом. Думает: «В лес возьму — разобью, пусть лучше здесь меня дожидаются».

В лесу рубил день несполна, возвращается к кусту — нет ни яиц, ни дельниц. Сильно задумался: «Ну, не скажу сегодня старухе, пусть не бранится». Приходит домой, старуха опять начала его поить, кормить с дороги. Накормила, напоила и спрашивает:

— Что ты, дедушка, опять такой невеселый, молчишь?

— Сказал бы, бабушка, так ты ведь браниться будешь.

— Не буду, скажи.

— Шел я в лес, нашел девятнадцать яиц, сложил в обе дельницы и оставил под кустом. Иду обратно — ни яиц, ни дельниц, ничего нет.

— Кабы знала, не дала бы тебе есть. Шутка ли — девятнадцать яиц!

— Ну, бабушка, если случится еще раз найти, то уж не оставлю больше.

— То-то, а если оставишь, то навожу тебе крюком по бокам.

На третье утро старик снова пошел в лес. Подходит к этому же кусту и видит — лежат тридцать три яйца. «Вот теперь, — думает, — не оставлю больше». Опоясался кушаком и стал яйца складывать за пазуху. Сложил все и домой пошел. Идет дорогой, кушак начал слабнуть, и стали яйца падать на дорогу. Как яйцо выпадет — так молодец вскочит. Повыпадали все яйца из-за пазухи, и стало тридцать три молодца. Вот пошли они за стариком вслед. Привел старику их домой, старуха глазам не верит — тридцать три сына у них! Собрала она на стол, накормила всех, старший сын и заговорил:

— Ну, отец, коль умел нас взять — так умей и работу дать.

Отец спрашивает:

— Какую же я вам работу дам, дети?

— А вот какую: сходи в кузницу и скуй тридцать три косы, а мы тем временем сделаем тридцать трое граблей.

Отец и пошел. Пока кузнецы ковали, ребята сделали тридцать трое граблей. Приходит отец домой, старший молодец и говорит:

— Отец, мы пойдем косить твои покосы.

— Да что вы, дети, у меня и косить нечего, нет у меня покосов.

— Ну, тогда веди нас куда-нибудь.

— Да куда же я вас поведу?

— Коли не знаешь куда, так мы пойдем косить царские заповедные луга.

Пошли они косить царские заповедные луга. Царь увидал, что косят его заповедные луга, посыпает своего вельможу. Вельможа приезжает и спрашивает:

— Кто у вас тут старший?

Выходит старший молодец:

— Я — старший, что угодно?

— Кто вам разрешил царский заповедный луг косить?

У нас его никогда не косят, потому что сено сберечь не могут, кто-то ворует сено.

— Слушай, вельможа, как мы сено скосим, так и вора поймаем.

Вельможа с теми словами и поехал к царю. Приехал к царю и рассказывает:

— Косят там тридцать три молодца, и один у них старший. С ними старичок.

— Поезжай спроси, какой для них обед нужно приготовить.

Вельможа приехал и спрашивает:

— Какой для вас обед приготовить, молодцы?

— Тридцать три жареных быка и тридцать три ведра квасу.

Вельможа возвратился к царю и сказал, что нужно зажарить тридцать три быка и приготовить тридцать три ведра квасу.

— Ладно,— говорит царь,— все это будет.

Косили они, косили, все луга скосили, все сено собрали, приезжают к царю на обед. Садятся за стол и начинают есть. Царь пришел и смотрит на них. Вот съели они все мясо, выпили весь квас, и стал царь рассчитывать

их. Каждому по сорок пять копеек, а старшему — пятьдесят. Они деньги в шапку сложили и все отдали старику.

Царь и говорит:

— Дедушка, у тебя тридцать три сына, чем ты их будешь кормить, как учить-воспитывать? Дай ты их мне в услужение, а я вам навек дам хлеба со старухой.

Старик и спрашивает у сыновей:

— Дети, останетесь ли у царя в услужении?

Старший — Иван — отвечает:

— Останемся.

Царь дал деду хлеба, денег и говорит:

— Ну, дедушка, живите теперь с богом, хлеба вам хватит.

Дожили братья у царя до осени, осеню ночи стали темные, стало сено с заповедных лугов пропадать. Царь приказывает:

— Ну, братанушки, умели сено скосить — умейте и вора поймать.

Иван говорит:

— Братья, пойдемте в заповедные луга.

Приходят в заповедные луга, залез Иван на зарод¹, зарылся в сено, только одну голову и видать. А братья зарылись в сено совсем — и уснули. Сидит Иван на зароде и спрашивает:

— Братья, спите ли?

Ответа никакого нет. Спят. А Иван все сидит, не спит.

Вдруг в полночь выбегает из моря кобылица-златогривица с тридцатью тремя жеребятами. Прибежали к зародам, стали сено есть, не столько едят — сколько топчут. Смотрит старший брат — все кони от зарода далеко. Вот подбегает один жеребенок, стал возле него сено есть. Схватил молодец его за гриву и вскочил верхом. Жеребенок носился, носился по лугу, никак не может Ивана с себя свернуть, и заговорил:

— Ну, Иван, умел меня поймать — умей и мать мою поймать.

— Как же я ее поймаю?

— Я тебя научу, а сейчас отпусти меня. В следующий раз садись на то же место, где меня поймал, я прибегу и стану есть возле тебя сено. Мать увидит, что я сено ем, где был пойман, подбежит ко мне, начнет меня кусать, чтобы я ушел прочь. А ты вскочи на меня, перекатись через спину — и мать захватишь.

¹ Скирда сена.

Как только Иван жеребенка отпустил, тот бросился в море и уплыл. Стал он братьев будить:

— Братья, вставайте, видали ли кого?

— Нет, никого не видали. А ты?

— И я никого.

Приходят к царю, царь спрашивает:

— Ну что, Иван крестьянский сын, видали ли кого?

— Нет, никого не видали. Посмотрим, что будет на вторую ночь.

Иван опять залез на скирду, а братья улеглись по засыпкам¹.

Вот время прошло, Иван и спрашивает:

— Братья, спите ли?

И в этот раз ответа никакого нет. Спят.

В полночь кобылица-златогривица опять выходит с жеребятами из моря. Прибегают к сену, начинают его есть-топтать. Мать увидала, что один жеребенок ест в том самом месте, где пойман был, подбегает к нему и хочет его укусить. Иван прыгнул на жеребенка, перекатился через спину, схватил мать за гриву и уселся на нее. Вот она и понеслась по лугу. Носилась, носилась — и заговорила человеческим голосом:

— Ну, Иван крестьянский сын, умел меня поймать — умей и работу дать.

— Ладно, найдем работу.

И закричал:

— Братья, вставайте!

Братья вскочили — думают, зароды горят, такой свет от золотой гривы. Вот они взяли всех жеребят, сели всяк на своего и поехали к царю. Царь видит, что приехал Иван крестьянский сын с братьями на таких красивых конях, удивился:

— Слушай, Иван крестьянский сын, дай мне на лошади покататься.

— Нет, ваша царская светлость, лошади не объезжены. Сначала мы поездим, а потом и вам дадим.

— Ладно, поезжай, Иван, куда знаешь, только не уезжай от меня совсем.

Иван и говорит братьям:

— Ну, братья, поедем.

— Куда поедем-то, Иван? — спрашивают они.

— Жениться поедем.

¹ Круглый стожок сена, складываемый вокруг кола.

Вот и поехали. Приехали к одной старухе и спрашивают у нее:

- Бабушка, много ли у тебя дочерей?
- У меня,— говорит,— девять дочерей.
- Мало, поедем дальше.

Приезжают ко второй, спрашивают:

- Бабушка, много ли у тебя дочерей?
- Девятнадцать дочерей у меня.
- Мало нам.

— Поезжайте к третьей моей сестре — там и женитесь.

Приезжают к третьей сестре и спрашивают ее:

- Много ли, бабушка, у тебя дочерей?
- У меня тридцать три дочери.
- Отдашь дочерей замуж?
- Отдам.

Посадила старуха женихов за стол и начала их кормить, поить с дороги.

— Ешьте, пейте, а потом и невест приведу к вам.

Братья сидят, угощаются, а Иван встал из-за стола и пошел к коням. Старуха и спрашивает:

- Куда ты, Иван?
- Хочу коней посмотреть, может, они голодные стоят.
- Полно, Иван, кони напоены и накормлены.
- Нет, пойду посмотрю.

Приходит он к своей кобыле, смотрит, а она стоит по колена в крови. Он и спрашивает:

— Что ты, кобылка моя дорогая, стоишь по колена в крови, какую невзгоду чуешь, над собой или надо мной?

— Над тобой я чую невзгоду, Иван. Слушай, когда придешь от меня, старуха вас снова будет угощать, а потом отправит со своими дочерьми гулять. Ты пойдешь с самой младшей дочерью. Она меньше всех, но всех хитрее. Ты возьми с собой три прутика, а как зайдешь в сад, начинай ее этими прутиками стегать. Постегаешь, постегаешь, она даст тебе кремешок. Кремешок возьмешь и снова стегай. Она спросит: «Почему ты, Иван крестьянский сын, меня бьешь?» А ты отвечай: «А мне так надо». Она даст тебе плеточку. Ты плеточку возьмешь, снова ее стегай. Она и спросит: «Почему ты, Иван крестьянский сын, бьешь меня? Не бей, я тебе дам волшебный платок». Она даст волшебный платок, и тут все братья к тебе придут.

Иван все так и сделал, как кобылица-златогривица ему посоветовала.

Подошли к нему все братья, а старуха уже тут. Опять приглашает всех за стол, вместе с невестами сажает. А Иван крестьянский сын не ест, не пьет, старуха и говорит:

— Что ты, Иванушка, не ешь?

— Надо мне, бабушка, пойти посмотреть, что кони делают.

— Что ты, Иванушка, кони стоят накормлены, напоены.

Приходит он к своей кобыле и видит — стоит она уже по грудь в крови. Вот он и спрашивает у нее:

— Что ты, кобылка моя дорогая, стоишь по грудь в крови, какую невзгоду чуешь, над собой или надо мной?

— Над тобой, Иван. Вот старуха вас сейчас напоит, накормит и повалит с невестами спать, а как заснете — наденет она на своих дочерей белые шляпы, а на вас — черные. В полуночное время прикатится волшебный меч и отрубит головы под черными шляпами, а под белыми не тронет. А ты встань раньше полуночи, на братьев и на себя надень белые шляпы, а на старухиных дочек — черные. Как прикатится волшебный меч и отрубит головы под черными шляпами, вы сразу вставайте, надевайте сарафаны, скажите в окошко, берите своих коней и поезжайте обратным путем: тут вам не женитьба.

Пошел он прочь от кобылицы-златогривицы. Приходит к старухе, а та опять и говорит:

— Что ты, Иван, отстал, пей, ешь.

— Ладно,— отвечает,— я еще наемся, успею.

Вот легли братья спать. Уснули. И он лег. Видит старуха, что Иван крестьянский сын тоже лег, принесла шляпы, на своих дочек надела белые, а на братьев — черные. Надела — и ушла. Иван встал, поменял шляпы: на братьев — белые, а на старухиных дочек — черные. И спать повалился. Вдруг ополночь прикатывается волшебный меч и начинает головы под черными шляпами рубить, порубил все — и укатился. Иван и говорит:

— Вставайте, братья, беда близко.

Встали братья, быстро надели сарафаны, выскочили из окошка. Сели на своих лошадей — и помчались. Старуха встала со сна, увидела, что перехитрил ее

Иван крестьянский сын. Села она в огненную колесницу и помчалась за братьями вслед. А те едут, едут, слышат — старуха за ними гонится. Приехали они к морю. Махнул Иван волшебным платком — образовался мост. Они и проехали по этому мосту. Старуха прикатила на колеснице к мосту, едет по нему, уже до половины моря доехала. Тут Иван махнул волшебным платком — моста и не стало. Старуха упала в море и кричит:

— Повезло тебе, Иван, что увез мой волшебный платок, а то был бы ты в моих руках!

Старуха утонула, а они поехали дальше. Приезжают на поляну, раскинули шатер белополотняный — отдыхать стали. Вечером легли братья спать в шатре, а Иван повалился возле своей лошади, у передних ее ног.

Братья и говорят между собой:

— Неужели старуха убила своих дочерей? Это Иван убил наших невест, потому что его девушка была самая некрасивая.

И решили Ивана убить. Подходят к нему, который подойдет — кобыла его то копытом ударит, то зубом рванет. Иван встал утром и спрашивает:

— Где же братья мои?

А кобыла ему:

— Они хотели тебя убить, а я не дала, вот они и разбежались. Говорят, будто ты убил их невест.

«Ох вы, братья-дураки», — опечалился Иван.

И поехал он к царю. Приезжает, царь и спрашивает:

— А где же твои братья?

— Братья мои уехали, один я теперь.

— Ну, оставайся, Иван крестьянский сын, служи у меня.

Остался он служить, царь сделал его старшим конюхом. Стали конюхи ему завидовать, стали промеж собой думать, как удалить Ивана. И порешили донести царю, что старший конюх, Иван крестьянский сын, похваляется: «Кабы царь велел мне службу дать — достать ему прекрасную царевну, я бы достал».

Вот царь приказывает:

— Слуги мои верные, идите приведите Ивана крестьянского сына.

Приходит Иван к царю.

— Здравствуйте, ваше царское величество.

— Здравствуй, Иван крестьянский сын. Говорят,

ты хвалишься, что можешь достать мне прекрасную царевну из далекого царства. Коли достанешь — подарю тебе город с пригородками, и будешь ты над ним князем. А не выполнишь мой приказ — голова твоя с плеч падет.

Пошел он к своей кобылице-златогривице, повалился ей в ноги и плачет.

— О чем плачешь, Иван? Какую тебе службу царь дал?

Он и говорит:

— Милая кобылка, приказал мне царь съездить в далекое царство, в чужое государство и привезти ему прекрасную царевну. Не знаю, где и искать ее.

— Не плачь, не тужи, Иван, садись на меня.

Сел он на кобылицу, она и повезла его. Прибыли в неведомое царство, она говорит:

— Слушай, Иван, я обернусь в саду яблоней, а ты спрячься под ней. Царевна придет в сад и станет любоваться яблоней, тут ты и схвати ее.

Сел Иван под яблоню, ждет. Пришла царевна в сад, прогуливается. Увидала она яблоню и подошла к ней:

— Ах, какая красивая яблоня расцвела в моем саду!

Тут Иван выскошил, схватил царевну, держит:

— Где ты, моя милая кобылка?

— Здесь я,— она отвечает,— садитесь на меня.

Поднял Иван прекрасную царевну на руки, посадил ее, сел сам, и кобылица-златогривица побежала полетела.

Прибыли в свое царство.

— Ну, Иван крестьянский сын, раз достал мне прекрасную царевну, дарю тебе город с пригородками, будь над ним князем.

Царь берет эту девушку за руку и говорит:

— Ну, прекрасная царевна, будь теперь моей женой.

— Сначала привезите мое подвенечное платье,— отвечает царевна.

— Кто же его привезет?

— А кто меня достал, тот и платье мое достанет.

Царь опять призывает Ивана крестьянского сына, приказывает:

— Как достал невесту, так достань и ее подвенечное платье.

Спрашивает Иван крестьянский сын:

— Скажите, прекрасная царевна, где ваше подвенечное платье?

Она ему и рассказала:

— Когда я потерялась, мой батюшка отнес платье в собор отпевать. Когда отпоют его, потом зароют. Где зароют — не знаю сама.

Приходит Иван к кобылице-златогривице:

— Милая кобылка, царь велел привезти подвенечное платье царевны.

— Ну, садись скорей на меня, а то и впрямь зароют платье, не найти нам будет.

Примчала она его в царевнин город и говорит:

— Поди, Иван, на базар, зайди в тот ряд, где нищие стоят, купи корзинку и сменяй у них кафтан на свой. А дальше сам знаешь, что надо делать.

Купил Иван корзинку, сменял кафтан, оделся и пошел под окна просить милостыню. Напросил в корзинку кусков пятнадцать хлеба, приходит к собору, заходит туда и становится за двери. В это время забегал вокруг собора златогривый конь. Народ увидал и побежал ловить его, никого в соборе не осталось. Взял Иван платье царевны, спрятал в корзинку, вышел из собора и говорит:

— Дайте я поймаю этого коня.

Кобылица заметила, что хозяин идет, и начала кружить.

— Скоро, скоро поймает,— все говорят.

Иван подходит к кобылице ближе, ближе, вскочил на нее — и был таков. Народ только руками склонил: «Ох, удалье!»

Прибыл в свое государство, отдал царю платье.

— Ну, Иван крестьянский сын,— говорит царь,— сослужил ты мне службу, я дарю тебе еще один город с пригородками, будь над этими городами князем.

А царевне не хочется за старого царя замуж идти. Вот она и говорит:

— Есть такое средство, что молодым можно стать. Мой батюшка молодится, и тебе бы не помешало.

— Как же это сделать? — спрашивает царь.

— Поставь посреди двора три котла: первый котел с молоком, второй — с кипятком, а третий — со студеной водой. И искупайся в каждом из них.

Царь думает: «Уж не хочет ли она меня сварить? Надо это средство сначала на Иване испытать». Велел поставить три котла, призывает Ивана и говорит ему:

— Ты должен в этих котлах искупаться. Сначала ты, потом — я.

Приходит Иван к своей кобылке и жалуется:

— Милая кобылка, не видать мне тебя больше.

— Что случилось? — спрашивает она.

— Царь приказал в кипящем котле искупаться.

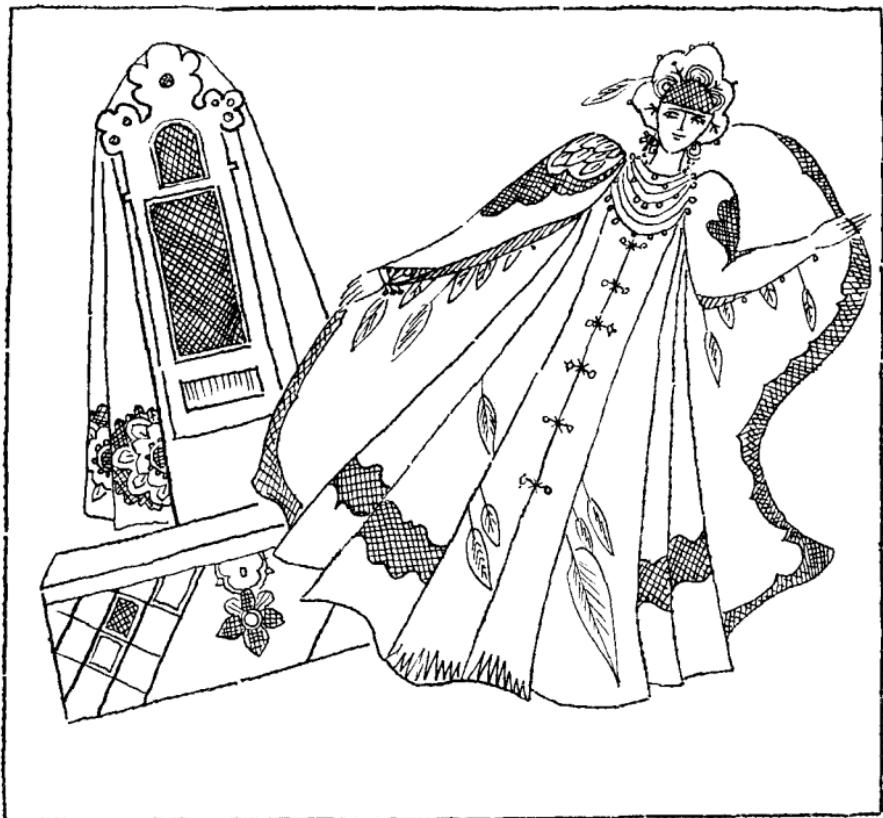
— А ты скажи царю, прежде чем в котел прыгать:

«Приведите мою кобылку проститься».

Иван так и сделал.

Царь приказал привести кобылицу-златогривицу. Она пришла, опустила морду в котел, подула. Иван прыгнул в первый котел, затем во второй, со второго — в третий и вышел таким красавцем прекрасным, что лучше и быть не может. Царь велел себя раздеть, подошел к котлу, прыгнул — и сварился. И вышла царевна замуж за Ивана крестьянского сына.

НЕВЕСТИНЫ НАРЯДЫ

Жили-были муж с женой, была у них дочка, краси-
вая-прекрасивая. Заболела как-то жена — да и померла.
Умирая, она мужу сказала: «Женись на той, которой
впору мой ступень¹ будет». Остался отец с дочерью.

Вот и пошел он искать ту, которой ступень жены
будет впору. Ходил день, ходил другой — никому сту-
пень не подходит: то мал, то велик. В третий раз по-
шел — и опять никого не нашел. Вернулся домой, по-
ложил ступень у порога. А дочь пришла, надела сту-
пень — он ей впору и оказался, как раз по ноге. Отец
это увидал.

— Ну вот, доченька, придется тебе пойти за меня
замуж.

А разве дочке хочется за отца замуж идти? Очень
она расстроилась.

¹ Башмак.

Жила в их деревне бабушка-задворенка, многое она знала, многое умела. Девушка и пошла к этой бабушке.

— Бабушка ты задворенка, что я наделала! Отец день ходил — ничего не выходил, второй ходил — ничего не выходил, а тут оставил ступень у порога, я надела — и мне впору оказался. Неужели за отца замуж идти?

Бабушка-задворенка ей и говорит:

— Мы, дитя, дадим ему трудную задачу. Пусть привезет тебе серебряное платье.

Пришла дочь домой и говорит отцу:

— Если купишь мне серебряное платье, тогда я пойду за тебя замуж.

Поехал отец искать серебряное платье. Долго ездил, но платье нашел, привез. Загоревала девушка, опять пошла к бабушке-задворенке.

— Бабушка ты задворенка, отец достал серебряное платье, что же теперь делать?

— Ничего, не печалься, мы ему дадим загадку потруднее. Пусть привезет тебе золотое платье.

Пришла девушка домой и говорит:

— Батюшка, купи мне золотое платье, только тогда пойду за тебя замуж.

Поехал отец золотое платье искать. Долго ездил, но привез-таки золотое платье. Опять девушка горюет, пошла и на этот раз к бабушке-задворенке.

— Бабушка ты задворенка, отец привез золотое платье.

— Дадим тогда еще одну задачу, и если он ее выполнит, то придется тебе идти за него замуж. Пусть привезет платье из птичьих перьев. И чтобы на этом платье было с каждой птички по перышку. Так ему и скажи.

Очень долго отца не было. И вот приезжает — и платье из птичьих перьев привозит. Пуще прежнего расстроилась девушка. И просит она бабушку:

— Бабушка-задворенка, оберни ты меня хоть курушкой.

Старушка обернула ее курушкой. Зашла курушка в клеть, одно платье спрятала под одно крыло, другое — под другое, а платье из перьев хвостом прикрыла. А отец уже к свадьбе готовится, жениться спешит: все задачи выполнены. Заходит он в клеть.

— Курушка-то у меня, желтушка-то у меня.

А сам и не знает, что это его дочь. А курушка из

клети на взвоз — да и убежала. Целый день ходила она по лесу, вдруг идет охотник с ружьем, хочет ее подстрелить. Курушка к нему и бежит: «Ко-ко-ко!» Охотник взял ее, принес домой и говорит матери:

— Матушка, сколько я в лесу ни бывал, но такой ручной птицы не видал. Бежит и бежит за мной.

Поглядели с матерью — птица не птица, курица не курица.

— Оставлю я ее у себя, пусть в моей спальне и живет.

Охотник этот был Иван-царевич. Что сам ест, тем и курушку кормит. Курушка и привыкла к нему. Как-то раз пригласили Ивана-царевича на пир. Пришел он в свою спальню, намывается, наряжается. Положил душистое мыльце на стол, а курушка из-под печи выскочила да душистое мыльце и проглотила.

— Ах ты, победная птица, бить тебя некому, взять с тебя нечего, на первый раз прощаю тебя.

Одеся и ушел на пир. А курушка сбросила свои кожушки, обернулась девицей, надела серебряное платье и тоже пошла на пир. Пришла и встала в сторонке, а все на нее уже смотрят. Иван-царевич глаз с нее не сводит.

Пришел он с пира и говорит своей матери:

— Матушка, я сегодня видел девицу-красавицу в серебряном платье. Вот бы ее посватать!

— А где она живет? — спрашивает мать.

Искали, искали — нигде найти не смогли.

Как-то вечером Иван-царевич опять на пир собирается. Скинул голтяшечек с шеи и положил на опечек, а курушка схватила голтяшечек и проглотила. Он опять ее ругает:

— Ах ты, победная птица, бить тебя некому, взять с тебя нечего, так и быть — и вторую вину тебе прощаю.

Одеся и ушел. А курушка обернулась девушкой, надела золотое платье и вслед за Иваном-царевичем на пир пошла. Стоит она опять в сторонке, однако все на нее смотрят. А Иван-царевич глаз оторвать от нее не может: «Как же это мать ходила, искала, а такой красавицы не заметила?»

На другой день он и говорит матери:

— Матушка, хочу я жениться на этой девушке, где-то она ведь живет.

¹ Шнурок, на котором носили нательный крест.

Искали, искали — опять не смогли нигде найти.

В третий раз Иван-царевич на пир собирается. Стал одеваться да прихорашиваться, снял золотое кольцо с пальца и положил на подоконье, а курушка выскочила из-под печи и проглотила кольцо.

— Ах ты, — говорит он, — победная птица, быть тебе некому, взять с тебя нечего, в последний раз тебя прощаю, а потом накажу.

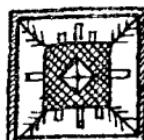
Одеся и ушел на пир. А курушка вышла, девицей обернулась, надела свое диковинное платье из птичьих перьев, его голтяшек на шею, золотое кольцо на пальчик и пошла на пир.

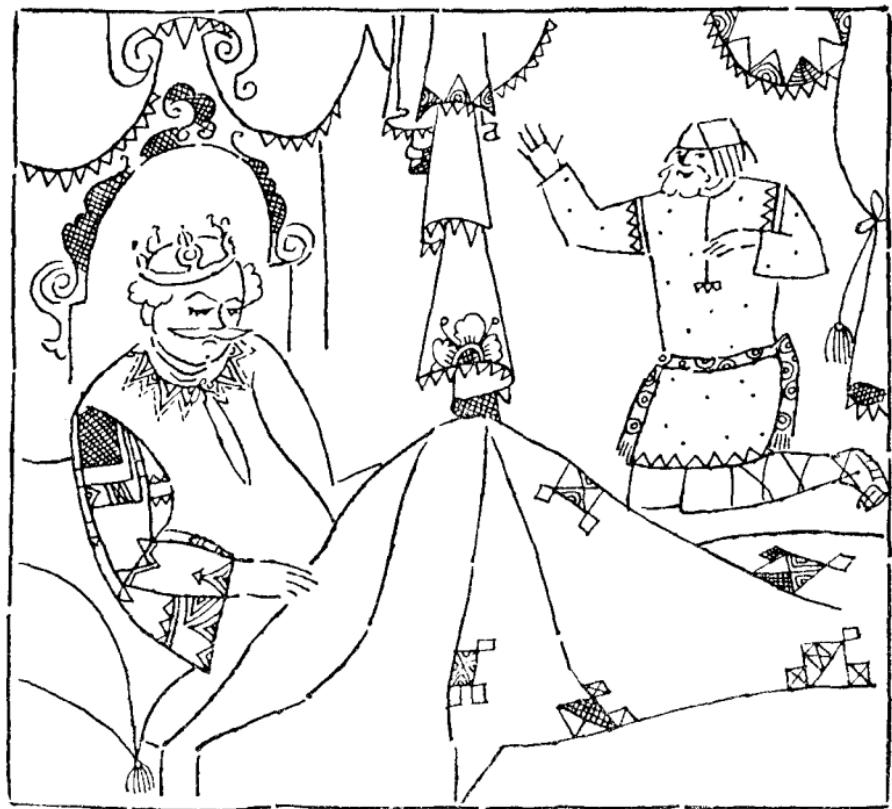
Пришла, да опять в новом платье — лучше прежнего! Иван-царевич и смекнул: «Пойду-ка я домой, посмотрю, где моя курушка». Пришел домой, а курушки-то и нет. На столе лежат и серебряное платье, и золотое. Что же делать? Кинул он курушкины кожушки в печку. Вот догорают они, а девушка и бежит.

— Ай, ай, мои кожушки горели!

Оба они обрадовались, что так случилось. Пошли к матери Ивана-царевича, рассказали ей все.

Много народа на их свадьбе пировало, плясали-веселились, пили-ели досыта. Зажили молодые счастливо. Вот и сказка вся.

ПРО НЕСТЕРА

Жил-был Нестер, у него ребят было шестеро, сам седьмой, жена восьмая. Жили бедно. Не знает Нестер, как семью прокормить. Пошел к соседу совета просить.

— А что, сосед, если мне пойти воровать?

— Надумал, так иди,— говорит сосед.

Пришел Нестер домой и думает: «Если решил воровать, то надо идти к богатому человеку, к барину». Пошел. Забрался в кладовую, набрал всего. Вернулся домой и поживает себе. Через некоторое время услыхал Нестер, что ищут вора, который у барина кладовую обокрал. «Ну,— думает Нестер,— пропал». Решил скитриТЬ.

Приходит он к этому барину и просится ночевать.

— Ладно, ночуй,— говорит барин.

Он и не знает, что Нестер его обворовал. А барин собирался утром в город коров продавать, у него коров было много.

Легли они вечером спать, Нестеру не спится. Только барин заснул, Нестер пошел во двор, взял корову и увел ее в лес. Привязал к лесине, а сам пришел обратно и лег спать. Утром все встали, барин и говорит жене:

— Грей самовар, я в город поеду.

А Нестер и просит его:

— Барин, должник мне корову отдал, я ее в лесу привязал. В город мне ехать недосуг, продай, пожалуйста, заодно и мою корову.

Барин согласился.

Пошел Нестер в лес за коровой, привел. Барин смотрит на корову и говорит:

— Твоя корова очень похожа на нашу Буренку.

А Нестер ему в ответ:

— Да это бывает, коровы часто походят одна на другую.

Приехал барин в город, продал своих коров, а одно и корову Нестера. Вернулся домой, деньги Нестеру отдал, тот поблагодарил барина и пошел домой. Пожил немного Нестер дома и думает: «Коли обокрал барина, то почему бы и царя не обокрасть?» И отправился в путь. Идет по дороге, встречается ему сосед Клим.

— Куда, — спрашивает Нестер, — пошел?

— Задумал я нехорошее дело, а идти придется.

— Какое такое нехорошее дело?

— Да воровать иду.

— Так пойдем вместе, — говорит Нестер.

Идут дальше, видят — стоит человек. Подошли ближе, а это их сосед Наум. Спрашивают его мужики:

— Куда, Наум, пошел?

— Плохо живу, задумал воровать.

— Так пойдем с нами, мы тоже пошли воровать.

Подходят они к городу, стало уже темнеть.

— Ну, ребята, — говорит Нестер, — пойдемте воровать к царю.

— Что ты, как мы попадем к царю?

— Ничего, ребята, идите за мной, не бойтесь.

Подошли они к дворцу, у ворот стоят двое часовых. Что делать? Никак не пройти. Думали-подумали — выход нашли. Замотали Нестера в солому, перевязали веревками, он и покатился в ворота. Часовой увидел и говорит:

— Солому, видно, ветром несет.

— Завтра подберем, — другой отвечает.

Нестер откатился подальше, из соломы вылез да потихоньку и проник во двор, часовые не заметили. В караульной Нестер нашел старый генеральский мундир, переоделся в него и вышел на крыльцо.

— Ну что, часовые, — спрашивает он, — не замерзли? Те отвечают:

— Холодновато, ваше высокородие.

— Воров нет?

— Нет, ваше высокородие.

— Ну так идите и ложитесь спать.

Часовые ушли и легли спать. А Нестер в это время кликнул товарищей, да и пошли они искать-шарить в кладовых, порядочно набрали. Вынесли все добро на улицу и начали делить. Нестер и говорит:

— Ребята, мне причитается две доли, а вам по одной: я лучше вас воровал.

Товарищи не соглашаются.

— Тогда вот что, — говорит Нестер, — вы стойте здесь под окошком, а я к царю схожу.

Забрался Нестер к царю в спальню. Видит, что у царя сказочник сидит — царь любил сказки — и оба они спят. Нестер подкрался к сказочнику, завязал ему рот, чтобы не кричал, и запихал его в мешок. Сам сел на место сказочника и сидит. Царь пробудился.

— Не заметил, как и заснул, расскажи мне новую сказку, — просит царь.

Нестер и начинает:

— Жил-был вор Нестер. Обворовал барина один раз, во второй — украл у него же корову. Барин эту корову продал и Нестеру деньги за нее отдал. Пожил Нестер дома, и захотелось ему снова пойти воровать. И решил он на этот раз обворовать царя. По дороге договорился с дружками, и украли они кое-что из царских кладовых. Было их трое — Нестер, Клим и Наум. Так вот, ваше царское величество, выходит, что Нестер был главный вор. (А товарищи его слушают под окошком.) А если так, то главному надо две доли при деже дать.

Царь и говорит:

— Как же, конечно ему надо две доли дать.

Царь и заснул снова. Нестер в это время вышел на улицу.

— Ну что, ребята, слыхали, что царь сказал? Мне две доли полагается.

Пришлось им согласиться.

Утром во дворце встали, покражка и обнаружилась.
Стали вора искать.

— Где же сказочник? — говорят.

А сказочник в мешке сидит. Развязали его.

— Как ты попал в мешок? — спрашивают.

— Не знаю,— отвечает сказочник,— пришел какой-то человек, завязал мне рот да в мешок меня и засунул.

Царь и спрашивает сказочника:

— Ты сказывал мне сказку про Нестера?

— Нет, не я, но слышал ее, когда в мешке сидел.

Тогда царь и спохватился:

— Так это, видать, и был Нестер!

Начали искать Нестера. Нашли, привели к царю.

— Ты мне сказку рассказывал ночью? — спрашивает царь.

— Я, ваше царское величество.

— Ты обокрал меня?

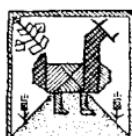
— Я, ваше царское величество.

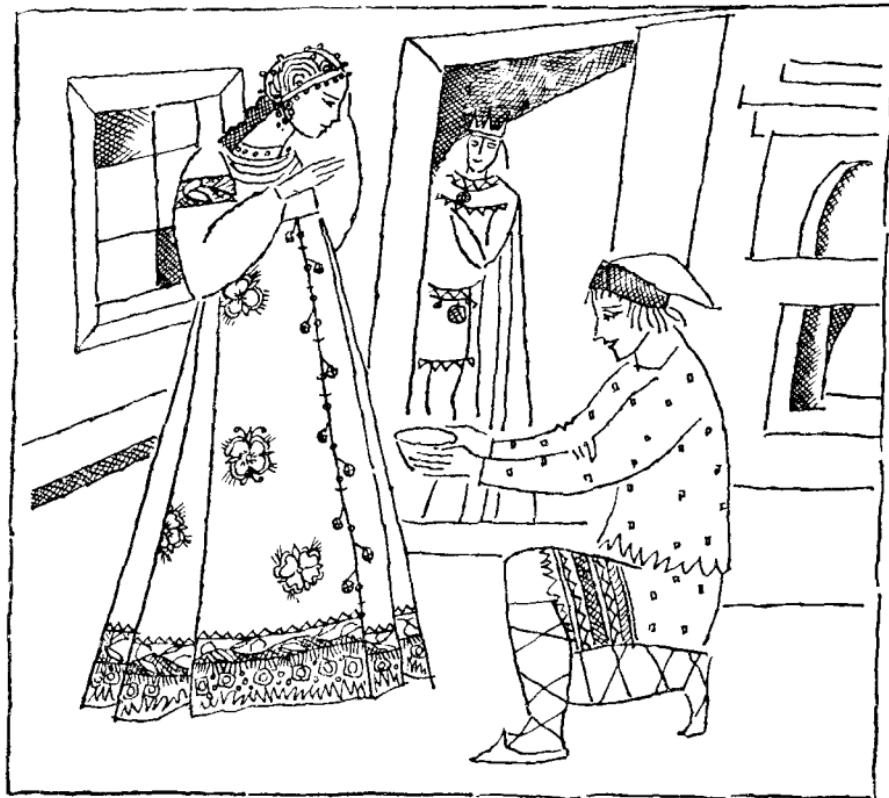
— А как же ты ко мне во дворец попал?

— Прокатился мимо часовых в соломе. В караульной нашел старый генеральский мундир, переоделся, а ваших часовых спать отправил. И стали мы кладовые чистить. А уж потом попал я к вам в спальню, запихал сказочника в мешок и начал вам сказку про себя рассказывать.

— Ну, Нестер, коли ты такой ловкий, то я тебя генералом поставлю, да еще и награжу.

Так Нестер и к месту попал. А тем мужикам, что с ним воровали, Нестер по доле наворованного выдал.

ЗОРЯ-ЦАРЕВИЧ

Жил царь, и было у царя двое детей — сын да дочь. Померли отец и мать, остались дети — мальчик побольше, а девочка поменьше — в зыбке. Такая ревунья была, никто не мог ее утешить — ни мамки, ни няньки, ни верны служанки. Брат придет, станет усыплять:

Бай, бай, бай, сестрицу спать.

Бай, бай, бай, родиму спать.

Вырастешь большая, за Зорю-царевича замуж отдам.

Она и спит. У брата дело царское, уйдет надолго, а мамки да няньки никак не могут ее усыпить. Он опять придет да укачет.

Прошло время, стала она большая, слуги ей и рассказывают:

— Брат тебя качал, величал, уговаривал, что за Зорю-царевича замуж отдаст.

Вот и стала она требовать:

— Где хочешь достань Зорю-царевича.

Снарядил брат корабль и поехал к Зоре-царевичу за море. Приехал, а Зоря-царевич спрашивает:

— Опиши, какая у тебя сестра?

Брат говорит:

— Красавица. Засмеется — с одного конца золото вьется, с другого отвивается, заплачет — жемчуг из глаз посыплется, ступит — один след золотой, другой — серебряный.

Вот Зоря-царевич приказал привезти ее. Приехал брат домой, приданое сестре спрятал, корабль снарядил — да и поехали. Едут они, наволок¹ близко. Видят, бежит по берегу женщина и кричит:

— Возьмите меня!

Брат пришел к сестре в каюту:

— Там женщина просится, взять ли?

Сестра отвечает:

— Не бери.

Он и послушался, не взял. На втором наволоке опять женщина кричит:

— Возьмите меня!

Брат спрашивает:

— Взять ли?

Сестра говорит:

— Не бери.

На третьем наволоке снова женщина бежит. Брат ничего у сестры не спросил да и взял женщину на корабль. А была это Баба Яга. Едут, погода хорошая, Баба Яга пришла в каюту и распоряжается:

— Настасья-царевна, раздевайся да в воду бросайся — братец велел.

Сестра сидит и плачет: так братец любил ее, а теперь в воду велит бросаться.

Второй раз приходит Баба Яга:

— Раздевайся да в воду бросайся!

На третий раз пришла, снова приказывает, братом грозит. Девушка бросилась, уточкой обернулась и поплыла.

Брат спрашивает:

— Что там юркнуло?

А Баба Яга отвечает:

— Я камешек бросила.

¹ Низменный мыс, полуостров.

Сама нарядилась в Настасьино платье.

Приехали к Зоре-царевичу. У него пристань приготовлена, ковры настелены. А невеста вовсе не такая красавица, как брат хвастал. Ивана-царевича в тюрьму и посадили. Он сидит, а повар за городом пиво варит, к свадьбе готовит. Вдруг к этому повару прилетает уточка. О землю хлоп — и сделалась девицей.

— Здравствуй, поварушка.

— Здравствуй, сударыня, здравствуй.

— Поварушка, поварушка, спит ли Зоря-царевич, спят ли ключники-замочники, спит ли мой братец?

— Спит, сударыня, снят.

— Поварушка, поварушка, собирай мои слезушки.

Вот она плачет, а повар набирает полные карманы жемчуга.

— Поварушка, поварушка, есть ли у тебя отнимочки?¹

— Нет, сударыня, у меня отнимочек.

Она подошла к камням и говорит:

— Камешки, камешки, сделайтесь ящичками.

Достала штофа² из ящичка да ему на прихватки и дала.

— Прощай, поварушка, через три дня меня дожидайся.

Прошло три дня, прилетела она опять:

— Поварушка, поварушка, здравствуй. Спит ли Зоря-царевич, спят ли ключники-замочники, спит ли мой братец?

Потом спрашивает:

— Поварушка, поварушка, есть ли у тебя жилетка?

Дала она ему бархату на жилетку. Походила, ·покорюшила и говорит:

— Через три дня опять меня жди.

Вот приходит к повару Зоря-царевич. Стал повар рассказывать:

— Прилетает сюда утешка. Озень ударится — становится девицей. Как заплачет — из глаз жемчуг сыплется, засмеется — с одного конца золото вьется, с другого отвивается, ступит — один след золотой, другой — серебряный.

Дала мне штофа на отнимки да бархату на жилет-

¹ Прихватки.

² Шелковая плотная ткань.

ку. Спрашивает про Зорю-царевича, про ключников-замочников да про братца родимого.

Зоря-царевич и говорит:

— Как бы мне ее увидеть?

— А вот,— отвечает повар,— повались на траву, она придет обязательно, обещала.

Зоря-царевич так и сделал. Через три дня уточка опять прилетела, обернулась девицей.

— Поварушка, поварушка, спит ли Зоря-царевич, спят ли ключники-замочники, спит ли мой родимый братец?

Повар ей про все отвечает.

— Собирай,— говорит она,— мои слезушки.

А Зоря-царевич взял да и поцеловал ее — она и не смогла в уточку превратиться. Стал ее высматривать да выведывать. Она все и рассказала. Тут царевича из тюрьмы выпустили и свадьбу сыграли.

ОДНОГЛАЗКА, ДВУГЛАЗКА И ТРЕХГЛАЗКА

Жил старик с женой да дочерью. Умерла жена, и остались они вдвоем. Пришлось старику жениться, взял он женщину с тремя дочерьми. У одной дочери был один глаз, у другой — два, а у третьей — три.

Была у старика корова, гладкая, красивая, молока много давала. Когда умирала мать стариковой девочки, она дочери сказала:

— Когда меня не станет, за тобой будет ухаживать коровушка — обшивать, кормить, охранять.

Невзлюбила мачеха старикову дочь, белье ей не стирает, есть не дает. А девочка придет к коровушке, в одно ушко зайдет — умоется, в другое зайдет — снрядится: станет сытая, чистая и белая. Злая была мачеха, будто баба-яга. «Где же она ест,— думает мачеха,— я ей не даю, а она сыта? Я ей не стираю, а она чистая ходит?»

Вот отправила мачеха старику дочь коров пасти. А своей дочери — одноглазке наказала все разузнать. Положила ей в корзинку пирогов, шанег и говорит:

— Смотри, падчерице ничего не давай.

Вот пришли девочки на поле. Все коровушки траву щиплют, а старики корова ходят по полю и мычит.

— У-мы, девица, у-мы, красная, в одно ушко зайди — умойся, в другое зайди — снарядися.

Сели девочки отдохнуть, падчерица и говорит:

— Дай-ко, сестрица, я тебя причешу, положи головку ко мне на колени. И стала она одноглазке волосы расчесывать да приговаривать:

— Спи глазок, спи глазок.

Глазок и уснул. Девочка тем временем сходила к своей коровушке, в одно ушко зашла — умылась, в другое зашла — снарядилась: стала сытая, чистая и белая. Пришла, будит одноглазку:

— Сестрица, вставай, погоним домой коровушек.

Пригнали коровушек домой, мать и спрашивает:

— Ты давала падчерице есть?

— Нет, мама, я ни крошки ей не дала.

— Ты ничего не заметила?

— Нет, ничего.

Мать бранит одноглазку, что не доглядела. На второй день посыпает двуглазку, наказывает со старицкой дочери глаз не спускать. Опять положила в корзинку всякой еды и говорит:

— Смотри, падчерице ничего не давай.

Пригнали коров на поле. Они ходят, траву щиплют, а старики корова мычит и мычит:

— У-мы, девица, у-мы, красная, в одно ушко зайди — умойся, в другое зайди — снарядися.

А падчерице опять как-то надо усыпить сестричку.

— Сестрица, дай-ко я тебя причешу, положи головку ко мне на колени, — говорит она.

И стала расчесывать двуглазке волосы.

— Спи, глазок, спи, другой.

Глазки и уснули.

Девочка в это время и сбегала к коровушке. В одно ушко зашла — умылась, в другое зашла — снарядилась: стала сытая, чистая и белая. Пришла, будит двуглазку:

— Сестрица, пора гнать коровушек домой.

Сестрица-двуглазка ничего и не видела. Пригнали коров домой, мачеха и спрашивает дочь:

— Ты падчерицу кормила? Опять она сытая и сытая.
— Нет, мама, я ничегошеньки ей не давала.

На третий день мать посыает с падчерицей трехглазку. Пришли они на поле, все коровушки разбрелись, травку щиплют, а старикова корова мычит да мычит.

— У-мы, девица, у-мы, красная, в одно ушко зайди — умойся, в другое зайди — снарядися.

А стариевой дочеке надо усыпить трехглазку.

— Сестрица, давай я тебя причешу, положи головку ко мне на колени.

Стала ее причесывать, а сама тихонько и приговаривает:

— Спи, глазок, спи, другой.

А про третий-то глазок и забыла, он и не уснул. Глазок все высмотрел, выглядел.

Падчерица подошла к коровушке, в одно ушко зашла — умылась, в другое зашла — снарядилась: стала сытая, чистая и белая. Пришла, будит сестрицу:

— Сестрица, погоним коровушек домой.

Трехглазка все матери и рассказала. Мачеха вовсе разозлилась, стала наговаривать старику:

— Давай зарежем корову, она мало молока дает.

А старик знал, что коровушка ухаживает за его родной дочкой, да делать нечего, пошел ножи точить. Узнала об этом девочка, прибежала к коровушке:

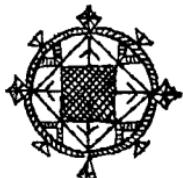
— Милая моя коровушка, ножи точат, зарезать тебя хотят. Как же я без тебя буду жить?

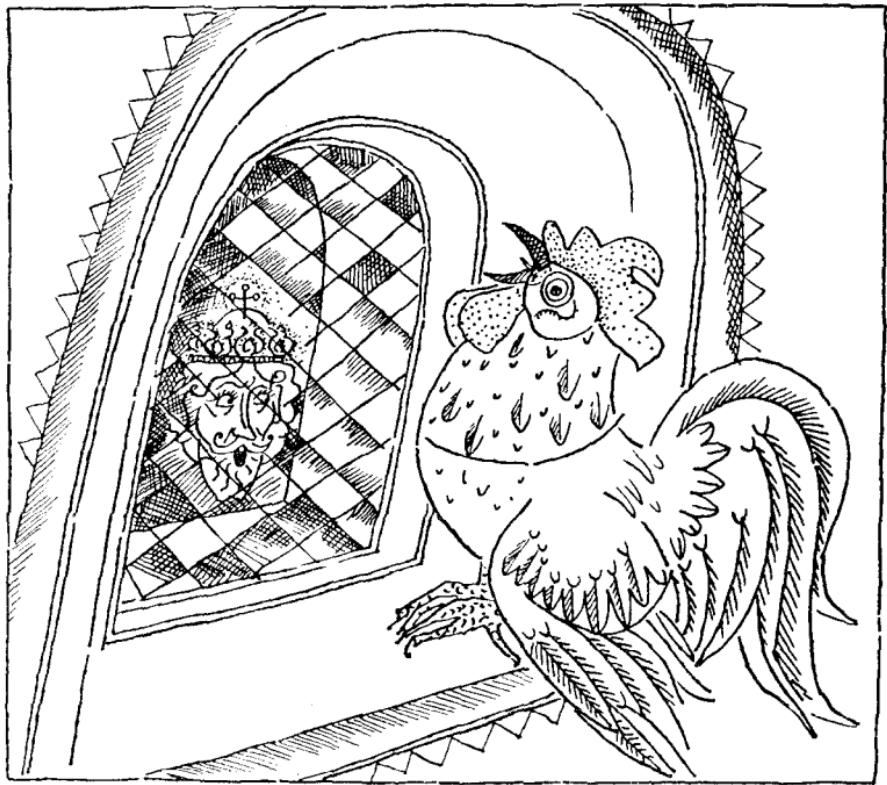
Коровушка ей и говорит:

— Как будут меня резать, ты собери немного крови да под окошечко вылей. Вырастет деревце, будешь на него смотреть — и снова будешь сытая, чистая и белая.

Зарезали коровушку, часть мяса продали, остальное сами съели, а падчерица все ходит чистая, белая и сытая. Мачеха ничего понять не может: «Как же так? Раньше корова кормила да убирала ее, а теперь кто?» Следила, следила она за падчерицей, да так ничего и не узнала.

Выросла девочка, стала умной, доброй и красивой девушкой. Вышла она замуж и стала жить счастливо.

ЖЕРНОВКИ

Жили-были брат и сестра, сиротами росли. Был у них в хозяйстве петух, да еще жерновки. Перед смертью отец и мать наказывали детям:

— Берегите жерновки, дети, никому не говорите, как живете, чем кормитесь.

А были эти жерновки волшебные: какой еды дети захотят — она тут же на столе появится, какая одежда понадобится — она тут и окажется. Вот узнал об этом царь и задумал у детей жерновки отобрать.

Однажды петух и говорит детям:

— Когда пойдете куда из дома, меня с собой не берите.

Оставили они петуха дома, да не смог он укараулить жерновки. Пришли брат с сестрой, а жерновков и нет.

— Ладно, не горюйте,— говорит петух,— я знаю, кто украл жерновки. Верну я вам их обратно.

Погоревали брат с сестрой, да делать нечего. Отправили петуха в дорогу. Идет он и видит реку.

— Носик, ротик, пейте воду.

Напился петух воды, наклевался камешков и пошел дальше. Подошел к царскому дворцу, вскочил на подоконник и закричал:

— Царь-ворина, отдай наши жерновки!

— Кто это кричит? — спрашивает царь.

— А это петух, у которого жерновки украли, — говорят слуги.

— Посадите петуха в конюшню, пусть кони его копытами убьют.

Петуха схватили, заперли. Он и говорит:

— Камешки, камешки, разлетайтесь, разбейте все стекла.

А коням в это время налил из клюва воды в корыто. Стали кони пить, камешки стекла разбили, петух и вылетел из конюшни. А царь созвал заморских гостей, бал устроил. Петух сидит на подоконнике и кричит:

— Царь-ворина, отдай наши жерновки!

— Затопите баню, бросьте петуха в огонь, — рассердился царь.

Затопили баню, бросили петуха в горячую печь, а он воду из клюва выпустил. Баня потухла, камешки стекла разбили, петух и вылетел из бани. А бал во всю идет, заморские гости на жерновки дивуются.

Петух опять сел на подоконник и закричал:

— Царь-ворина, не обижай сирот, отдай жерновки!

Гости прислушались. Что же это такое? Выходит, что царь — вор: сирот обидел — жерновки украл.

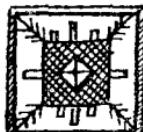
Рассердился царь и приказал:

— Бросьте ему жерновки.

Петух жерновки на плечо — и потащил. Обрадовались брат с сестрой, зажили снова хорошо, благодарили петушка:

— Спасибо, петушок.

Вот и сказке конец.

МАРЬЯ СИНЕВОЛОСАЯ

Жил-был царь. Был у него сын, единственный и любимый. Всем слугам было строго наказано беречь царского сына и никуда одного не отпускать. Мальчик выходил на улицу только с мамками да няньками, верными служанками. Но вот подрос царевич и оказался на улице один. Зашел в сад. Гуляет по саду и вдруг слышит, кто-то его кличет:

— Федор-царевич!

Он и спрашивает:

— Кто зовет меня?

— Это я, дедушка-ургюмушка,— отвечает голос из подземной кладовой,— выпусти меня из этой тюрьмы, царевич, отопри ее. Я голоден, есть и пить хочу, а слуги твоего отца заперли меня, говорят, что я вор.

— Как же я тебя выпущу? Ты заперт, а ключа у меня нет.

— Я научу тебя, как достать ключ. Иди домой и попроси отца: «Папенька, порато¹ хочу глянуть на дедушку-урюмушку. Дай ты мне ключ от кладовки.» Вот меня и откроешь.

Очень любил царь сына, и если тот попросил ключ, то как не дать — дал. А сам уж послал по всем городам известие, чтобы люди приезжали на дедушку-урюмушку смотреть. Сын вышел в сад, темницу отомкнул и выпустил дедушку-урюмушку.

Старик и говорит Федору-царевичу:

— Как понадоблюсь, ты меня покличь — я тут и буду.

Вот стали к царю съезжаться князья, бояре, гости разные, и повел он их показывать дедушку-урюмушку. А был этот дедушка дураковатый да колдоватый, да к тому же еще горбатый. Поймали его царские слуги в заповедном саду и заперли. Открыл царь кладовую — а дедушки-урюмушки и след простыл. Что делать? Надо искать виноватого, кто дверь открыл. Федор-царевич и признался, что он.

Все думали-гадали, как же его наказать за это, и решили отпустить на все четыре стороны, пусть идет куда знает, раз так провинился. Дал ему царь-отец денег в дорогу и солдата служивого. Шли они, шли, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, захотелось Федору-царевичу пить, а воды вокруг нигде нет. Идут дальше. Шли, шли, неведомо сколько верст еще прошли — увидели колодец. Царевич и говорит солдату:

— Достань мне, служивый, водички, сил больше нет — так пить хочется.

А солдат ему:

— Доставай сам, мы здесь на равных.

Федор-царевич наклонился за водой — да и упал в колодец.

— Ой,— кричит,— служивый, вытащи меня!

А тот ему отвечает:

— Коли отдашь мне царское платье, а сам возьмешь мое, тогда вытяну, а нет — так и сиди там.

Пришлось царевичу поменяться платьями. Пошли они дальше. Шли, шли, шли и видят: семь женок ягоды собирают, на всех один глаз. Сначала одна собирает, потом другая, третья — все по очереди. Федор-царевич и спрашивает:

¹ Очень.

— Как же так, вас семеро — а глаз на всех один?
А они ему в ответ:

— У нас дедко-угрюмко обрал глаза.

Тут Федор-царевич и вспомнил про него:

— Дедушка-угрюмушка, где ты? Иди сюда.

Дед сразу же появился и отдал женкам глаза, стали они все зрячими.

Пошли царевич с солдатом дальше. Путь долгим был, и оказались они в незнакомом царстве около царского дворца. Попросились переночевать. Царь жил один, с дочкой.

Вот царь и предложил Федору стать у него конюхом, а солдат так и остался в царском платье, царевичем. Живут-поживают. Подговорил солдат слуг, они и сказали царю, будто конюх хвастает, что может царю невесту засватать — Марью синеволосую из тридевятого царства. Царь-то вдовец был. Вот царь призывает конюха:

— Сказывают, что ты можешь мне невесту достать — Марью синеволосую. А не достанешь — твоя голова с плеч.

Думал-подумал Федор-царевич, не знает, куда пойти искать. Вышел он на улицу и крикнул:

— Дедушка-угрюмушка, помоги мне найти Марью синеволосую! Живет она за тридевять морей, за тридевять городов, в тридевятом царстве.

Дед ему и говорит:

— Если царь будет давать тебе корабль — не бери, скажи, что сам сработаешь. Утром придут работу принимать, ты ходи около корабля, постукивай да поколачивай, будто сам и делал.

Утром приходит царь со свитой, а у Федора-царевича корабль готов, только погрузиться и поехать. Стало провизию возить да грузить, на два года запас. А женки, у которых один глаз был на семерых, послали по сыну на корабль, грузчиками. Живо все на корабль погрузили и поехали за тридевять морей.

Когда эти грузчики работали, они между собой речь вели, кто на что горазд — кто крупу есть, кто море выпить, кто звезды считать.

Плыл, плыл корабль по морю — и прибыл в тридевятое царство, стал в гавани. Федор-царевич пошел в город царю невесту искать да сватать. Нашел он Марью синеволосую. Выслушала она царевича и говорит:

— Я тогда пойду за царя, если твои слуги съедят всю крупу, что у меня есть, не оставят ни зернышка.

Возвратился Федор-царевич на корабль и спрашивает грузчиков:

— Кто может у царской невесты всю крупу съесть?

Желающий сразу нашелся:

— Я, я!

Мешок за одну щеку, мешок за другую, третьим мешком подпихивает — всю крупу и съел.

Идет второй раз Федор-царевич к невесте, а она опять отговорку нашла.

— Только тогда пойду замуж, — говорит, — когда весь квас из моих подвалов выпьете.

Федор-царевич спрашивает:

— Ребята, кто может весь квас из подвалов выпить?

— Я могу! — один выскочил.

Пришел он в подвал, выпил бочку, другую, третью — все.

Федор-царевич думает: «Что же теперь невеста скажет? Какое еще задание даст?» А она и говорит:

— Я прикажу баню истопить, жаркая будет баня. И если сможешь ты в этой бане вымыться, тогда пойду за царя замуж.

Истопили баню, приглашают Федора-царевича, конюха значит. А баня натоплена докрасна, даже кумачная. Пришел Федор-царевич в баню, вспомнил дедушку-урюмушку, позвал. Тот пришел, дунул в угол, дунул в другой — баня и стала холодная.

Посылает Федор-царевич прислугу к Марье синеволосой:

— Иди и скажи, пусть другую баню истопят, а в этой я согреться не могу.

Как теперь откажешь в сватовстве? Согласилась она. Стали на корабль собираться, сели и поехали — и Марья синеволосая с ними. Совсем недалеко отъехали — она в воду и бросилась. Федор-царевич испугался:

— Кто море может выпить?

— Я, я! — кричит один.

Пил, пил, пил — все море и осушил. А Марья синеволосая сидит себе на дне на камешке и ничего не говорит. Взяли ее на корабль. Сколько-то отъехали, а она звездочкой обернулась и поднялась в небо.

— Ребята, кто может звезды считать? — спрашивает Федор-царевич.

— Я,— сказал один из команды и стал считать.— Вон там лишняя звездочка,— говорит,— ее и достаньте.

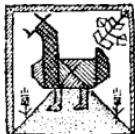
Выстрелили в нее из холостого ружья, и Марья синеволосая упала на корабль. Пришел корабль в гавань, а там уж встречают, к свадьбе готовиться начинают. А невеста опять условие ставит:

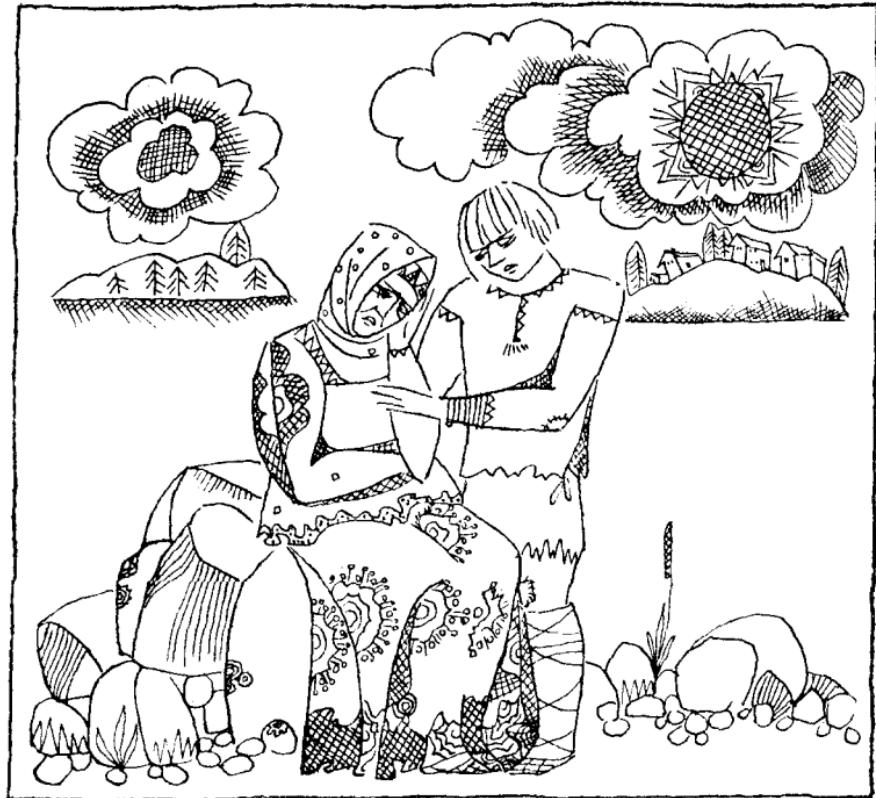
— Вот когда я погуляю в саду с царской дочкой — тогда и свадьба будет.

Царская дочка спрашивает невесту:

— Кто же тебя раздобыл да сюда привез?

Она все и рассказала, что привез ее царский сын, только он в солдатской одежде. Стали у конюха спрашивать, кто он есть и откуда. Долго он не сознавался, а потом все и открыл. Царская дочка за него замуж вышла, а Марья синеволосая — за царя. Сыграли сразу две свадьбы. Народу съехалось видимо-невидимо, всех угостили, такое веселье сделали! Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец.

ХИТРАЯ НАУКА

В одном поморском селе жила бедная вдова с маленьким сыном. Муж ее утонул в море во время шторма, только щепки от карбаса пришло к берегу. Что из добра и осталось после него, все ушло за долги богатому купцу. Вот мать как-то и говорит сыну:

— Сынок, жить нам больше не на что. Придется идти в город, может, там устрою тебя в ученье или на работу.

Повела вдова своего сына в город. Идут они берегом моря, а дороге конца и края не видать. Устали они. Села вдова на прибрежный камень и тяжело вздохнула:

— Ох! Милый мой муж, на кого же ты нас оставил?

Вдруг, откуда ни возьмись, появился человек и говорит:

— Что, вдовушка, меня вспоминаешь?

— Нет, я тебя не вспоминала,— испугалась вдова.

— Как не вспоминала, сказала ведь «ох», а это я и есть. Куда ты отправилась с сыном?

— А повела я его в город, может, удастся отдать учиться какому-нибудь ремеслу.

— Так отдай мне, я его за три года всякому ремеслу выучу, а ты раз в год будешь приходить на вестить своего сына.

— Ну как, сынок, пойдешь ли к этому дяде учиться? — спрашивает вдова.

— Пойду, мама!

А Ох говорит матери:

— Через год приходи сюда, на это же место. Придешь к камню, вспомни меня — я и приду.

Распрощалась она с сыном и пошла домой.

Проходит год. Напекла вдова подорожников, идет на свидание к сыну. Приходит на установленное место, к камню, и говорит:

— Ох!

Ох и явился.

— Что, пришла сынка посмотреть?

— Да, добрый человек, пришла.

— Ну хорошо, я сейчас выведу к тебе сына, узнаешь ли?

Выводит он двенадцать баранов, и все одинаковые.

— Смотри, среди этих баранов есть и твой сын. Если угадаешь, который твой, то я сделаю его человеком, а нет — приходи на следующий год.

Вдова и говорит:

— Что ты, добрый человек, ведь я тебе его человеком дала, а не бараном.

— А в этом и есть учеба. Я взял от тебя человека, а превратил его в барана.

Не смогла вдова узнать своего сына и пошла домой невеселая. Проходит год, она снова отправляется на вестить сына. Идет и думает: «Смогу ли я теперь угадать его?» Приходит к камню и говорит:

— Ох!

А Ох тут как тут.

— Ну что, пришла сынка посмотреть? Хорошо, я сейчас приведу его, узнаешь или нет?

Выводит двенадцать свиней.

— Смотри хорошенъко, среди этих свиней есть и твой сын. Угадаешь, тогда будет человеком, а не угадаешь — приходи на следующий год.

Не смогла вдова узнать своего сына и на этот раз. Проходит еще год. Снова напекла она подорожников и пошла к сыну. «Если я не угадаю и на этот раз своего сына, то мне его никогда больше не видать», — думает она.

Не успела вдова дойти до того места, где всегда останавливалась, как с дерева прыгнула на дорогу птичка и сделалась человеком.

— Здравствуй, мама!

— Сынок, Ваня! Как ты вырвался от своего хозяина?

— Я стал хитрее его, потому и вырвался. Ты, мама, сейчас не вспоминай его. Я тебя научу, как меня угадать. Когда придешь к камню, он выведет двенадцать лошадей, и все будут одинаковые, вороные. Отсчитай четвертую лошадь слева — это я и буду. Не забудь, мама!

— Хорошо, сынок, не забуду.

Он и скрылся. Подошла вдова к тому месту, где обычно останавливалась, и говорит:

— Ох!

Он и появился.

— Ну что, мамаша, пришла сына посмотреть?

— Не смотреть я пришла, а хочу взять его от тебя прочь.

— Ну-ну, посмотрим, возьмешь ли ты его или оставишь навсегда.

Вывел Ох двенадцать лошадей — все как одна и все вороные.

— Среди этих лошадей есть и твой сын. Если не угадаешь, он навсегда останется у меня.

Вдова ходит и смотрит на лошадей.

— Что-то ты замешкалась, давай побыстрее, — говорит Ох.

Отсчитала вдова четвертую лошадь с левой руки и говорит:

— Пусть это будет мой сын.

— Ну что же, ты угадала, можешь получить сына, — говорит Ох.

Вдова за узду вывела эту лошадь из строя и повела. Прошли немного дальше того места, где она обычно говорила «ох», и лошадь превратилась в сына.

— Прежде чем идти домой, зайдем, мама, в город, — просит он.

Не дошли они еще до города, сын и говорит:

— Вот что, мама, я обернусь лошадью, а ты продай меня в городе купцу за тысячу рублей, но не отда-

вой узде́чку. А когда прода́шь, возьми узде́чку и вы́ди за го́род, я опять с тобой буду.

Оберну́лся Иванушка лошадью, вдова и повела ее. Привела на торго́вую пло́щадь. Покупатели сразу нашлись.

— За сколько прода́ешь, вдова, лошадь? — спраши-
вает купе́ц.

— За ты́сячу.

— Дорогово́то проси́шь.

— А дешевле не отда́м.

Лошадь была хоро́шая, и купе́ц дал вдове ты́сячу рубле́й.

— Но я продаю лошадь без узде́чки, узде́чку мне отдаите обратно.

— Да для чего она тебе?

— А я эту узде́чку пове́шу на гвоздик и буду вспо-
минать, что когда-то и у нас была лошадка.

— Ну хорошо, — сказа́л купе́ц, и повел лошадь в свою конюшню.

Получила вдова ты́сячу рубле́й, узде́чку и пошла своей дорого́й. Вышла она за го́род, а Иванушка тут как тут.

— Деньги полу́чила?

— Полу́чила, сынок.

— Давай, мама, еще вернемся в го́род. Я обернусь лошадью, ты меня опять прода́й этому купцу. Проси теперь две ты́сячи рубле́й.

Оберну́лся Иванушка лошадью, вдова и повела ее на торго́вую пло́щадь в го́род.

— Сколько проси́шь за лошадь? — спраши-
вает купе́ц.

— Две ты́сячи рубле́й, дешевле не отда́м.

— Дорогово́то. Но лошадь хоро́ша, придется все же купи́ть. Будет у меня пара вы́ездных лошадей.

— Покупайте, только узде́чку мне обратно отдаите.

— Хорошо, узде́чку я тебе отда́м.

Получила вдова деньгии и пошла из го́рода. А сын уже тут.

— Ну что, мама, прода́ла лошадку?

— Прода́ла, сынок, и деньги полу́чила.

— Давай еще раз сходи́м, я снова обернусь лошадью. На этот раз тебе не надо проси́ть цену, сами будут давать.

Только вдова привела лошадь на торго́вую пло́щадь, покупатели так и набежали. Один кричит:

— Я ты́сячу даю!

Другой:

— Я две!

Вдруг бежит еще покупатель:

— Обожди, не продавай, я две с половиной даю.

Ну и сторговала вдова лошадь за две с половиной тысячи.

— Но я только с тем условием продаю, чтобы мне уздечку обратно вернули.

— Что ты, разве без уздечки лошадь продают?

— Как хочешь, а уздечку отдай, иначе я лошадь и продавать не буду.

— Получай деньги, давай мне лошадь, — говорит покупатель.

Вдова получила деньги и стала их убирать. Покупатель в это время выхватил у нее из рук повод, вскочил на лошадь — и ускакал.

Погоревала она, погоревала, да делать нечего. Пошла домой. А покупатель был тот самый Ох, у которого Иван учился три года. Ездил он на этой лошади, ездил и говорит:

— Ишь ты, какой явился! Моим учением думал деньги зарабатывать? Думал меня перехитрить? Теперь-то ты от меня не уйдешь.

И до того догонял эту лошадь, что мыльная pena на ней появилась. Приехал обратно в город, привязал лошадь к столбу, а сам пошел в трактир.

Мимо этого места конюх гнал лошадей к реке на водопой. Лошадь, что была привязана к столбу, и заговорила человеческим голосом:

— Конюх, отвяжи меня, я с твоими лошадьми на водопой схожу.

Конюх отвязал лошадь, она и пошла на водопой. Лошади стали пить воду, а эта лошадка бредет все дальше и дальше, пока не скрылась под водой. Приходит конюх в трактир. Он видел, кто ездил на этой лошади, и говорит:

— Ваша лошадь утонула в реке.

Ох выбежал из трактира и побежал к реке.

— Никуда она не уйдет!

Прибежал на берег, бросился в воду и превратился в щуку. А лошадь превратилась в окуня. Окунь плывет, щука гонится за окунем. Щука и говорит окуню:

— Окунек-голубок, повернись головой, побеседуем с тобой.

— Нет, щука хитра, ешь меня с хвоста!

Как щука ни вертится, чтобы окуня схватить с головы и проглотить, окунь все к ней хвостом поворачивается, колючки растопыривает.

Надоела окуню вся эта игра, выпрыгнул он на берег и превратился в колечко. А в это время у реки гуляла царевна. Колечко и покатилось к ногам царевны. Царевна взяла это колечко, надела себе на палец да и пошла во дворец.

Легла царевна спать, колечко с пальца скатилось — и стал молодец. Разбудил Иванушка царевну.

— Не бойся, царевна, я то колечко, которое ты вчера подняла у пруда. Утром придет во дворец молодой человек, он будет говорить, что проходил мимо вашего дворца и обронил колечко, и будет просить твоих батюшку и матушку, чтобы ты это колечко вернула. Не отдавай колечко! А если твой отец будет настаивать, чтобы ты его отдала, брось колечко на пол. Оно рассыплется на мелкие зерна, одно зерно покатится к твоим ногам. Ты наступи на него ногой, тогда этот человек превратится в петуха и станет клевать эти зернышки. Когда он их все склюет, то запоет: «Что задумано — то и сделано», в это время ты зернышко и освободишь из-под башмачка.

Утром, когда царевна еще лежала в постели, приходит к ней служанка и говорит:

— Ваш батюшка требует вас в столовую, пришел какой-то молодой человек.

Царевна встала, умылась, служанка помогла ей надеть платье, и приходит она к отцу. Видит, сидит неизвестный человек.

Отец говорит дочери:

— Дочка, ты вчера подняла колечко у реки?

— Да, подняла, оно у меня на руке.

— Это колечко молодого человека, придется его отдать.

— Нет, папа, это не его колечко.

Тогда молодой человек встает и говорит:

— Царевна, это колечко мое, и я прошу вернуть его мне.

— Нет, колечко это не ваше, и я его не отдам.

— Отдай, дочка, колечко, неужели у тебя нет колец? — рассердился царь.— Я приказываю возвратить его этому человеку!

— Я ваши слова исполню, но в руки колечка ему не дам.

Царевна сняла кольцо с пальца и бросила на пол. Колечко упало и рассыпалось на мелкие зернышки. А этот молодой человек на глазах у всех превратился в петуха и давай эти зернышки клевать. Одно зернышко покатилось к ногам царевны, и она наступила на него. Петух склевал все зернышки и запел:

— Что задумано — то и сделано!

Тогда царевна выпустила зернышко из-под ноги, и оно превратилось в ястреба.

Ястреб заклевал петуха до смерти и превратился снова в человека. Это и был Иванушка.

— Спасибо тебе, царевна, что спасла мою жизнь. Это был мой злой учитель. Он обманом отбирал у матерей сыновей. И таких, как я, у него было двенадцать, все жили в неволе. Из двенадцати я один перехитрил его и уничтожил. Царь-батюшка, если ваша дочь согласна, отдайте ее за меня замуж.

— Папа, я пойду за Ивана, он мне нравится,— говорит царевна.

Видит царь, что достойного жениха выбрала себе его дочь, и согласился. Сыграли свадьбу. Не забыл Иван и своих одиннадцать названных братьев. Сходил в подземелье, освободил их, а дом Оха они сожгли, чтобы никогда здесь больше не появлялась нечистая сила. Взял Иван к себе мать, и стали они жить-поживать и добра наживать. До сих пор живут, не нарадуются.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителей</i>	3	Медведь и три сестры	100
<i>Как звери войны испугались</i>	5	Про Ивана-царевича, Ивана-коровича и Ивана кухаркина сына	104
<i>Чучелка да Парачулка</i>	8	Чудовище	109
<i>Соломенный бычок</i>	11	Сивко-бурко	112
<i>Лиса-повитуха</i>	13	Братец Иванушка и сестрица Аленушка	119
<i>Глиняный Иванушка</i>	15	Девушка-лебедь	123
<i>Как стариk горох сеял</i>	17	Солдатская торба	129
<i>Кот, петух и лиса</i>	19	Бычья шкура	132
<i>Золотая тарелочка</i>	22	Добрые советы	138
<i>Ершишка-плутишка</i>	26	Во лбу солнце, на затылке месяц	144
<i>Семеро овечек, соломенный хлевечек</i>	28	Мышкин колокольчик	149
<i>Двенадцать хворостей</i>	31	Жар-птица	152
<i>Маленький Липунюшка</i>	33	Соломан и лиса	158
<i>Елена-краса, золотая коса</i>	35	Жемчужный песок	161
<i>Морской царь</i>	43	Моховая пряжа	168
<i>Дед-всевед</i>	50	Никифорово чудо	172
<i>Иван Соспович</i>	55	Гордая невеста	179
<i>Утешка золотые перышки</i>	67	Иван крестьянский сын	183
<i>Иван-царевич и Елена Прекрасная</i>	72	Невестинны наряды	194
<i>Тилли, вилли, мотовилли</i>	83	Про Нестера	198
<i>Звериное молоко</i>	86	Зоря-царевич	202
<i>Перстенек, кошелек и кувшин двенадцать горлышков</i>	91	Одноглазка, двуглазка и трехглазка	206
		Жерновки	209
		Марья синеволосая	211
		Хитрая наука	216